

A young couple is walking away from the viewer on a paved path in a park during autumn. The woman on the left has long blonde hair and is wearing a black leather jacket and blue jeans. The man on the right has short blonde hair and is wearing a blue leather jacket and blue jeans. They are holding hands. The path is covered with fallen orange and yellow leaves. In the background, there are trees with vibrant autumn foliage on the left and bare trees on the right. A concrete wall is in the foreground.

Вера Яр

Взрослеть

Активизация
События

Вера Яр Взрослеть

<https://litres.ru/74660782>

SelfPub; 2026

Аннотация

«... — Я люблю тебя.

Он наконец это сказал. Всего-то спустя восемнадцать лет с тех пор, когда действительно нужно было признаться...»

Первая любовь не сбывается и не забывается. Но иногда (очень редко, но все-таки) она может вернуться. Проверить, насколько ты вырос. Как выучил свои жизненные уроки. Какие сделал выводы. Готов ли ты наконец соответствовать масштабу собственных чувств.

Хотим мы того или нет, нам всем приходится это делать.
Взрослеть.

Содержание

Часть 1. «Давай не сегодня?»	4
1.	4
2.	23
3.	45
4.	58
5.	70
6.	88
7.	101
8.	113
9.	124
10.	136
11.	160
12.	175
13.	202
Конец ознакомительного фрагмента.	212

Вера Яр

Взрослеть

*Всем, кто хотел вернуть свой
2007-й, но так и не смог этого
сделать, посвящается...*

Вера Яр

Часть 1. «Давай не сегодня?»

1.

— Ребята, чем быстрее вы домоеете класс, тем быстрее пойдете мыть коридор!

Классный руководитель 11 «А» Ирина Ивановна Стеценко была женщиной конкретной и в вопросах дежурства по кабинету придерживалась своих строгих правил.

— Так себе мотивация, Ирина Ивановна! — прокомментировал Андрей, которому в этот раз выпала сомнительная честь наводить порядок.

— Вот не тебе жаловаться, Светленький! Кто два прошлых дежурства прогулял? А уж когда ты вместо себя от правил соседа-семиклассника, я вообще в шоке была!

С этими словами Ирина Ивановна надела очки, подхвати-

ла пачку тетрадей и вышла из кабинета, направляясь на педсовет.

— Что, и такое было? — удивленно спросила Андрея одноклассница Аня, с которой им сегодня предстояло дежурить.

— А? Да, было в том году. Теперь Гришка уже в восьмом и за пачку чипсов батрачить не готов. А жаль.

— Ну ты, конечно, эксплуататор!

— А то! Знай наших, Васильева! — преувеличенно гордо заявил Андрей.

Генеральная уборка класса по пятницам для Ирины Ивановны была священным ритуалом и, в зависимости от ситуации, использовалась как повод либо призвать учащихся к совести, либо наказать провинившихся. Поначалу в ход шли уверения вроде: «Ребята, вам же самим будет приятно заниматься в чистом кабинете! Мы должны беречь школьное имущество, если хотим, чтобы нас окружали красивые вещи!». Но желающих еженедельно беречь это самое имущество с каждым разом было все меньше, зато все чаще уборка становилась санкцией по схеме «Сорвал урок — помыл кабинет. Дважды». А уж если совершенно случайно неделя выдалась спокойной и класс вел себя примерно, назначались дежурные.

Сам Андрей намывал кабинет чуть ли не каждый месяц, хотя на его поведение никто из учителей никогда не жаловался. Парень жил в соседнем со школой доме и не мог отбо-

яриться дополнительными занятиями, как это делали одноклассники. Поэтому, как только у Ирины Ивановны кончались штрафники, Светленький становился первым (и, видимо, по мнению классной, перспективным) кандидатом в дежурные. Надоело до чертиков! И даже совесть скромно воздерживалась от комментариев по этому поводу. Один раз он попросту забыл про экзекуцию, а за второй прогул ему не было стыдно: мыть кабинет в компании Макса Гринчука, который накануне опять довел историчку до нервного срыва, — весьма сомнительное удовольствие. Ну а Гришка тогда сам предложил: ему нужен был повод прогулять тренировку. Если честно, Андрей и в этот раз подумывал не приходить, но услышал, как классная спрашивает у отличницы Ани Васильевой, как у той сегодня со свободным временем.

— Прodeжуришь? Я могу, — ответила Аня, и парень понял, что в этот раз он готов отмывать парты хоть до ночи.

Эта девушка оставалась несбыточной мечтой Андрея все годы учебы. В глубоком школьном детстве они даже иногда играли вместе, но потом их общение сошло на нет. Андрей только пытался поймать ее взгляд на переменах — в основном, безуспешно. Одноклассниками они стали лишь в прошлом году, когда больше половины учеников их параллели ушли в колледж и училище, а к остаткам 9 «А», где учился Андрей, присоединили остатки Аниного 9 «Е». Но даже проучившись год в одном классе, ребята так и не начали общаться хотя бы на приятельском уровне. Аня вежливо, но

довольно прохладно отвечала на любой его вопрос, а сама говорила ему максимум «Привет!», да и то не всегда. Но тут он сам виноват: когда влетаешь в класс со звонком, здороваться особо некогда, а после урока уже и незачем.

Окинув взглядом привычный фронт работ, Андрей превеличенно бодрым голосом заявил:

— Ну что ж. Предлагаю разделение труда. На мне шкафы и подоконники, там цветы тяжелые. На тебе парты и доска. Черточки с пола оттираем вместе. Идет?

— Да, давай, — ответила Аня и отвернулась к раковине, чтобы намочить тряпку.

Если честно, Андрей ее немного нервировал, и она даже не могла объяснить, почему. Он не был задирой и раздолбаем, как Гринч, не прожигал ее влюбленно-тоскливыми взглядами, как Славик Кузнецов, и не устраивал балаганы на уроках, как Вовка Яковлев и компания. Можно даже сказать, что Андрей был одним из самых адекватных парней их 11 «А». Спокойный, веселый, добрый и даже готовый нести ответственность за свои ошибки: когда в прошлом году парни бесились на перемене в кабинете истории и оборвали карниз, Светленький единственный не пытался сделать вид, что его тут и близко не было, а просто пообещал все починить на следующей перемене. И действительно починил. А еще однажды Аня, сидящая за партой прямо перед Андреем, обернулась, чтобы попросить его не пинать ее стул, увидела, как солнце подсвечивает ему глаза, от чего становится заметно,

что они насыщенно-синие и какие-то глубокие, словно в них прячется целый космос (она раньше думала, что это банальная метафора, но к глазам Андрея такое описание подходило идеально)... И ничего не сказала. А потом поняла, что ее, в общем-то, и не раздражает, когда он задевает ногой ее стул. Впрочем, сердце девушки на тот момент было давно и безнадежно занято, и она решила не придавать этим мыслям особого значения, лишь изредка тайком поглядывая на Андрея, чтобы убедиться: космос ей тогда не привиделся.

Уборка в классе близилась к завершению: ребята работали хоть и молча, время от времени перебрасываясь дежурными фразами, но довольно слаженно и быстро. Все цветы были политы, стулья подняты на помытые парты, и Аня принялась за доску, пока Андрей оттирал последние черточки с пола. Еще чуть-чуть, и можно переходить к коридорчику метр на метр перед классом, который все называли предбанником и в котором тоже полагалось отчистить линолеум от следов обуви и при необходимости протереть стены. Спустя пару минут, когда доска уже практически сияла, Андрей внезапно произнес:

— Ну, мы почти закончили, вроде. Я пойду.

— Иди, раз тебе надо. Пока! — Аня повернулась к нему, чтобы бросить многозначительный укоризненный взгляд, но спорить не стала. Парень выглядел каким-то... смущенным? Да ну, он смущаться не умеет. Вот ведь помощничек!

Андрей практически выбежал из класса, сам себе напо-

миная при этом кролика из известной сказки: «Я опаздываю! Я страшно опаздываю! Кстати, куда я опаздываю?». Он прекрасно помнил про предбанник, который тоже подлежал еженедельной санобработке, но... Сил больше не было. Не было сил терпеть эту пытку: он чуть ли не впервые в своей жизни не знал, как завязать разговор с девушкой. С симпатичной девушкой. Да черт возьми! С девушкой, ради встречи с которой он таскался в школу все десять лет и даже почти не прогуливал! И вот, наконец он остался с ней наедине, хоть и по весьма прозаичному поводу, а мысли словно улетучились из головы вместе с природным обаянием и чувством юмора, которые у него вообще-то были! А уж когда Аня принялась мыть доску... Андрей до этого не знал, что он умеет краснеть. Девушка была невысокой даже на каблуках, ей приходилось сильно вытягивать руку с тряпкой и тянуться всем телом, чтобы достать до верхнего края доски. От этого движения голубая блузка задиралась, оголяя полоску кожи на пояснице. Ничего неприличного, девчонки в школе носили и более провокационные наряды, но именно в этот момент в мозгу Андрея промелькнули картинки тако-о-о-ого содержания, что стало совсем невыносимо. Как будто Аня умеет читать мысли и сейчас узнает о нем все неприглядные подробности! Поэтому вместо того, чтобы просто предложить свою помощь — все-таки он был выше на целую голову и легко дотянулся бы не только до края доски, но и до часов, висящих над ней (он это уже неоднократно проверял),

— выдавил из себя жалкое «Я пойду». Аня обернулась, не опуская руку с тряпкой, и от этого движения край ее блузки приподнялся еще на сантиметр. Андрей сглотнул несуществующий комок в горле, пытаясь отвести взгляд от этой картины. Девушка посмотрела на него с нечитаемым выражением лица. Вряд ли она была довольна таким поворотом событий и перспективой драить предбанник в одиночку. Он вел себя как идиот!

Андрей себя идиотом, в общем-то, не считал. Хотя недавно, буквально две недели назад, на линейке первого сентября, начал подозревать, что он самый настоящий осел — и это как минимум! Тогда он тащил на своем плече мелкую первоклашку с бантиками, которая давала свой первый звонок, и вдруг с удивлением понял, что это действительно его последний год учебы в школе, а все предыдущие он потратил на то, что, в общем, не имело смысла. При этом того, что смысл имело, он старательно избегал. А именно: ни разу за все школьные годы даже не попытался привлечь внимание Ани Васильевой, которую помнил еще такой же первоклашкой, как та, что сидела сейчас на его плече, — с двумя хвостиками, вздернутым носиком и ямочками на щеках. Годами он тайно любовался этими ямочками, которые появлялись, когда Аня над чем-то смеялась вместе со своей подругой Ритой, но почему-то так и не решался с ней заговорить, хотя в других ситуациях его порой было не заткнуть. И на торжественной линейке, увидев в толпе одиннадцати-

классников Аню, он вдруг явственно ощутил, как в его голове словно включился таймер обратного отсчета. Была не была!

Не подозревая обо всех душевных терзаниях одноклассника, Аня после ухода Андрея немного повозмущалась про себя и в конце концов успокоилась — мало ли какие у человека дела. Уж не ей с ее плотным расписанием, из-за которого она в прошлом году ни разу не попала на пятничное дежурство, качать права. Вернувшейся с педсовета Ирине Ивановне девушка, слегка покривив душой, отчиталась, что Светленький ушел буквально десять минут назад, выполнив свою часть работы, это она провозилась дольше, чем нужно.

Аня сидела на уроке, слушая долгий рассказ Анны Николаевны о любви в жизни Пушкина. Почему-то изучением творчества Александра Сергеевича принято было открывать каждый учебный год — в память о Болдинской осени, не иначе. Поэт, как известно, был весьма любвеобилен и посвятил прекрасным дамам множество своих шедевров, но в этот раз у Ани совершенно не было настроения разбирать чужие амуры и надежды на взаимность, пусть бы и в стихах. Ее собственная влюбленность, что грела ей душу последние три года, закончилась буквально ничем: парень, который ей нравился, выпустился этой весной и сейчас постигал азы какой-нибудь профессии где-то на просторах нашей необъят-

ной родины. А девушку до сих пор накрывало воспоминаниями о том, как они столкнулись в коридоре и он подхватил ее, чтобы она не упала; как он держался особняком от всех на переменах; как он однажды рассказывал что-то однокласснику, а у проходящей мимо Ани по спине побежали мурашки от звука его голоса; как заразительно он смеялся, стоя под проливным дождем в классическом костюме и с ленточкой выпускника через плечо. И вот сейчас, сидя на уроке литературы, девушка думала о том, читал ли объект ее возвышенных чувств доклад о любви в жизни Пушкина год назад и вел ли он себя при этом как Вовка Яковлев, главный балагур и весельчак их класса, который демонстративно краснел, бледнел и запинаясь, словно зачитывал выдержки из своего личного дневника, а не рассказывал о жизни поэта, давно ставшей достоянием общественности.

Нет, Аня особо не рассчитывала на взаимность — она вообще не была уверена, что объект ее воздыханий хотя бы знает, как ее зовут. Просто... было как-то приятно ощущать это чувство, когда один человек вдруг становится для тебя более важным, чем все остальные. Хотелось, чтобы тепло, что разливалось в груди, когда она видела его хотя бы издали, не покидало ее никогда. Но увы, она прекрасно понимала, что парень, который буквально возмужал на ее глазах (все-таки, мальчики сильно меняются в период с восьмого класса, когда Аня его впервые заметила, по одиннадцатый), окончит школу на год раньше нее и, вероятно, они больше никогда

не встретятся. Девушка была к этому морально готова, даже мысленно пожелала ему счастья напоследок. Но вот приходится на уроки и больше не встречать его на переменах было... грустно? И самое противное, что поделиться своими переживаниями ей не с кем! Ритка пару лет назад тоже вдруг вспылала интересом к симпатичному парню, не догадываясь о чувствах подруги, для которой тогда первые романтические переживания казались чем-то сокровенным, и даже попыталась пробиться в компанию старшеклассников. Потерпев неудачу, Рита согласилась принять робкие ухаживания Сережи, с которым ходила на курсы английского языка, и с тех пор они были неразлучны, с завидным постоянством ругаясь и мирясь по два-три раза в неделю. Аня же ввиду незадавшейся личной жизни решила в этом году сосредоточиться на учебе — в конце концов, для влюбленности еще много лет впереди, а вот ЕГЭ и поступление в вуз завалить бы не хотелось. К тому же, глядя на то, как на каждой перемене Гринч обжимается со своей Кристиной, Аня чувствовала: ей повторить такое было бы слабо, но, к счастью, не с кем и не за чем. А вот им было хоть бы хны, несмотря на то, что замечания разной степени громкости и недовольства эта парочка получала регулярно.

— Ребят, ну вы бы постеснялись немного! — попытался как-то призвать их к порядку Андрей Светленький.

— А что такое? Ревнуешь бывшую? — заржал Гринч, снова целуя Кристину напоказ.

— Да не особо. Но физичку сейчас инфаркт хватит. Готов откачивать старушку? — парень решил пропустить шпильку в свой адрес.

Андрей и Кристина действительно встречались в девятом классе, но, к огромному счастью мамы парня, роман не продлился долго. И, если совсем честно, сам он тоже был этому несказанно рад. У Кристины уже тогда имелась привычка демонстрировать всем и каждому свои отношения, что абсолютно не нравилось Светленькому. Периодически приходилось приобнимать девушку на переменах, при этом молясь, чтобы Аня не оказалась где-то поблизости и не заметила его позора. Как Андрей начал встречаться с Кристиной, он и сам до конца не понял: просто в какой-то момент она стала уделять ему слишком много внимания, сама поцеловала его в первый раз, а Андрей и не возражал. Сейчас парень воспринимал закончившиеся отношения как неизбежный и необходимый опыт, не более. Выводы были сделаны, навыки общения с девушками получены, двоюродный брат Серега, выведя Андрея на откровенность, похлопал его по плечу и дал пару ценных советов. Но, по большому счету, никаких возвышенных чувств к Кристине парень не испытывал и с облегчением принял известие о том, что он «безынициативный тюфяк» и им нужно расстаться. Разошлись без скандалов незадолго до экзаменов, и уже на выпускном девушка вовсю выплясывала с Гринчем, а сам Андрей весь вечер набирался смелости, чтобы пригласить на танец Аню, но так

этого и не сделал. Возможно, Кристина была в чем-то права, дав ему столь нелестную характеристику.

Весь десятый класс Андрей провел в наблюдении. Впервые получив возможность безлимитно глазеть на Аню на уроках, он вдруг понял, что практически не знал ее раньше. Реальность оказалась в разы интереснее, чем его представления о девушке, которую предыдущие девять лет он искренне считал недостижимым идеалом. Несмотря на имидж кроткой отличницы, Аня виртуозно собачилась с Гринчем, который по одному ему известным причинам не упускал случая прицепиться к ней, имела неординарное чувство юмора, а еще — парень был в глубочайшем удивлении — могла забыть сделать домашнее задание и списать его у Ритки! Она в принципе не особо стремилась к общению с кем-то кроме своей подруги, но при этом имела спокойные и ровные отношения со всеми одноклассниками (кроме Гринча, конечно, но тут клинический случай), всегда могла помочь с объяснением непонятных тем и спасти «тонущих» у доски, мимикой показывая, в правильную ли сторону ученик ведет свой ответ. Еще она грызла кончик ручки, решая сложную задачу, сдувала со лба челку, чтобы не лезла в глаза, была не прочь посмеяться вместе со всеми, когда Вовка Яковлев устраивал очередной перформанс на уроке, временами словно отключалась от мира, засмотревшись в окно, — в общем, была обычным живым человеком, постепенно спускаясь с пьедестала, на который Андрей годами воздвигал ее в своем во-

ображении. А еще она была красивой — очень красивой, по мнению Светленького. И еще эти ямочки на щеках...

И вот сейчас, на уроке литературы, пока Аня смотрела в окно на свинцовое сентябрьское небо, совершенно отрешившись от внешнего мира и, кажется, даже не слушая Анну Николаевну, Андрей разглядывал задумчивый профиль одноклассницы и пытался понять, о чем она грустит. В этом году она вообще частенько вот так выпадала из реальности, и на лице ее появлялось то самое меланхоличное выражение, от которого парню становилось почти физически больно. Хотелось отвлечь девушку от мрачных мыслей и больше никогда не видеть печаль в ее глазах. За пять минут до звонка Андрей пришел к выводу, что Пушкин, кажется, действительно что-то понимал в любви.

На большой перемене 11 «А» возмущенно шумел и обсуждал новость, услышанную за несколько минут до звонка. Под конец сдвоенного урока алгебры Ирина Ивановна объявила уставшим от уравнений ученикам, что центр подготовки к ЕГЭ (единственный в их Первомайском, а потому самый лучший) открывает набор будущих выпускников.

— Тем, кто хочет сдать ЕГЭ на высокий балл, настоятельно рекомендую подумать о посещении этих занятий. Мы на уроках и консультациях не успеем повторить и половины того, что необходимо знать к экзамену, — вещала Ирина Ива-

новна. — Но, конечно, заставлять я никого не буду, посещение репетиторов исключительно по желанию и согласию родителей.

— То есть, можно этого как-то избежать? — с надеждой поинтересовался Андрей.

— В принципе, да. Но вот тебе, Светленький, лучше бы позаниматься. Я позвоню твоей маме, — ответила Ирина Ивановна.

Наблюдая, как улыбка сходит с лица Андрюхи, классный руководитель продолжила:

— Сейчас открыто три группы. Одну из них буду вести я. Еще две — другие педагоги. И я пойму, если кто-то захочет заниматься не у меня. Поверьте, мне вас тоже вполне хватает и на уроках!

И вот теперь 11 «А» морально готовился к тому, что царицу наук придется изучать с гораздо большим рвением, чем обычно.

— О, нет! Дополнительная математика, да еще и платная — не прогулять! — голос Вовки Яковлева был преисполнен страдания. — Мать меня точно туда отправит, причем за счет моих карманных денег!

Аня подумала, что ее ждет такая же участь, за исключением вопроса оплаты. В ее кармане столько средств не водилось, максимум мелочь на шоколадку. Удивительно, кстати, почему она до сих пор не записана в этот центр маминим волевым решением. Впрочем, как выяснилось вечером до-

ма, уже записана, причем именно в группу Ирины Ивановны. Пришлось уговаривать Ритку не бросать ее одну на растерзание. Рита, как обычно, не могла дать Аню в обиду. Да и то правда, списать у подружки ЕГЭ, как сложную задачку на контрольной, не выйдет, а значит, придется грызть гранит науки самой.

Андрей, может, и выбрал бы другую группу, чтобы избежать пристального внимания классной хотя бы здесь, но его мама решила иначе. Он был уже третьим Светленьким, который учился у Ирины Ивановны, и для родителей фамилия Стеценко стала своеобразным знаком качества. Правда, ни у Светки, ни у Сереги Ирина Ивановна не была классным руководителем, и Андрей подозревал, что ее внимания его сестре и двоюродному брату все-таки доставалось намного меньше, чем ему. Но, увидев Аню на первом занятии, парень уже был не против ходить на дополнительные к любимой классной хоть каждый день.

Лешка Елисеев, Вовка Яковлев и еще несколько одноклассников записались в группу Ирины Ивановны за компанию с Андреем, а подружки Маша Ильина и Лена Тарасова, очевидно, ради кого-то из мальчишек. Аня не сильно интересовалась их личной жизнью, но девчонки строили глазки всем подряд на каждой перемене, и было совершенно непонятно, как в их мозгу при таком интересе к парням может уместиться еще и математика. В итоге представители 11 «А» составили больше половины группы Стеценко и уже на пер-

вом занятии сполна ощутили последствия своей недалеко-видности.

— Ну как вам? — усталым голосом поинтересовалась Рита, предусмотрительно закрыв дверь кабинета и отойдя на приличное расстояние.

Они только что выползли в коридор после мозгового штурма, который им устроила Ирина Ивановна. Многим с непривычки было сложно. А Стеценко, к тому же, особым терпением к собственным ученикам совершенно не отличалась. Если ребятам, которых она видела впервые, Ирина Ивановна объясняла ошибку, то к «своим» применяла привычные методы: язвительные шпильки и возмущения «Мы же это проходили в шестом классе!».

— Ух! Может, стоило все-таки в другую группу податься? — высказал общие сомнения Лешка Елисеев. — Все спокойнее было бы.

Одноклассники переглянулись.

— Ну, у меня без вариантов, — хмыкнула Аня.

— И у меня, — кисло добавил Андрей. — Родители в нее верят, она мою сестру учила. И брата.

— Это рабство называется, — ехидно просветила его Рита. — А вообще, народ, отступать нам уже некуда. Представьте, что нас ждет на уроках, если мы сейчас дружно перебежим в другую группу на дополнительном.

— Средневековые пытки, — резюмировал Вовка Яковлев. — Вы даже не представляете, как можно поизмываться

над человеком при помощи циркуля и транспортира!

— Интересные у тебя фантазии! — протянула Рита.

— Хочешь узнать подробнее? — Вовка поиграл бровями.

— Нет уж, лучше останусь в неведении!

Все вместе они дошли до остановки. Аня с Ритой уже вели беседу о чем-то своем, парни дружно обсуждали новую игру, Маша и Лена, судя по сдавленному хихиканью, снова разговаривали исключительно о симпатичных мальчиках. Все точно так же, как в школе на перемене, подумала Аня.

Зайдя в остановку, девушка привычно уселась на скамейку. Она довольно часто в своей жизни коротала время в ожидании автобуса. Рита примостилась рядом. С другой стороны от Ани сел Андрей, отколовшийся от группы парней под благовидным предлогом: накрапывал мелкий дождик, и у Светленького не было желания стоять под ним в одной толстовке. Зато было желание держаться поближе к Ане.

— Кыш, у нас тут секретный женский разговор! — шикнула на парня Рита.

— Тебе жалко, что ли? Пусть сидит, — отозвалась Аня.
— Надоест слушать про сапоги — сам уйдет.

Андрей довольно улыбнулся. Аня не против, чтобы он сидел рядом. Это же хороший знак, правда?

— Да, кстати. Вот сейчас актуальна обувь с закругленным носом, но все сапоги, которые я мерила в том магазине, выглядят как бабкины тапки!

Аня повернулась к Андрею и улыбнулась.

— Да, я именно об этом, — тихонько шепнула она и картинно закатила глаза.

Андрей снова засмотрелся на ямочки на ее щеках и с трудом удержался от того, чтобы поправить ей растрепавшуюся на ветру прядь волос. Появилась робкая мысль, что Аня, возможно, даже не откажется, если он предложит ее проводить от остановки до дома: все-таки, пока они доедут, уже окончательно стемнеет. Но мечты разбились о суровую реальность, когда девушка, махнув на прощание одноклассникам, выпрыгнула из автобуса всего несколько остановок спустя.

— Не понял... — проводил ее удивленным взглядом Андрей и вопросительно уставился на Риту.

— Чего? Живет она тут, — пояснила девушка.

— А почему тогда в нашей школе учиться?

— Как будто у нее выбор был! — хмыкнула Егорова.

Право на самовыражение Ане, в основном, приходилось выгрызать, и Рита об этом прекрасно знала. У Аньки до сих пор даже мобильного нет по одной простой причине — чтобы мама не звонила ежечасно с вопросом «Где ты, дочь?», когда дочь торчит у подруги, саботируя ненавистные танцы. Аня тогда хотела вместе с Ритой ходить на плавание, но ее мама решила, что хореография девочке полезнее. Мобильник, к слову, подруге уже покупали, но та его удачно потеряла (Рита подозревала, что специально), и с тех пор Аня ходила «наказанной» — пусть, мол, поймет, что вещь доро-

гая, а деньги мать не печатает. Аня все отлично понимала и с санкциями не спорила. Понятно, что при таком раскладе и выбор школы в ее семье тоже не обсуждался. Но не рассказывать же об этом в подробностях каждому Светленькому! Захочет — сам у Ани и спросит.

2.

Конец октября выдался сложным. Одиннадцатиклассники уже впряглись в подготовку к экзаменам и с каждым днем все больше увязали в знаниях по самые уши. Свободного времени практически не оставалось, и теперь наиболее сознательных учеников 11 «А» можно было вычислить по синякам под глазами и бледному виду — времени на сон после всех репетиторов, дополнительных заданий и выполнения домашки катастрофически не хватало. Если раньше, выглянув в окно после уроков, Андрей видел минимум пяти-шести ровесников, гоняющих мяч или бренчащих на гитаре к неудовольствию всего двора, сейчас большинство из них он встречал разве что на дополнительных занятиях. Сам Андрей погряз в подготовке к ЕГЭ по физике и математике, которые нужны были ему для поступления в вуз: мамин брат, дядя Дима, обещал похлопотать насчет целевого, но экзамены сдавать придется самому, и желательно как можно лучше, иначе никакой дядя не поможет. Теперь в его еженедельном расписании помимо школьных уроков значились два трехчасовых занятия по физике в центре подготовки к ЕГЭ и два таких же по длительности — по математике. Андрей никогда не думал, что скажет что-то в этом роде, но благодаря надвигающимся экзаменам и лично Ирине Ивановне они с Аней наконец оказались в одной компании по интересам, и

их общение стало на несколько градусов теплее. Теплее абсолютного нуля, разумеется, но и это уже неплохо. Они понемногу начали разговаривать. Андрей старался примоститься где-то рядом, когда Аня переводила для Риты сложные темы с математического на человеческий. Ее объяснения он почему-то понимал лучше, чем то же самое в исполнении классной. А Аня и не возражала, что Андрей греет уши, сидя на корточках возле их с Ритой парты. Да и в целом за месяц дополнительных занятий еще недавно не особо дружные ребята из 11 «А» стали почти приятелями. Что ни говори, а общий враг в лице Ирины Ивановны и ЕГЭ по математике все-таки сближает.

А в начале ноября судьба подарила Андрею шанс.

Собираясь на свои курсы английского, Рита решила, что погода позволяет надеть мини-юбку и новенькие модные сапожки, которые она все-таки купила, обойдя все известные ей магазины, и которые непременно сразят наповал ее Сереженьку. Совмещение образовательного процесса со свиданием прошло успешно, однако девушка весь вечер промерзла на ледяном ветру и наутро проснулась с больным горлом. Во время уроков поднялась и температура, окончательно разрушая надежды на то, что все обойдется.

Андрей, войдя в кабинет репетиторского центра, где занималась их группа, привычно бросил взгляд на парту, за которой всегда сидела Аня с подругой, и резко затормозил. Вопреки традициям в этот раз Аня была одна, а Риты вооб-

ще не наблюдалось в поле зрения.

— Всем привет! Васильева, а где твоя вторая половина?

— Вовка Яковлев и тут неизменно устраивал балаган. Аня подозревала, что он неровно дышит к ее подруге, потому и красуется перед Риткой.

— Заболела.

— В смысле? Она же утром в школе была!

— Утром была, а с трудов ее отправили с температурой под сорок. Похоже, на больничный уйдет.

— Во дела... — Вовка заметно сник.

Наверное, он полдня готовил шутки, которые планировал отпускать в автобусе, когда все они после занятия поедут домой, подумала Аня. Ей даже стало немного жаль Яковлева, ведь у него не было ни единого шанса. Ради Вовки Рита никогда бы не согласилась мерзнуть в мини-юбке и тонких капронках в ноябре!

— Привет еще раз! — подошедший к ее парте Андрей вырвал девушку из размышлений. — Ань, спасай, будь другом. Можешь системы объяснить? Я за гневными восклицаниями Ирочки и половины не понял.

— Да, конечно, — отозвалась девушка. И, увидев, что Андрей привычно приземляется на корточки возле ее парты, добавила: — Да садись на стул, я не кусаюсь!

Утром на уроке алгебры Ирина Ивановна неожиданно для себя выяснила, что класс категорически забыл все, что проходили три года назад, и не умеет решать системы уравне-

ний. Математичка была в шоке и разразилась тирадой на тему «Вот учишь их, учишь, и все без толку!». Потом она собрала волю в кулак и попыталась вкратце объяснить тему, чтобы идти дальше по плану урока, но большинству учеников эта попытка понимания не прибавила. В итоге все сорок минут алгебры были посвящены исключительно этой теме, а точнее, возмущениям Ирины Ивановны, которые лично Аня мастерски пропускала мимо ушей, справедливо полагая, что к ней это все не относится, — она системы решать умела. Но вот на дом задали два листа из учебника за восьмой класс, что, конечно, не радовало.

Аня успела быстренько рассказать теорию, и Андрей даже начал под ее контролем решать домашнее задание, когда в кабинет вошла Ирина Ивановна. Рассаживаться уже было поздно. Парень, впрочем, и не планировал: три часа за одной партой с Аней его вполне устраивали. Изредка переговариваясь шепотом, они выполняли задания, а во время перерыва продолжили изучение систем. Аня нашла в решении Андрея пару ошибок и объяснила, как правильно, — в итоге в голове парня появилась удивительная ясность по этому вопросу. Он даже смутно припомнил, что действительно изучал это в восьмом классе.

Когда занятие было окончено, одноклассники привычной компанией двинулись к автобусной остановке. Андрей прикнюл было к ним, чтобы не сильно навязываться своей сегодняшней соседке по парте, но вдруг заметил, как Аня пово-

рачивает в противоположную сторону. На ночь глядя. Одна.

— А ты куда? — осторожно уточнил Андрей, догнав девушку быстрым шагом.

— Домой, — Аня махнула рукой куда-то в темноту дворов. — Я тут рядом живу.

— Ты же всегда с нами на автобусе едешь...

— Так я с Ритой за компанию. Автобус отсюда дальше едет в ту сторону и объезжает микрорайон, вот и получается четыре остановки до моего дома. Можно еще полчаса поболтать после занятий. А по прямой тут минут пять, — объяснила девочка.

— Минут пять, говоришь? Ну пошли.

— Куда?

— Провожу. Не отпускать же тебя одну по темноте.

И Андрей пошел следом, мучительно придумывая, что бы еще сказать. К счастью, Аня сама сообщила, что ей еще нужно зайти за хлебом, и парень уцепился за эту возможность:

— Да без проблем. Зайдем. Я как раз мороженое хочу. Ты какое любишь?

— Фруктовое. Ладно, пошли. Нам вон туда.

Андрей решил использовать свой шанс по полной, раз уж удача сегодня на его стороне. Когда Аня подошла к кассе, парень уже ждал ее у выхода.

— Держи. Фруктовое, — протянул он рожок в блестящей обертке.

— Ну спасибо, — улыбнулась она.

Себе парень взял «Лакомку». Аня такое есть попросту не умела — коварное мороженое начинало таять практически сразу и обязательно капало на чистую кофту. Закон подлости работал без исключений. Впрочем, на улице сегодня днем было минус три, а к вечеру еще похолодало. У куртки Андрея есть все шансы выжить в этом неравном бою.

— Ань, что по физике задавали?

— Двенадцатый параграф, там задача в конце. Ты сейчас еще и физику будешь делать на ночь глядя? — удивилась Аня. Сама она планировала поесть, почитать книжку и завалиться спать. С физикой девушка расправилась еще позавчера.

— Ну да, — пожал плечами Андрей. В его стиле было делать домашку прямо перед уроком. Или не делать ее вовсе, если не вспомнит.

— Удачи, — хмыкнула девушка. И, заметив погрузневший взгляд парня, добавила: — Да ладно, там не сложно. Задача на повторение.

— Вот сейчас вообще не обрадовала, конечно, — проворчал Андрей и проглотил практически половину «Лакомки» разом. Затем еще кусок. Да, с такими темпами его одежде ничего не грозит даже в жару.

— Да я серьезно! Там в пример точно такая же задача приведена. Подставь нужные цифры и не изобретай велосипед.

— А ты именно так пятерки получаешь? — усмехнулся парень. Вроде бы ехидный вопрос прозвучал как-то по-доб-

рому, и Аня решила не обижаться, хотя за годы учебы ее изрядно достали шутками про ботаников. И про блондинок. И про ботаников-блондинок, которых в природе существовать не должно, — это вообще была любимая тема Гринча.

— В основном, — улыбнулась она. — Но иногда приходится думать. Считаю, что это несправедливо!

За разговорами ребята подошли к подъезду девушки. Пока Аня доедала мороженое, Андрей рассказывал о подготовке к ЕГЭ по физике в том же центре. Этот предмет девушка сдавать не планировала. Она вообще определяла себя как страдающего гуманитария, которому приходится разбираться в точных науках только ради приличных оценок в аттестате.

— Слушай. Если ты еще минут десять постоишь тут, имеешь все шансы в третий раз за сегодня огрести от Ирочки, — спохватилась Аня.

— Это почему? — удивился Андрей такому плавному переходу с законов Ома, во время повторения которых его едва не дернуло током прямо на лабораторной, к их классной.

— Потому что она живет вон в том подъезде и скоро пойдет домой.

— Серьезно?

— Ну. Вон ее балкон, на втором этаже. А на третьем жила моя подружка, и я в детстве часто ходила к ней в гости. Можно сказать, я донимала Ирочку задолго до Гринча, — ностальгически протянула Аня. — Хорошо, что она не в кур-

се, кто именно визжал и топал у нее над головой по воскресеньям. А то она немного злопамятная...

Андрей хмыкнул. О характере Ирины Ивановны Стеценко по школе ходили легенды. Их классная не отличалась кротким нравом и демонстрировала его практически на каждом уроке. Худшего класса, чем нынешний 11 «А», у нее, по ее словам, еще не было. Правда, Серега, который два года назад окончил школу, уверял, что его классу Ирина Ивановна давала точно такую же характеристику. Перспектива снова встретиться с любимой классной Андрея не вдохновляла: он действительно дважды за сегодняшний день получил от нее дружеский нагоняй — на уроке, за системы уравнений, чтоб им пусто было, и на дополнительных занятиях, за ошибку в графике функций. Поэтому парень настороженно оглянулся, не идет ли где-нибудь поблизости Ирина Ивановна, и повернулся к Ане.

— Ладно, если опасность настолько близко, то я действительно побегу. Пока! И спасибо, что объяснила мне эти чертovy системы.

И быстро чмокнул ее в замерзшую щеку, пока не передумал.

На следующее утро Андрей сделал героическое усилие над собой, проснулся на полчаса раньше и пришел в школу до начала уроков. Увидев, что Аня стоит в коридоре одна,

— Рита все-таки ушла на больничный и не могла захватить ее внимание полностью — он подошел ближе.

— Доброе утро! Как дела?

— Да неплохо. А у тебя?

— Как всегда — лучше всех!

— Физику-то решил?

— Упс...

— Дать списать?

Андрей с удивлением посмотрел на девушку. Их с Гринчем баталии насчет списывания слышал весь класс, и все давно усвоили: Аня может объяснить, если непонятно и ты хочешь разобраться в вопросе, но готового решения не даст. Кажется, лед между ними наконец тронулся. Но это не точно...

— Да ну, я сам. Сейчас на литературе займусь.

В пятницу вечером Андрей снова сел с Аней на дополнительное занятие по математике и потом проводил ее домой. Аня не возражала. Не возражала она и против того, чтобы Андрей снова поцеловал ее в щеку напоследок. И даже не выглядела шокированной, как в прошлый раз. Улыбнулась и попрощалась. Потом окликнула, видя, что он пошел совсем не в ту сторону:

— Андрей! Остановка там!

— Я пройду! — с плохо скрываемой радостью ответил ей парень. Вот еще не хватало лыбиться как придурок на весь автобус!

Проведя всю субботу и воскресенье — единственный выходной! — в томительном ожидании, Андрей планировал в понедельник во что бы то ни стало снова проводить Аню домой, но уже после уроков. Даже с утра надел куртку и прихватил с собой шапку, хотя обычно шел на уроки в одной рубашке в любую погоду — от его подъезда до крыльца школы было ровно три минуты ходу, замерзнуть просто невозможно. Зато не приходится тратить время на очередь в гардеробе. Удобно!

После ОБЖ — последнего урока, который у парней и девочек проходил в разных кабинетах, — Андрей поджидал девушку у стенда с расписанием на первом этаже, но Аня, спустившись по лестнице, подошла к ближайшему окну, запрыгнула на высокий подоконник, словно вовсе не планировала идти домой, и достала какой-то учебник. Андрей подошел к ней.

— Ты сегодня в школе ночуешь? — спросил он, оперевшись на подоконник рядом с Аней.

— Почти. У меня русский через полтора часа, домой ехать смысла нет. Я пока туда доберусь, уже обратно пора выдвигаться.

— Тоже подготовка к ЕГЭ?

— К олимпиаде пока. К ЕГЭ — потом.

— Оу! И что ты там изучаешь?

— Да все подряд, от пунктуации до старославянских выражений.

— Звучит страшно, — усмехнулся Андрей. — И какие у тебя планы на ближайшие полтора часа?

— В библиотеку, — пожалла плечами Аня. В этом царстве книг она провела едва ли не полжизни. — С подоконника уборщица обязательно выгонит.

— Можно составить тебе компанию? Я найду, с каким еще вопросом по математике пристать.

— Пойдем. Хоть посмотришь, где это! — засмеялась Аня и, захлопнув учебник, затолкала его в сумку.

В связи с полным отсутствием посетителей в читальном зале царила идеальная тишина. Библиотекарь Татьяна Алексеевна ничего не имела против того, чтобы старшеклассники тихонько позанимались математикой. Аня и Андрей обосновались за дальним столом и обложились распечатками с заданиями ЕГЭ прошлых лет. Час спустя парень уже неплохо ориентировался в синусах, косинусах и графиках функций, которые фигурировали чуть не в каждом втором задании. Аня буквально с ходу заметила ошибку, которую он допускал раз за разом, и подсказала правильный принцип решения, после этого дело пошло веселее.

— Слушай, а можно я к тебе на репетиторство запишусь? Ирочка больше возмущается, чем объясняет! — усмехнулся парень, уже с легкостью выстраивая очередной график функций.

— Отлично. Я к Ирочке на репетиторство, а ты ко мне. Круговорот алгебры в природе! — хмыкнула Аня. Андрей улыбнулся. — Ладно, на этом предлагаю остановиться, мне к Анне Николаевне скоро идти.

— Да, давай. Спасибо, что объяснила!

— И что показала тебе наконец библиотеку? — подколола девушка.

— Нет, ну тут я вообще-то бывал. Давненько, правда. Вот в первом классе часами торчать приходилось. Хотя было весело...

Аня замерла с распечатками в руках.

— В первом классе? Погоди... Это мы с тобой, что ли, тут всех на уши ставили?

— Вообще-то, да. Как ты могла меня забыть? — притворно возмутился парень.

— Ну не то чтобы прям забыть... — растерялась Аня. — Я помню, мы тут одно время с каким-то мальчиком то журналы листали, то в морской бой играли. Нас однажды даже выгнали за хохот! Но не помню, что за мальчик и из какого класса, светленький такой...

Андрей многозначительно посмотрел на одноклассницу.

— Ой... Светленький! — рассмеялась девушка, заметив случайный каламбур.

— Так, молодежь! Не шумим в библиотеке! — тут же отреагировала на посторонние звуки Татьяна Алексеевна.

— Извините, мы уже уходим, — ответил ей Андрей, под-

хватывая рюкзак.

За пару дней до конца августа будущему первокласснику Андрею отец торжественно вручил ключ от квартиры и показал, как открывать и закрывать дверь. Родители сочли его достаточно самостоятельным, а дорогу от школы до дома, двести метров по прямой, достаточно безопасной для ребенка. Вот только этот ключ Андрей умудрился потерять уже через пять дней, побежав после уроков играть в футбол с Максом Гринчуком, с которым они вместе ходили в сад, но попали в разные классы. Второй ключ Андрей потерял двенадцатого сентября, когда все с тем же Максом лазил по деревьям в соседнем дворе. Затем он где-то посеял и третий ключ. А потом и вовсе допустил промах, после которого лимит родительского доверия был исчерпан: когда приятели позвали Андрея гулять, мальчик выбежал на улицу, забыв запереть дверь. Старшая сестра Светка, которая училась уже в пятом классе и на этом основании нещадно рвалась воспитывать неразумного братца, с превеликим удовольствием сдала его с потрохами.

Андрея лишили привилегии возвращаться домой самостоятельно и уходить гулять без надзора — до тех пор, пока он не «докажет, что уже в состоянии следить за собой и своими вещами». Как это доказывать, история умалчивала, но теперь ему полагалось после уроков ждать сестру и никуда

из школы не уходить. А у Светки порой бывало и по шесть уроков, когда у Андрея максимум четыре! Сначала мальчик тосковал на скамейке у входа на первом этаже, но его непосредственность и общительность довольно быстро надоели вахтерше. Так Андрей начал искать более укромные места в школе и случайно забрел в библиотеку. Нет, в сентябре их класс приводили сюда на экскурсию, но возвращаться в это царство книг он больше не собирался: гонять мячик ему было гораздо интереснее. Но почему бы и не посмотреть, что тут есть? Как только он вошел, его тут же окликнули.

— Привет! Ты хочешь взять книжку? Татьяны Алексеевны нет, но я могу записать.

— Нет, я просто зашел. Сестру жду. А как тебя зовут?

— Аня.

— А меня Андрей. Давай поиграем?

— Это же библиотека, тут нельзя играть.

— А мы тихонько...

— Тихонько, наверное, можно.

Из-за стола с конторкой торчали два пышных белых банта. Они покачнулись и двинулись вправо. Хозяйка бантиков выбралась из своего укрытия. Андрей увидел девочку в голубом костюмчике под цвет глаз, ее задорную улыбку и ямочки на щеках, и пропал. Окончательно и бесповоротно. Влюбился со всей серьезностью, на которую только способен первоклассник во второй четверти. Точнее, это мама потом со смехом рассказала Андрюшке, что он влюбился, — сам мальчик

ни о чем таком даже не думал. Глупости какие-то!

Как узнал Андрей, девочка была дочкой учительницы и довольно часто сидела в библиотеке в ожидании, когда у мамы закончится рабочий день. Аня тоже училась в первом классе, и оказалось, что с ней удивительно легко общаться. Раньше Андрей с девочками особенно не дружил — хватало и вредной Светки, глядя на которую, невольно подумаешь, что все девчонки такие. Но в этот раз, придя домой, мальчик взалхлеб рассказывал маме, как они с девочкой Аней играли в крестики-нолики, читали книжку про Винни-Пуха и даже успели выучить стих — оказалось, им задали одно и то же! Мама, выслушав этот поток эмоций, только улыбнулась и заметила, что девочка скоро узнает, как Андрей терпеть не может читать. «А уж если она увидит твои неаккуратные прописи, вообще в обморок упадет!» — тут же вклинилась Светка. В целом ее бы устроило, если бы после уроков не приходилось искать братца по всей школе и Андрей точно ждал бы в библиотеке, но воздержаться от комментария было выше ее сил.

Вопреки ожиданиям мамы, Андрей продолжил бегать в библиотеку каждый день — чтобы поиграть с Аней, конечно же, а не ради книг — и за компанию даже начал читать. Аня, казалось, знала чуть ли не все, что стояло на полках для учеников начальной школы, и то и дело рекомендовала ему книжки. Причем исключительно веселые и интересные — нудные народные сказки, которых дома было с избытком

и которые обожала Светка, Андрей терпеть не мог. Когда надоедало сидеть в библиотеке, ребята выбирались в пустынные во время урока коридоры поиграть в шпионов (надо было подкрасться к какому-нибудь классу, чтобы тебя не заметили, и послушать, о чем там говорят) или сидели на подоконниках (за это обычно ругали на переменах, но во время урока никто не видел) и о чем-нибудь тихонько разговаривали.

Однажды, за пару дней до каникул, Андрей привычно пришел в библиотеку после занятий, но Ани здесь не было. «Заболела твоя подружка, — объяснила Татьяна Алексеевна. — Хочешь, напиши записку, я передам ее маме». Андрей застеснялся. Он немного посидел в читальном зале с книжкой про Простоквашино и пошел домой — к счастью, в этот день у Светки было всего на один урок больше. А перед самым новым годом родители объявили Андрею, что записали его на хоккей, тренировки будут проходить чуть ли не сразу после уроков, и придется разрешить мальчику уходить домой самостоятельно («Но попробуй только потерять еще хоть один ключ!»). Счастью Андрея не было предела: о хоккее он мечтал с раннего детства, но по малолетству в секцию его не принимали. Теперь сразу после уроков он несся домой, чтобы быстро переодеться, наскоро перекусить и лететь на корт. Вот только стыдно было перед библиотечной подружкой Аней, к которой он заходил все реже, ведь практически каждый день после уроков его на крыльце школы

подждал Макс Гринчук — они оказались в одной команде. Конечно, иногда Андрей все-таки забежал к Ане, стараясь как-то ненавязчиво отделаться от приятеля, если у них нет тренировки. Поговорить с девочкой хотя бы немного ему казалось очень важным. Даже когда он уже не мог торчать в читальном зале часами — родители, помня его промахи, обязательно проконтролируют, дома ли он, телефонным звонком в назначенное время. В редкие совместные посиделки в библиотеке Андрей и Аня продолжали болтать о чем-нибудь (совсем не об учебе), играть, вместе читать: мальчик покорно брал домой те книги, что советовала ему девочка, удивляясь самому себе и удивляя маму. Но видеться так часто, как хотелось бы, уже не получалось.

Во втором классе Андрей изредка заглядывал в библиотеку перед уроками, ведь они теперь учились во вторую смену, и — о, чудо! — Аня бывала там и по утрам. У него самого тренировки порой заканчивались за час до начала занятий, и надо было успеть не только переодеться и поесть, а иногда и сделать домашку, потому что вечером было откровенно лень. Но обойтись совсем без общения со своей подружкой он по-прежнему не мог. Страшно завидовал Гринчуку, который учится с Аней в одном классе, а теперь еще и сидит за одной с ней партой. Андрей бы многое отдал за такую возможность, а этот дурак совершенно не ценил свою соседку! Ворчал постоянно, как она ему надоела. А когда Светленький попытался защитить девочку, Макс огрызнул-

ся: «Ты что, влюбился в нее, что ли?». Приятель, впрочем, об этом тут же забыл, а вот Андрей — нет. И на всякий случай перестал спрашивать об Ане, довольствуясь только тем, что Макс рассказывает сам. А еще на переменах неизменно выискивал взглядом девочку с двумя хвостиками и с ямочками на щеках. Но на переменах Аня практически не обращала на него внимания: то ли обижалась, что он редко приходит в библиотеку, то ли в окружении подружек ей было совсем не до него. Иногда они играли во что-нибудь класс на класс, но и только.

А ближе к концу второго класса и вовсе случилось то, о чем Андрей предпочел бы забыть раз и навсегда. Но, к сожалению, события этого дня никак не забывались, и потому чувство стыда накрывало мальчика с головой, когда Аня появлялась в поле его зрения.

Близились к концу третья четверть. И хотя днем уже на солнышке начинал подтаивать снег и появлялись лужи, на улице все-таки было еще морозно. Каток, что располагался в тенишке, пока и не думал таять — ребята всюю готовились к матчу с командой соседней школы. Гуляя после уроков, Андрей и Макс вели высокоинтеллектуальный мужской разговор о том, что все девчонки дуры. Андрей при этом имел в виду Светку, а Макс, разумеется, Аню. Что они с соседкой по парте не поделили на этот раз, приятель не мог внятно сформулировать, только возмущался. И на пике своих возмущений он вдруг заметил, что во дворе школы, сидя на корточ-

ках прямо возле большой лужи, Аня и Рита пускают кораблики из бумаги.

Макс начал подзуживать Андрея: а слабо тебе подбежать и толкнуть Аньку в лужу? Андрей, разумеется, не хотел обижать подружку. Это же Аня! Она недавно мимоходом подсказала, как запомнить эти дурацкие падежи, что совершенно не хотели укладываться у него в голове. И Андрей, отвечая у доски на следующий день, даже получил пятерку по русскому, который у него хромал с самого начала. Ну вот как ее — в лужу? Да он бы и любую другую девочку не стал толкать, а вот Макса — запросто! И тут Гринчук, увидев, что приятель мнется и не решается, снова выдал свое коронное: «Влюбился, что ли?».

Дома мама нет-нет да и напоминала Андрею о его симпатиях к замечательной Ане. Хотя и по-доброму, но все-таки подшучивала, что, если сын не будет стараться на уроках, то девочка, читающая книжки в библиотеке, на него даже и не посмотрит. А Светка вообще откровенно дразнилась: ты глянь, кавалер выискался, еще шоколадкой угости! Андрей, кстати, угощал, правда, конфетами — заныкал самые вкусные из своего новогоднего подарка. Да и вообще постоянно таскал в портфеле что-то съестное и не жадничал поделиться с подружкой. Но Светке, конечно, знать об этом было необязательно, она просто завидовала — на нее совершенно не обращал внимания верзила Хомяков из 8 «Б», по которому она сохла.

Когда Макс задал свой вопрос, Андрей неожиданно подумал: а вдруг приятель и правда заметил его интерес? Что, если он сам по неосторожности слишком часто спрашивал об Ане, и друг начал что-то подозревать? А как было не спросить, когда Макс постоянно упоминает ее, все-таки они полдня проводят за одной партой. Позор! Еще начнет на всю школу орать про «тили-тили-тесто». Да Аня на него в жизни после такого не посмотрит! В общем, Андрей испугался разоблачения и, больше не мешкая ни секунды, разогнался и на бегу толкнул Аню в спину, тут же припустив еще быстрее на пару с Максом, пока девчонки были заняты и шокированы произошедшим. О том, что его собственный отец прибил бы сына за такие выходки, он подумал уже после. В их доме девочек обижать было нельзя. И как бы его временами ни бесила Светка, которая обожала играть в мамочку и разговаривала с братом в основном командным тоном: сделай то, убери это, а кастрюлю за тебя кто на место поставит, — даже ей практически не прилетало в ответ. Она же девочка!

Андрею было невыносимо стыдно за свой поступок. Да, Макс взял его на слабо. Но голова на плечах и своя есть, и стоило ему думать. В душе теплилась слабая надежда, что Аня с подружкой его все-таки не узнали, но он и сам понимал, что в целом это ситуацию не меняет. Он виноват и не представляет, что делать. Пойти поймать девочку в библиотеке и заговорить как ни в чем не бывало, чтобы понять, знает она о его проступке или нет? Страшно! Как ей в глаза-то

смотреть? Подойти и сразу извиниться? А вдруг она все-таки не знает, кто это был, и получится, что он сдал себя с потрохами? В итоге Андрей принял самое правильное, на его взгляд, решение — никому ни в чем не признаваться, пока ему ничего не предъявили. Макс не выдаст. Во-первых, если выдаст, ему тоже влетит, ведь идея его, а во-вторых, Гринчук вытворял и похлеще, наверняка уже и думать забыл об этом происшествии.

История последствий не имела. Андрей не получил двойки за поведение, Аня его не отлупила при встрече, отец не объявил, что разочарован в сыне (ну, просто потому, что остался в счастливом неведении). Но Андрей больше так и не смог себя заставить прийти в библиотеку перед уроками и как ни в чем не бывало угощать конфетами девочку, которую он — придурок бесхарактерный! — утопил в луже. Андрей злился сам на себя, раз уж больше никто не знал, что на него нужно злиться. И, поскольку мальчик все-таки скучал по Ане, он втихаря разглядывал свою подружку на каждой перемене и с замирающим сердцем слушал, как Макс в очередной раз возмущается по поводу неудачного соседства за партой. Самое главное было — не выдать своего интереса, чтобы больше никогда не слышать в свой адрес этой глупости, будто он влюбился!

А в седьмом классе Андрею все-таки пришлось признать — он действительно влюбился. И даже сам не знал, когда это произошло. Просто в одно прекрасное утро он проснулся

от того, от чего рано или поздно просыпается каждый мальчишка. «Взрослеешь!» — заржал Серега в ответ на откровение младшего братца. (Ну не со Светкой же такое обсуждать? Серега хоть и язва, но все-таки парень). Но, к счастью, он хотя бы не спросил, что Андрею снилось. А снилась ему Аня. И сон-то был вполне приличный: они просто болтали в библиотеке, как в старые добрые времена. Андрей уже давно поборол привычку выискивать девочку взглядом на каждой перемене и даже почти забыл, почему, собственно, боялся смотреть ей в глаза. Почти — потому что злосчастная лужа на этом же месте появлялась каждый год, а вместе с ней появлялся и невыносимый стыд за то, каким он был идиотом. А теперь к нему добавился еще и стыд за то, как на Аню реагирует его собственный организм. Предатель!

3.

Аня была в шоке. Она совершенно забыла своего первого школьного приятеля! С Риткой они стали не разлей вода гораздо позже, классу ко второму, а в первом лишь приглядывались друг к другу, поскольку обе были натурами независимыми и недоверчивыми. И вот поди ж ты. Это, оказывается, Андрей. И он ее отлично помнит. Кстати, а почему тогда они перестали общаться?

Своего библиотечного товарища, который мог придумать на ровном месте кучу интересных игр, почти не нарушающих дисциплину (а это все-таки было важно, получать замечания девочка никогда не любила), Аня почему-то с Андреем вообще не соотносила. Ну, Светленький и Светленький, ну, сидит у нее за спиной, попинывает ее стул да периодически цепляет волосы ручкой. Ничего необычного, столько лет в одной школе проучились. Интересно, а если бы Аня помнила, что дружила в детстве с Андреем, она бы относилась к нему как-то иначе? За весь прошлый год они едва ли перекинулись десятком фраз, а парень, как выяснилось, вообще-то не прочь поболтать о чем угодно и за словом в карман не лезет. Правда, в прошлом году у Ани все-таки были другие приоритеты, которые, наверное, как-то сказывались на желании (или нежелании) девушки общаться с одноклассниками помимо Ритки. И где он теперь, этот приоритет, уже

даже не думалось.

Зато Андрей провожал ее до дома, хотя и не должен был, угощал мороженым и целовал в щеку на прощание. Она сперва удивилась и решила, что парень просто привык так общаться со всеми. Он ведь такой... открытый, что ли? Не то что она, в общем. Но сейчас вдруг поняла: с Ленкой и Машкой он не расцеловывался! От этой мысли Ане захотелось побиться головой о парту прямо в классе, хотя Анна Николаевна и не поняла бы такой экспрессии. Еще подумает, что ученица переутомила от литературоведческого анализа текста! Пришлось сдержаться и заняться выполнением задания. И все же. *Как! Она! Могла! Не! Заметить?* Вот о безмерной и оттого еще более несчастной любви Славика Кузнецова в ее сторону Аня знала класса, кажется, с шестого. Но Славик, тоже сын одного из педагогов их школы, ей был не особо интересен. Девочка старательно избегала его который год подряд, благо, он не сильно активничал. А вот Андрей... Аня закрыла глаза и словно увидела его перед собой. И даже почти почувствовала быстрый поцелуй на своей щеке. Андрей ей нравится, пора бы это признать. И что ей с этим делать, было абсолютно непонятно.

Пока Рита наслаждалась всеми радостями своей ангины, Андрей так и продолжал сидеть с Аней на занятиях в центре подготовки к ЕГЭ и даже попытался перебраться к ней за парту на уроках, но тут уже Ирина Ивановна пресекла его инициативу: «Нет уж, Светленький! В школе ты у Василье-

вой списывать не будешь! Давай-ка сам! Кыш обратно к Елисееву». Андрей смирился, а в четверг, когда у Ани снова по расписанию была подготовка к олимпиаде и не было смысла ехать домой, пригласил ее в гости.

— Соглашайся! Я не кусаюсь, честно-честно.

— Да ну. Зачем я к тебе пойду?

— Уроки сделаем. Чаю попьем, можем даже поесть, мать вчера голубцов накрутила. Кино посмотрим. Выбирай на свой вкус.

— Неудобно как-то. Айда в библиотеку, может?

— Мы опять начнем смеяться, и Татьяна Алексеевна тебя туда больше в жизни не пустит.

— Блин. Точно. Ладно, пошли. Но только давай без голубцов, — Аня решила согласиться на его щедрое предложение. В конце концов, Андрей раз за разом показывал, что ему можно доверять.

— Да без проблем. Можно и бутербродами обойтись.

Маме Аня сказала, что сходит навестить Риту. Впрочем, подругу на днях должны выписать, переживет. Наверняка она сейчас висит на телефоне со своим Сережей, выясняя, кто кого больше любит. Слышала как-то Аня их разговор. Чуть не стошнило!

— Ты прямо так пойдешь? — удивилась девушка, увидев, что Андрей взял в гардеробе только ее куртку.

— Ну. Тут минуты три, можешь не застегиваться.

Идти действительно оказалось недолго. И не холодно. Ан-

дрей галантно придержал дверь подъезда, пропуская девушку вперед, и краем глаза увидел Гринча, поворачивающего из-за угла. Черт! Теперь же не отцепится. Оставалось только быстро скрыться в подъезде и надеяться, что тот их не заметил.

— А удобно ты устроился! — оценила Аня, оказавшись в комнате одноклассника. Здесь стояло две кровати. На одной из них парень явно спал, а вот вторая использовалась скорее как шкаф — точнее, была завалена кучей, вероятно, крайне важных вещей. На самом верху этой кучи примостилась спортивная сумка, из которой выглядывало оранжевое махровое полотенце. Из окна комнаты Андрея было видно школу, а если смотреть по прямой, взгляд упирался в окна кабинета биологии. — И как тебе живется с видом на Жорика?

Жориком ученики звали макет черепа, который неизменно стоял на подоконнике возле стола биологички, — вероятно, в назидание. Дескать, вот что ожидает тех, кто не готовится к контрольной! Будучи человеком начитанным, Аня сильно подозревала, что черепушку изначально звали бедным Йориком, как у Шекспира, но вскоре несчастный ассимилировался и утратил свое гордое иностранное имя. Сейчас Жорик смотрел на Аню своими пустыми глазницами через улицу.

— Каждое утро с ним здороваюсь! — рассмеялся Андрей. — А выше кабинет ИЗО, учительницу рисования тоже отлично видно.

— Кошмар! Никакой личной жизни!

— И не говори! А на первом периодически директриса поливает свои любимые фикусы. Я живу в вечном стрессе. Хоть вообще к окну не подходи!

Гринча с самого утра бесило все — от натирающего кроссовка до контрольной по химии, за которую он, разумеется, получит двойку, потому что Анька опять не дала списать ни ему, ни тем, у кого он мог бы потом перекатать. В ответ на его практически мольбы о помощи («Анька, псс! Дай списать, а? Че те, жалко?») она спросила, знакомо ли ему понятие интеллектуальной собственности, отвернувшись и всем своим видом показывала, что тема закрыта. Вот жалко ей, что ли?

После уроков Макс проводил Кристинку и, возвращаясь, увидел небывалое. Светлячок и Анька вместе идут из школы! Гринч не поверил своим глазам. Одноклассники зашли в подъезд Андрея, как будто так и нужно. Как будто все нормально! Светлячок даже придержал ей дверь, джентльмен хренов. А он, Макс, стоял с растерянным видом. Такая сенсация пропадает! Такой повод для подколов! Вот надо было подойти к ним и на всю улицу заорать: «Ага, попались, голубки!». Но он почему-то промолчал. Наверное, слишком был удивлен тем фактом, что Анька вообще может спокойно разговаривать с каким-либо парнем, а не огрызаться, как с ним, Максом, и даже зайти к этому парню в гости. Вот к

Гринчу бы она в жизни не зашла. Не то чтобы он ее звал, конечно.

Кстати, прозвище Гринч приклеилось к нему намертво тоже из-за этой вредной девчонки. Однажды классе в пятом, он, получив нагоняй от отца за очередную двойку (спина, по которой прилетело бляхой ремня из военторга, саднила потом неделю), хмуро сидел на классном часе, где ребята обсуждали подготовку номера для выступления на новогоднем празднике. Болели синяки под рубашкой, болела голова от злых слез на полночи (очень тихо, чтобы отец не услышал и не добавил еще!), перед глазами все плыло (в результате он проспал и не успел позавтракать, рванув в школу голодным). В общем, день не задался и новогоднего настроения не было, равно как и желания тратить время на всякую ерунду вроде художественной самодеятельности. Поэтому все предложения по номеру Макс откровенно высмеивал: танец — будто эпилептики в припадке бьются, стихи дурацкие, песню про елочку давайте еще споем, как в садике! На что Анька, которая тогда еще помогала ему с учебой, просто именно в тот злосчастный для мальчика день валялась дома с какой-то болячкой, слегка бледная (ее только вчера выписали), рассмеелась:

— Ну что ты как Гринч, ей-богу? Мы не дадим тебе испортить праздник!

— Так он и есть Гринч. Гринчук же! — захохотал Валерка Саймиев.

Ржал весь класс. А Макс терпеть не мог, когда все ржут не над его шутками, а над ним самим. Спустя неделю Гринчем его называла уже вся школа. И даже Андрей, с которым они тогда учились в разных классах, но играли в одной хоккейной команде и вроде как дружили, однажды прямо на тренировке заорал:

— Гринч, слева! — так он решил предупредить, что приятель сейчас впечатается в ограждение.

— Спасибо, Светлячок! — проорал как можно громче в ответ Макс, хотя еще секундой ранее он не имел никаких претензий к забавной фамилии Андрея, которого знал с яслей. Ну Светленький и Светленький. Мог быть Суходрыщенко, например. Но почему-то прозвище к Андрею так и не приклеилось, хотя сам Макс упорно продолжал его звать Светлячком.

И вот теперь этот Светлячок придерживал дверь перед главной врединою класса. Ну кто бы мог подумать! Интересно, что они там делают? В окно, конечно же, ничего не видно. Хотя вон свет в его комнате горит. Что парень и девушка делают при свете? Книжки, что ли, читают? Три ха-ха. Да, определенно, эту сенсацию он так не оставит.

От обеда Аня все-таки отказалась, и Андрей, который уже был бы не против поесть, решил обойтись пока без голубцов. Быстро нарезав бутерброды, он сложил их на тарелку и от-

нес к себе в комнату. Чаепитие парень организовал прямо за письменным столом — именно там он обычно и ел, когда дома никого не было. Потом, конечно, ругал сам себя, вытряхивая крошки из клавиатуры, но все равно в следующий раз тащил тарелку к компьютеру.

— Держи! — Андрей поставил перед Аней красную кружку с логотипом местной телекомпании, а сам отпил чай из белой чашки с букетом сирени и надписью «Светлана».

— Интересный выбор, — хмыкнула девушка, заметив гендерное несоответствие.

— Да это кружка моей сестры. В детстве она никому не разрешала ее трогать и тем более пить из нее. Но сейчас она не видит. Ты же никому не скажешь?

— Не-а!

— Вот и ладненько! — и, видя искру веселья в ее глазах, добавил: — Да, мою сестру родители весьма оригинально называли Светланой Светленькой. В знак протеста она этим летом вышла замуж за парня по фамилии Чернов и перекрасилась.

Аня засмеялась. Было непривычно вот так запросто разговаривать с Андреем о его семье, сидеть у него в гостях и уплетать бутерброды, когда еще месяц назад они практически не общались.

— А эта? — девушка перевела взгляд на кружку, из которой пила чай.

— Это моя. Я ее выиграл в третьем классе.

— Да ты везунчик! Как?

— Встал однажды утром на хоккей в каникулы, включил телек, и как раз викторину объявили. Я дозвонился первым и ответил.

— Ого! А что за вопрос был?

— Да я не помню уже. Но кружку тоже никому не разрешал брать. Особенно Светке. Трофей!

— О! Тогда и я не буду ее трогать.

— Тебе можно.

Аня улыбнулась, отчего на ее щеках появились лукавые ямочки. Они придавали ее лицу такое умильное выражение, что Андрей не смог отвести взгляд. Он снова разом растерял всю свою уверенность. В его комнате сидела девушка, о внимании которой он мечтал годами, а он не знал, что делать! Точнее, конечно, знал, и даже не только в теории. Но это же Аня!

Девушка поймала его взгляд и вопросительно изогнула правую бровь. Продолжая игру в гляделки, парень аккуратно сократил расстояние между ними, ощущая себя сапером, что сейчас либо перережет нужный провод, либо взорвет все к чертям. Второй вариант был так себе. Андрей наклонился и положил одну руку на спинку компьютерного кресла, в котором сидела Аня, как бы невзначай обнимая ее, а второй рукой потянулся к мышке и включил музыку. Мимоходом легонько потерся щекой о щеку девушки, кожей ощутив, как Аня слегка напряглась. Ругая себя за поспешность, парень

выпрямился, ожидая возмущений в свой адрес. Вот дурак! Он же не раз видел, как она обходит по широкой дуге Сла-вика, провожающего ее влюбленным взглядом, или дает разгон Гринчу за попытки нагло закинуть руку ей на плечо или ухватить за талию, как других девчонок. Но Аня все с той же умильной улыбкой повернулась к нему, развернув кресло, и спросила, что это за песня. Играло что-то легкое и ненавязчивое из серии «пусть звучит для фона». Андрей назвал группу и уточнил:

— Выключить?

— Зачем? Пусть будет. Я просто никогда не слышала.

— Я под это домашку делаю. Не отвлекает.

Аня усмехнулась. Она учила уроки под тяжелый рок, который ее тоже ни капельки не отвлекал.

— А я скорее панк. Но где-то глубоко в душе.

У Андрея отвисла челюсть: настолько это не вышло из его представлением о девушке.

— Не обязательно ходить с ирокезом и валяться пьяной в подворотне. Мне просто нравятся песни, — рассмеялась Аня, увидев его удивленное лицо.

— Фух, слава богу! — Андрей выдохнул с притворным облегчением, мысленно поставив себе галочку сегодня же расширить музыкальный кругозор.

— Ну что, по традиции вдарим по математике? — спросила Аня, ставя кружку около клавиатуры.

Парень опустил на свою кровать напротив девушки, ко-

торая все еще сидела боком к столу, и подкатил поближе ее кресло.

— Давай не сегодня, а?

Аня снова засмотрелась в эти невозможные глаза — да, ей не показалось тогда, они действительно были насыщенно-синими. И напоминали ей космос — глубокий и загадочный, каким его рисуют в фильмах при помощи компьютерной графики, — Аня любила всякую фантастику. Ей казалось, если смотреть долго в глаза Андрея, можно ненароком увидеть парочку астероидов и даже какую-нибудь звезду. Узнать, что же там скрывается, в этой далекой-далекой галактике его пристального взгляда, хотелось однозначно.

Андрей молчал. Затем, будто что-то решив для себя, потянулся к девушке, легонько целуя ямочку на ее левой щеке, которая неизменно приковывала его взгляд. Не встретив сопротивления, проложил дорожку коротких поцелуев к уголку ее рта, где пряталась лукавая улыбка, а потом наконец коснулся губ, замирая от страха, что так и не дожидется ответной реакции. Несколько долгих мгновений спустя губы девушки наконец дрогнули. Безоговорочная победа!

«Думать об Англии! Думать об Англии!» — твердила себе Аня, шагая по ступенькам в подъезде Андрея. Парень предлагал ее проводить, но девушка заметила, что тут невозможно заблудиться. Не то чтобы ей надоело его общество, просто

перед разбором очередных олимпиадных заданий необходимо настроиться на рабочий лад. А сделать это, когда сердце то несется вскачь, то пропускает удар, не было никакой возможности. Надо успокоиться! И думать об Англии! Или лучше о Шолохове. Да, Шолохов кому угодно пыл охладит.

Математикой они, конечно же, так и не занялись. Смотрели какое-то кино, сидя в обнимку на кровати Андрея, и Аня, утонувшая в непривычных, но таких приятных ощущениях, даже не могла бы рассказать, о чем фильм. Она чувствовала себя котенком, которого кто-то большой и добрый взял на руки, почесал за ушком и сунул за пазуху, где тепло, уютно и совершенно точно не обидят. На прощание Андрей снова поцеловал ее. Теперь уже гораздо более уверенно: просунув руки под ее незастегнутый пуховик и обнимая за талию. Ане казалось, что она сейчас расплавится от восторга, словно мороженое на жаре. В голове проносился целый вихрь ехидных мыслей, но ни одна не задерживалась хотя бы на секунду, оставляя после себя удивительную пустоту и легкость. Сегодня она впервые была в гостях у парня и впервые целовалась. Дважды. Нет, трижды. Уииии! Сначала она боялась, что Андрей заметит ее смущение и отсутствие опыта в этом вопросе, но он вроде бы не имел ничего против. И еще она, кажется, начала понимать Кристину. Что, если ей тоже настолько уютно в объятиях Гринча, что отлепиться от него на перемене просто выше ее сил? Хотя... «Уютно с Гринчем» — это оксюморон. Точно!

Уже зайдя на школьный двор и безуспешно пытаясь спрятать счастливую улыбку, Аня обернулась и нашла взглядом окно комнаты Андрея. Парень стоял у подоконника с красной кружкой в руках. Он помахал Ане, и девушка махнула рукой в ответ, после чего поспешила к школе. А Андрей, отходя от окна, сделал еще один глоток остывшего чая из ее кружки. Да, теперь это определенно ее кружка. И больше никому нельзя ее трогать!

4.

Вернувшись к учебе после двухнедельного больничного, Рита поняла, что многое пропустила. В центр подготовки к ЕГЭ она направилась напрямик из поликлиники, где ее официально признали здоровой и имеющей право выходить в люди. Зайдя в кабинет математики, девушка увидела небывалое: подруга сидела за одной партой с Андреем Светленьким и тихонько о чем-то с ним переговаривалась. Андрей смеялся, расслабленно положив руку на спинку ее стула. И Аню это не смущало, хотя она, Рита знала наверняка, не очень любила, когда нарушают ее личное пространство, и терпеть не могла обниматься с кем попало.

— Ну, привет! Что тут было, пока меня не было? — ехидно поинтересовалась девушка, подходя к парте и ставя сумку прямо перед носом Андрея.

Тот намек понял. Он встретил Аню у ее подъезда, чтобы вместе пойти на занятие. По дороге девушка предупредила его, что Рита сегодня придет и вряд ли уступит ему свое место. Андрей не стал спорить — у него теперь были и другие возможности пообщаться с Аней.

— Дамы, ретируюсь! Приятного вечера! — и он тут же пересел за парту к Лешке Елисееву.

— Рита! — Аня была рада видеть подругу, хотя и немного смущена.

— Ну, колись! Это что я только что видела? — девушка была намерена во что бы то ни стало получить ответ на свой вопрос. Но прямо сейчас ей это явно не светило.

— Ритка! Живая! Здоровая! Руки-ноги на месте! Голова тоже! Дай ручку поцелую! — местный клоун Вовка Яковлев не мог пропустить появление своей музы.

— Уйди, противный! — зашипела Рита. На ее счастье, в кабинет зашла Ирина Ивановна, сходу потребовав прекратить балаган.

К допросу подруги девушка вернулась на перерыве. Не в ее стиле было терзаться в неведении. Тем более, когда в ее отсутствие здесь кипели страсти куда интереснее математики, а она об этом ни сном ни духом!

— Вы теперь вместе? Серьезно?

— Не знаю. Серьезно — это как?

— Целовались? — деловито уточнила Ритка. Аня залилась краской. — Понятно... Ну ничего себе! И как оно?

Андрей, до этого наблюдавший за разговором девушек издалека, как раз решил подойти к ним. Он совсем забыл спросить, планирует ли Аня сегодня ехать домой вместе с Ритой и другими одноклассниками, или они по новой традиции пойдут вместе. Хотелось бы, конечно, побыть вдвоем. Целоваться в автобусе при половине класса все же как-то странно. Услышав последний Риткин вопрос, парень шутливо уточнил:

— Тебе как, в подробностях? А восемнадцать уже есть,

чтобы такими вещами интересоваться?

Аня, на удивление, рассмеялась. Она-то точно знала, что ничего такого между ними не происходило. Пока. И тот факт, что на неумное любопытство Риты можно найти управу, ее приятно удивил. Захотелось разыграть подругу. Конечно, она бы ей все рассказала. Просто рассказывать еще было толком нечего. Ну, кроме того, что от запаха его парфюма она с недавних пор растекается лужицей по асфальту, а его подбородок к вечеру становится слегка колючим, и это восхитительно приятно. Это — личное.

— Я так понимаю, домой ты меня сегодня провожать не будешь? — уточнила Рита.

— Тебя вон Вовка с удовольствием проводит, — хмыкнула Аня, и подруга скривилась.

По дороге к Аниному дому Андрей занимался непривычным для себя делом — планированием. А конкретно, пытался сопоставить графики дополнительных занятий, свой и Ани, и вычислить, в какой день они могут просто погулять как свободные люди.

— Ань! Завтра у тебя что?

— Общество и история к ЕГЭ.

— Ты еще и историю сдавать будешь?

— Нет, с меня и общества хватит! Историю Рита сдает. Мы просто на оба занятия ходим, чтобы историчка не цеп-

лялась из-за каждой мелочи.

— А в воскресенье?

— А в воскресенье я делаю уроки на всю неделю. И тебе, кстати, советую.

— Да я и так... еще с матерью за продуктами съездить надо, отец на работе будет. Значит, в понедельник у тебя русский. Я там фильм интересный нашел, заходи, посмотрим. А вечером у меня физика. Вторник — математика. Среда?

— Вот среда у меня на удивление свободна. Сама в шоке, как так вышло.

— Ага. В четверг опять у тебя русский, потом у меня физика. В пятницу математика. Кошмар! А жить-то когда?

— Через годик, — ехидно ответила Аня. — Как все сдадим.

— Точно. Еще бы бассейн куда-нибудь воткнуть, — тоскливо вздохнул парень.

— Ты плаванием занимаешься?

— Да так, не всерьез. Я раньше в хоккей играл, но пришлось бросить после восьмого класса.

— Эх, я бы тоже поплавала... — мечтательно протянула девушка, представляя себе море, солнышко и пляж.

— Так пойдем!

— Да когда?

— Ты же сама сказала, что в среду свободна.

— Ладно. А почему ты хоккей бросил?

— Тренировки каждый день были. Мама считала, что я

из-за этого завалил бы экзамены. Впрочем, я и без хоккея их практически завалил, — самокритично заметил Андрей.

— Не сдал, в смысле?

— Троек нахватал.

— Ну сдал же.

— Это да. Но мог и лучше. Думал, Ирочка меня прям без кетчупа съест! А с трояками по ЕГЭ могу вообще забыть про институт, так что приходится теперь пахать молча.

— А не жалеешь, что хоккей бросил?

— Не знаю. Второго Харламова из меня бы не вышло, тут родители правы. Но мне нравилось играть. Сейчас этого как-то не хватает...

Когда Аня согласилась пойти с Андреем в бассейн, она совершенно не подумала о том, что плавают обычно в купальнике и это в нынешней ситуации создает большую проблему. Парень провожал ее до дома и угощал мороженым, она была у него в гостях и они целовались — она уже даже сбилась со счета, сколько раз. Ежу понятно, что он за ней ухаживает, а Аня все-таки не еж. Но считать ли ей, что они уже встречаются? Это свидание или нет? Блин, почему все так сложно в этих романтических условностях? В любом случае, они еще не дошли до того этапа отношений, когда можно ходить друг перед другом полураздетыми и при этом не чувствовать дискомфорта. Нет, она спокойно носила на пляже свой раздель-

ный купальник (Ритка признала его «весьма сексуальным»), но никогда не представляла в таком виде перед парнем, который ей нравится!

В состоянии запоздалой паники девушка стояла перед зеркалом, поправляя верх. Как минимум, ей некого будет просить отрегулировать бретельки — не Андрея же! — и стоит озаботиться этим заранее. Что там еще берут в бассейн? Тапки! Блин, где же тапки? Они точно были. Она ведь привезла домой купленные в Анапе шлепанцы? «Да чего ты паникуешь, дурында? — пытался успокоить ее внутренний голос. — Ну, поплаваete немного. Он же в раздевалку с тобой не пойдет! Купальник — это одежда. Специальная одежда для плавания. В бассейне все в купальниках, и он тоже не в школьной рубашке будет». На этом моменте щеки у Ани резко покраснели от осознания, что Андрей будет одет даже чуть меньше, чем она. А она и без этого тайком заглядывается на него на уроках физкультуры, пока парень играет в волейбол в обтягивающей футболке, которая подчеркивает каждую мышцу. С их с Ритой стратегического объекта наблюдения в виде лавочки видно все. Подруга мечтательно разглядывает Лешку Елисеева, хотя параллельно болтает о своем Сереженьке.

Собравшись, Аня вышла на улицу. Бассейн находился примерно посередине между их домами, и девушка предложила встретиться прямо там, чтобы Андрей не нарезал круги по всему городу. Аня сунула в ухо наушник, выбрав в плеере

песню в настроение: пешие прогулки под музыку успокаивают, а ей определенно надо перестать паниковать. Плавание расслабляет и благотворно влияет на психику. Сказано же — расслабляет!

Андрей встретил девушку у входа в здание бассейна, легонько чмокнул в губы и, казалось, совсем не нервничал, в отличие от нее. Не нервничал ровно до того момента, как увидел ее выходящей из раздевалки — черт, в одном купальнике! Да, он как-то не подумал, что по степени целомудренности это практически то же самое, что нижнее белье. Девчонок в купальниках он, конечно же, не раз видел и воспринимал их абсолютно нейтрально. Но это же Аня! Аня, в отношении которой его мозг выдавал совершенно неподобающие мысли в самый неподходящий момент вроде контрольной по алгебре! Аня, от которой невозможно было отвести взгляд, даже когда она одета в теплый свитер и под ним не видно вообще ничего. Его Аня, с которой они вроде как уже встречались, но именно эту черту доверия еще не переходили. Кажется, он поторопился. Стараясь смотреть девушке в глаза и только в глаза, парень хриповато произнес:

— Пойдем?

— Пойдем, — Аня ухватила за его руку, поскользнувшись на мокром кафеле.

Плавал Андрей, по скромному мнению девушки, так же эффектно, как и кидал мяч. Она никогда не видела его на коньках, но уверенно предполагала, что и это зрелище бы-

ло впечатляющим. Сама она предпочитала покачиваться на волнах, лежа на спине, или медленно плыть, чтобы не расходовать все силы разом. Пока она добралась до противоположного края бассейна, Андрей успел переплыть его трижды.

— Ну ты даешь! — оценила Аня, уцепившись за бортик.
— Я уже устала, а ты носишься.

— Тебе принести доску? — всполошился парень.

— Нет, спасибо. Я просто отдохну. С непривычки руки болят.

— А руки тут при чем?

— Как при чем? Я же ими гребу.

Андрей подплыл к девушке.

— Гребешь-то гребешь, да не так, как нужно. Спина должна работать.

— Это как?

— Ну смотри, — парень встал сзади и положил ладони на ее плечи. — Сделай движение, будто плывешь. Видишь? Ты напрягаешь мышцы вот здесь, а надо вот здесь.

Не отрывая рук, он переместил ладони на ее спину, случайно задев большим пальцем лямку купальника. Вдруг осознал, насколько компрометирующе это все выглядит, и оглянулся. К счастью, никто не смотрит. В это время здесь и людей-то почти нет. Вот вечером будет тесновато. Аня снова сделала руками движение как во время плавания и уточнила:

— Так?

— Да, — парень напряженно выдохнул и убрал руки с ее лопаток.

Именно в этот момент по соседней дорожке мимо них проплыл юный и весьма целеустремленный спортсмен, отчего в спокойной воде бассейна образовались волны. Аню толкнуло прямо на Андрея, стоящего за ее спиной. Парень машинально подхватил ее за талию и прижал к себе, чтобы она не упала, ощутив это прикосновение всем телом. Абсолютно всем телом. И тело молниеносно отреагировало. Да, он определенно не думал об этом, когда позвал девушку в бассейн.

— О, я, кажется, поняла, — Аня попыталась сделать вид, будто совершенно не смущена. — Поплыли?

И, пока она плыла назад, сосредоточившись на правильной работе мышц, Андрей пересек бассейн еще три раза, при этом вспоминая все известные ему формулы физики, чтобы переключиться и не выдать своего взбудораженного состояния.

Переодеваясь, парень пытался представить, как ему сейчас смотреть Ане в глаза и не краснеть. Это же надо было так спалиться! Наверное, она теперь считает, что он озабоченный мальчишка, который и думать больше ни о чем не способен. Впрочем, так оно и было — но только в отношении Ани! Слабое оправдание, конечно, но другого у Андрея

все равно не имелось. Может, она все-таки не против? Они же встречаются! И она умная девушка, прекрасно понимает, что до этого тоже рано или поздно дойдет. Просто прямо сейчас еще, наверное, рановато, а с Аней очень хотелось вести себя правильно. Как же все сложно в этих ваших взрослых отношениях! С Кристиной было проще — именно это Андрею и не нравилось.

Аня, стоя перед зеркалом с феном в руках, смущенно улыбалась. Она не знала, как реагировать на то, что случилось в бассейне. Прижиматься к Андрею практически всем телом, ощущать его ладонь на своем животе — и все это даже не через одежду! Это было намного откровеннее их обычных объятий, к которым она уже привыкла, и даже воспоминания об этом вызывали толпу щекотных мурашек и румянец на щеках. А еще ей показалось, что он от этого и сам смутился. Да нет, наверное, действительно показалось. Он же не умеет! Не мог же он стесняться того, что не дал своей девушке утонуть прямо на свидании. Стоп! А когда это она вообще начала называть себя его девушкой? Хотя, если подумать... Ну, это все-таки свидание. Даже слегка пикантное — незапланированно, но все же. И они совершенно точно встречаются, просто она никогда не задавалась мыслью, как вообще это определять. Но ей кроме Андрея больше никто и не нравится, а ему... Ему, кажется, тоже. В далекой-далекой галактике его взгляда, как выяснилось, прячется желание целовать Аню и не выпускать ее из своих объятий. И вряд ли

он планировал все время довольствоваться только этим.

Под равномерный гул фена мысли девушки неслись дальше. Как вообще это происходит? Не в анатомическом смысле, там, вроде, все понятно. Но в какой момент то, о чем стыдно даже подумать, перестает быть таким смущающим? Вот они целовались, и... *Кторешает*, что уже пора? И... а вдруг Андрей думает, что уже пора?!

Она словно увидела себя глазами своего парня (наверное, все-таки уже можно называть так Андрея), и эта картинка ей показалась весьма привлекательной. Да, она, пожалуй, ничего. И в нее, наверное, можно влюбиться. Раньше она как-то не задумывалась об этом. Не считать же всерьез Славика за поклонника! Это было даже как-то обидно, что из всех существующих в мире парней на нее положил глаз именно тот, кто ей совершенно не нравится.

Когда Аня вышла из раздевалки, Андрей уже ждал ее в холле — ему волосы сушить было недолго. Увидев напряженный взгляд парня, Аня с облегчением выдохнула. Похоже, им обоим неловко. Все еще непривычно смущенный Андрей перекинул через плечо ремень своей спортивной сумки, подхватил Анин пакет и взял девушку за руку. Они вышли на улицу, и парень утянул ее в плохо освещенный уголок крыльца.

— Извини... — начал было он и запнулся. Как, блин, об этом говорить?

— Ты чего? — улыбнулась Аня. — Мне понравилось с

тобой плавать.

И все остальное ей, наверное, тоже понравилось. Так вот они какие, эти самые бабочки в животе!

— Тогда надо будет повторить?

— Конечно!

И, потянувшись, девушка поцеловала Андрея, удивляясь собственной смелости.

Маме Аня, разумеется, сказала, что ходила в бассейн с Риткой. Ну а что? Надо же иногда за здоровьем следить! Перед сном девушка мечтательно улыбалась и прятала в подушку краснеющие щеки, вспоминая Андрея в одних плавках. И тот самый чересчур интимный момент тоже.

5.

— Нет, ну вот я ворона, а! — возмущалась Рита. — Я как могла забыть?

— Меньше надо было с Сереженькой по телефону трын-деть, — подколола Аня.

Повод для паники у подруги, конечно, имелся. На прошлом уроке объявляли оценки за контрольную, и Рита заработала четверку, но, по словам биологички, «с натяжкой». Выданный кредит доверия полагалось отработать сегодня, а значит, Елена Владимировна ее обязательно вызовет к доске и начнет спрашивать — либо по теме контрольной, либо по параграфу, заданному на дом. А Рита каким-то загадочным образом вообще не вспомнила о том, что сегодня в расписании значится биология, и даже тетрадку не брала.

— Влепит теперь двойку, еще ее потом отрабатывать, — грустно резюмировала девушка.

Аня ничем не могла ей помочь. Она сама весь вечер решала олимпиадные задания по русскому, которыми ее щедро нагрозила Анна Николаевна, и биологию даже не открывала, искренне надеясь, что ее как обычно не спросят. Почитает потом к контрольной.

— Держи учебник, еще успеваешь просмотреть по диагонали.

— О, спасибо. Попробую. Хотя не думаю, что меня это

сильно спасет.

В голове Яковлева, краем уха услышавшего беседу по-друг, немедленно созрел план. Действовать, конечно, придется экспромтом, но ему не впервой. Дождавшись, пока биологичка соберется начать опрос, Вовка стал отыгрывать свою лучшую роль.

— К доске пойдет...

— Елена Владимировна! А вчера такой фильм интересный показывали про этого... Как его.... Про то, как мы от обезьян произошли, в общем. Вы смотрели?

— Это называется «эволюция», Яковлев. И вы мне по этой теме контрольную писали в прошлом году. Я начинаю сомневаться в вашей четверке!

— Да я помню, слово из головы вылетело. Так вы смотрели?

— Нет, к сожалению. Интересный фильм, говорите?

— Очень! Я хотел спросить. А как вы думаете, мы обратно в обезьян можем превратиться?

— Я думаю, прямо сейчас вы идете к этой цели семимильными шагами!

Класс захохотал. А биологичка продолжала:

— Вынуждена вас разочаровать. Если вы превратитесь обратно в обезьяну, мы не сможем обеспечить вам должный уход. В нашем городе нет зоопарка. И даже живой уголок в школе давно расформировали. Хотя вы бы, конечно, были крупноваты для живого уголка. Кстати, какой именно обе-

зьяной вы хотите стать?

— Шимпанзе! — Вовка сказал первое, что пришло на ум. Он как-то вообще не разбирался в приматах. Из всех обезьян он хорошо помнил только тех, что видел в детстве в цирке.

— Вам очень подойдет, Яковлев!

Класс уже лежал на партах от хохота. По всеобщему мнению, веселый юморной парень в этом образе смотрелся бы органично. Аня уже представляла, как шимпанзе Вовчик в смешном фиолетовом костюмчике жонглирует шариками на арене и шлет зрителям воздушные поцелуйчики. Что творилось в головах других одноклассников, и подумать страшно. Рита утирала выступившие от смеха слезы. Кажется, на этот раз ее пронесло. У биологички уже нет ни времени, ни настроения на проверку домашнего задания. Да и звонок через пару минут.

— Ну что, до завтра? — даже помня, что в любой момент мимо них может пройти Ирочка, что непременно разрушит всю идиллию, Андрей не мог найти в себе силы выпустить из объятий свою девушку, которую в очередной раз провожал после математики.

— Меня же завтра не будет, — улыбнулась Аня. Ей тоже совершенно не хотелось идти домой. — Завтра олимпиада.

— И как я без тебя буду весь день?

— Будешь скучать?

— Еще как! Можно я тогда вообще школу прогуляю?

— Я тебе прогуляю! С тебя конспекты уроков.

— Я слышу в твоём голосе интонации нашей классной, и это меня пугает, - поежился парень.

— А ты думал. Мне же надо как-то пропущенное наверстать потом.

— И все-таки?

— И все-таки не прогуливай, а?

— Да я же пошутил. Ты сразу туда поедешь?

— Нет, мы в школе собираемся, оттуда пойдем.

С утра Андрей перехватил Аню по пути в школу. Поцеловал на удачу и сказал, что она самая умная и со всем справится, после чего убежал на уроки. Опять со звонком влетит в класс и получит от Ирочки нагоняй, усмехнулась девушка. Но от его поддержки стало так тепло и спокойно, что оно определенно того стоило. С мечтательным видом Аня зашла в фойе школы. Здесь собирались участники олимпиад по всем предметам, чтобы нестройной группой идти туда, где и должно было проходить данное мероприятие. Ее тут же поймала Рита, которая сегодня планировала блистать на олимпиаде по английскому. Подруга явно видела спешащего Андрея и сделала выводы.

— А Светленький джентльмен! Он тебя и в школу провожает, что ли?

— Мы случайно встретились, — девушка даже не догадывалась, что Андрей ждал ее, облокотившись на приоткрытую

дверь своего подъезда, не меньше двадцати минут. В вопросах выбора между «не опоздать на урок» и «увидеть Аню» он всегда был за второй вариант. Даже если для этого нужно постоять на морозе в одной рубашке.

— Ну слушай. Ладно, одобряю. Серьезно, подруга! Я уже за тебя переживала. А мы сейчас с Сереженькой будем состязаться в знании английского на городском уровне. Вот ведь... К гадалке не ходи — опять поругаемся! Либо у него результат лучше, и мне обидно, либо я больше баллов наберу, и тогда вообще тушите свет.

— Выбирай, что тебе важнее, — улыбнулась Аня. В их с Андреем общении она никакого противостояния не ощущала. С ним было удивительно легко. И потом, невозможно представить ситуацию, в которой они могли бы конкурировать. Разве что за внимание Гринча — он доставал их обоих в равной степени, и это уже начинало надоедать.

— Легко сказать... Тут какой-то выбор без выбора.

— Куда ни кинь, а все клин?

— Ага. В английском тоже какое-то подобное выражение было. Погоди, сейчас вспомню.

Вернувшись домой после усиленного мозгового штурма, Аня сама не заметила, как задремала, сидя в кресле. Казалось, она только включила музыку и на минуту прикрыла глаза, и вот уже телефонный звонок врывается в сон, где она убегает от какого-то монстра по темным пыльным коридорам. Приснится же такое! Телефон все еще продолжал зво-

нить. Пришлось вставать и идти за трубкой, попутно ощущая, как все тело затекло от неудобной позы. Сколько же она проспала?

— Алло.

— Ань, ты? Привет!

— Привет! — девушка узнала Андрея и непроизвольно охнула то ли от удивления, то ли от того, как заныла шея.

— Как ты?

— Вообще-то, это я хотел узнать, как ты. Я тебя разбудил, что ли?

— Не то чтобы разбудил... Я сама не поняла.

— Извини. Так как олимпиада?

— Ну, результаты будут в понедельник. Что смогла, то сделала. Меня еще Анна Николаевна завтра допрашивать будет.

— Сложно было?

— Конечно. Это же олимпиада, — Аня усмехнулась.

— Ты как-то без настроения.

— Да я устала. Мне как будто мозг вынули и в кипятке прополоскали. Аж скрипит, и ни одной мысли в голове. Но ты говори, я послушаю.

— А ты свободна на сегодня, получается? Пойдем погуляем? Мозги напрягать не будем!

— А пойдем! — Аня рассмеялась и почувствовала, как к ней начинают возвращаться силы.

— Я зайду за тобой через полчаса. Идет?

И хотя он действительно зашел через указанное время, прогулку пришлось слегка отложить. Уже на пороге Андрей надсадно закашлялся, и Аня потащила его на кухню отпаивать горячим чаем с лимоном и малиновым вареньем. Кашлять парень постепенно перестал, уверяя, что он совершенно не замерз, на улице тепло, самая погода для прогулок. И правда, за окном хлопьями валил снег, навевая мысли о том, что до нового года осталось чуть больше месяца. Хотелось бродить в обнимку по парку, ловя снежинки и ощущая себя героями романтической комедии. Однако после чаепития у девушки и ее гостя нашлось дело куда важнее праздных шатаний по сугробам — они целовались в прихожей, и расстояние между ними Аня никак не могла бы назвать пионерским.

— Анька! А правда, что за хорошие оценки денег дают? — заорал где-то за спиной Гринч, врываясь в их с Ритой важный разговор. Который ей, к слову, уже поднадоел, потому как заводила его подруга далеко не впервые. Поэтому девушка с удовольствием отвлеклась на приставучего одноклассника.

— Правда. Это стипендия называется, — притворно-участливым тоном объяснила Аня. — Но в школе такого нет. Только в универе, а туда, говорят, не всех берут!

Гринч скис. В его представлении этот диалог должен был выглядеть как-то по-другому: намек на то, что ему высшее

образование не светит, там точно не планировалось. Что ж, этот раунд он проиграл, а новые подколы еще предстояло придумать. В последнее время его мозг в этом направлении работал с трудом.

— Нет, ну я все-таки не понимаю. Что ты в нем нашла?
— продолжила прерванную беседу Рита.

Она уже в в который раз задавала этот вопрос, и Аня до сих пор не могла ей внятно ответить. В смысле — что? Андрей ей просто нравится. Очень. Ну не бывает же так, что в человеке тебе симпатичны правая рука и левое ухо, а все остальное нет? Он либо весь нравится, либо весь не нравится, не так ли?

— Я все еще не знаю, как тебе объяснить.

Хорошо хоть Андрей куда-то вышел вместе с Лешкой Елисеевым и не подслушивает, подумала Аня. Было бы неловко обсуждать его при нем же.

— Он симпатичный — не в моем вкусе, правда, но в целом ничего, — продолжала Рита. — Но ведь троечник заядлый! И на спорте помешан. Ты всю эту физкультурную дребедень терпеть не можешь, а он за всю жизнь три книжки прочел. Вы о чем вообще с ним разговариваете? Разговариваете хоть, кстати? Или не успеваете?

— Успеваем, Рит. И о книжках, и о спорте. О фильмах, об архитектуре. Об учебе, разумеется. О домашке и вредной историчке. Ну не знаю. Обо всем разговариваем, что на ум пришло. Мне легко с ним. И интересно.

— Так, ладно. Что архитектура в этом списке делает?

— Андрей увлекается.

— Серьезно? По нему и не скажешь!

— А потому что не надо судить книгу по обложке, а человека по первому впечатлению. Он как начнет что-то рассказывать про всякие пилястры и баллюстрады, я и слов-то таких не знаю.

— Ладно, уела. Но правда, я бы в жизни не подумала, что ты будешь со Светленьким встречаться. Скорее предполагала, что Кузнецов возьмет тебя измором к окончанию школы.

— Вот спасибо, что ты такого высокого мнения обо мне!

— рассмеялась Аня, с опаской покосившись на окно, возле которого стоял Славик.

— Да я же любя. Лишь бы ты была счастлива, дорогуша. А остальное неважно.

На горизонте показались Лешка с Андреем. Кажется, они выходили покурить. Курил, впрочем, один Елисеев (и как эта дурная привычка сочеталась с его увлечением тяжелой атлетикой, было неясно), а Андрей — балбес морозоустойчивый, он же и так кашляет! — за компанию с приятелем торчал на улице в одной рубашке. Сам он не курил: попробовал, но прикола не понял. В его жизни были вещи намного приятнее сигаретного дыма.

— Анька, а ты Нобелевку тоже планируешь получить? Или школьной медалью обойдешься? — мозг Гринча все-таки успел сгенерировать еще одну не сильно умную шутку до

конца перемены.

— Обязательно. Как же мне — и без Нобелевки? — невозможно отозвалась Аня, расслаблено улыбнувшись Андрею, который уже слегка насторожился от излишнего внимания Гринча к своей девушке.

— А в какой сфере? — продолжал допытываться Макс.

— Думаю, мне светит Нобелевская премия мира. За научный труд на тему «Как сделать из Гринча человека, пока он не достал всех окружающих». Не переживай, я обязательно поблагодарю тебя в своей торжественной речи, — пообещала Аня.

Андрей усмехнулся. Похоже, в противостоянии с Гринчем ей его помощь не нужна. Да и не было у него желания выступать против хоть и бывшего, но все-таки друга. Пока тот не переходит границ дозволенного, разумеется. Потому что девочку, которая ему нравится, нужно защищать даже от друга — этот урок он давно уже усвоил.

Чертов кашель, который Андрей пытался игнорировать уже несколько дней подряд, никак не хотел оставить его в покое. Сейчас, в половине пятого утра, парень изо всех сил пытался кашлять потише, чтобы не разбудить всю семью, а заодно и соседа Гришку, что жил через стенку. Но план его, как оказалось, провалился. Мама почти бесшумно зашла в комнату сына, как в детстве потрогала лоб и принесла гра-

дусник.

— Опять бронхит! Ну как так? А говорили, перерастешь. Здоровый лоб, семнадцать уже, а все равно каждую зиму одно и то же.

— Мам... еще скажи, что не надо было на морозе орать.

— А ты орал?

— Нет, конечно. Просто раньше ты говорила, что я заболел из-за тренировок и нечего было горланить на улице.

— Спи уже, хоккеист! Утром врача вызову.

И Андрей действительно спал практически весь день, пока его не разбудила участковый педиатр. После ухода милейшей Марины Сергеевны Андрей опомнился, что надо хотя бы позвонить Ане. Ощущение, что девушка, наверное, беспокоится, почему его сегодня не было, разливалось каким-то непонятным теплом в груди. Аня за него беспокоится! Точно знать, что ей не все равно, было как-то непривычно, но очень приятно.

Аня действительно не находила себе места. Не увидев парня на первом уроке, она сразу поняла, что тот все же заболелся — не просто так он закашливался всю последнюю неделю. А еще уверял, что все нормально, просто холодного воздуха глотнул! Хотелось зайти к нему после уроков, но он ведь наверняка спит. Все спят, когда болеют. Надо как-то дожить до дома, не изводя себя беспокойством, и позвонить ему. Да, думать об истории! Там Курская битва, это важно. А вот на биологии об учебе не думалось совсем. Весь урок

девушка буравила взглядом окно комнаты Андрея, но плотно задернутые шторы ничего не сообщали о его состоянии.

Когда Аня позвонила, Андрей как раз предавался размышлениям о том, что он, кажется, выиграл эту жизнь. Стоило раньше начать проявлять инициативу. И почему он столько лет думал, что никогда не добьется ее внимания? Дурак! Тем не менее, они наконец вместе, и сомнений по этому поводу уже не оставалось. Аня заботилась о нем — это самое главное. И хотя разговора толком не вышло из-за надоевшего кашля (как осточертел этот бронхит!), Андрей все равно был неисправимо счастлив.

Пару дней парень решительно боролся с болезнью, терпел все мамины экзекуции вроде горчичников и компрессов на горло, и даже покорно пил отвратительные на вкус лекарства — он и правда их с детства тихо ненавидел. Наконец противный изводящий кашель, от которого, казалось, можно ненароком выплюнуть легкие, превратился в просто кашель — вполне терпимый, о чем Андрей радостно сообщил Ане. Девушка решила забежать к нему между уроками и дополнительным занятием по русскому: на носу была новая олимпиада, теперь уже регионального уровня, поскольку на городской Аня заняла первое место. Она говорила, что это только благодаря поцелую на удачу (на самом деле, конечно, нет, но это тоже был немаловажный фактор!). Ей уже нестерпимо хотелось увидаться с тем, кто, похоже, правда интересовался ее успехами. Они и так уже несколько дней общались ис-

ключительно по телефону, прерываясь на приступы кашля, и Аня, кажется, соскучилась. Захватив из столовой две пиццы — Андрей их очень любит, — Аня отправилась к парню, немного нервничая, что идет в гости без приглашения. К счастью, кроме Андрея, который открыл с удивленным выражением лица, дома никого не было.

— Ого! Привет. Весьма неожиданно!

— Ну прости, что потревожила твой покой, — Аня все еще переживала, и это было заметно.

— Ты чего? Я очень рад тебя видеть, правда! — Андрей прижал девушку к себе. — Просто не хочу заразить.

— А ты учебник биологии вообще не открываешь? — Аня наконец расслабилась и улыбнулась.

Учебник биологии Андрей в этом году открывал всего один раз — на параграфах о доминантных и рецессивных признаках, передающихся по наследству. Пытался представить, какой могла бы быть их с Аней дочка (но это большой секрет!). И, хотя тему в общем понял, на уроке в ответ на вопрос биологички, какова вероятность рождения голубоглазого ребенка у кареглазых родителей, предпочел схохмить: «На все воля божья, Елена Владимировна!». Биологичка ответ оценила и поставила ему четверку — исключительно за чувство юмора.

— Я даже не помню, где он, если честно.

— Оно и видно. Но вообще, если я и заболею, то скорее потому, что целовалась с тобой три дня назад.

— То есть, не боишься?

— Не-а. Мне сейчас некогда болеть! По статистике, я расклеюсь на каникулах, чтобы не тратить время на больничный, — усмехнулась Аня.

— Ну-ка отставить мрачные мысли. Я на каникулах планировал вытащить тебя на каток.

— Да я на коньках и стоять-то не умею! — засмеялась девушка. — Будешь меня ловить?

— Разумеется.

— Начинай прям сейчас! — и Аня притворно покачнулась так, что Андрею пришлось подхватить ее за талию.

Рита который день пребывала в подавленном настроении. На олимпиаде девушка заняла третье место, и это, как она и предрекала, стало поводом для большой ссоры с ее Сереженькой — он оказался лишь на пятом. По этой причине парень не разговаривал с Ритой уже неделю и даже отсел от нее на курсах английского. Девушка страдала. Умом, конечно, понимала, что ни в чем не виновата, но это странное поведение Сережи испортило всю радость от победы. А ведь Рита, участвуя в олимпиаде уже в третий раз, впервые заняла призовое место! И могла по праву этим гордиться, считала Аня.

— А как твой Андрей отреагировал? — спросила Рита скорее для проформы. Жизнь подруги ее, конечно, интересовала, но сейчас девушка была сосредоточена на собствен-

ных переживаниях. Они с Сережей ругались и мирились по несколько раз на неделе, но еще никогда их ссора не тянулась дольше пары дней.

— Ну как? Поздравил. И сказал, что верит в мой успех на региональном этапе, — с недоумением ответила Аня. Она даже не могла представить, чтобы он поступил как-нибудь иначе.

— Сережа меня тоже поздравил. Сначала. А теперь уже неделю игнорирует, — Рита казалась какой-то потерянной.

— Ты посмотри, какая цаца! Ему сложно за тебя порадоваться?

Пока подруги разговаривали, к ним подошел Андрей. Его должны были выписать на днях, но сидеть дома у него уже не было никаких сил. Еще вчера он решительно заявил, что встретит Аню после уроков и проводит ее. Увидев в окно, как девушки выходят из школы, парень быстро оделся (на этот раз не забыл даже шарф!), спустился и прибавил шаг, чтобы догнать их у поворота. Услышав окончание разговора, Андрей возмутился:

— Рит, ты извини, конечно, что лезу не в свое дело. Но я тебе как парень говорю: завидовать успеху любимой девушки может только идиот. А идиоты — не твоя категория.

Рита задумалась, глядя, как Аня позволяет Андрею себя приобнять, легонько поцеловать в щеку и снять со своего плеча сумку с учебниками. Она уже далеко не в первый раз удивлялась, что подруга, которая никогда и ни с кем не

встречалась раньше, каким-то неизвестным науке способом вдруг стала понимать в отношениях полов больше нее самой, а ведь у Риты парень есть уже третий год! И, наблюдая за Аней и ее молодым человеком, Рита начинала подозревать, что отношения у них с Сережей какие-то странные...

— Тебя правда это все не обижает? — когда Рита повернула в сторону своего дома, Аня решила вновь поднять беспокоившую ее тему.

— Что? — не понял Андрей. — Твои успехи в учебе?

— Ну.

— Ни капли. Я ими активно пользуюсь, если ты не заметила, — Андрей улыбнулся, намекая на то, что периодически просил девушку объяснить ту или иную тему. Хотя теперь все чаще пытался разобраться самостоятельно — просто для того, чтобы не тратить совместное времяпрепровождение, которого ему и так катастрофически не хватало, на всякую ерунду вроде учебы. Можно ж вместо этого смотреть кино в обнимку и с упоением целоваться, пропустив половину событий на экране. Пока только целоваться, да. Ему, конечно, не терпелось уже перейти к более активным действиям, но сложно было не заметить, как Аню смущает такое настойчивое внимание.

— Ну я же серьезно! — девушка тоже невольно улыбнулась.

— И я серьезно. Я не знаю, что должно быть в голове у парня, который не может порадоваться победе своей девуш-

ки. Они выполняли задания самостоятельно, каждый своим умом. У нее получилось лучше. Ну и в чем она виновата? Представляешь, я бы требовал от тебя схватить двойку на контрольной, чтобы ты со мной в оценках сравнялась?

— Да когда ты двойки за контрольные получал? — рас- смеялась Аня.

— Было дело.

— Как много я о тебе не знаю!

— Да там ничего особенного. Играл в хоккей и забил на учебу. До сих пор наверстываю. Ошибки молодости!

Андрей решил не вдаваться в подробности, что большую часть двоек нахватал как раз после того, как бросил хоккей, зато начал встречаться с Кристиной. Как говорится, первое правило общения с девушкой — не упоминай при ней быв- шую! Но скандал дома был знатный, когда по итогам тре- тьей четверти в девятом классе у парня в дневнике оказалась только одна пятерка, по физкультуре, среди ровного ряда троек по всем остальным предметам. До тех пор худо-бедно, но хотя бы половину школьных дисциплин Андрей вытяги- вал на четверки, а по математике класса до седьмого у него и вовсе пятерка была. Мама демонстративно пила валерьянку и требовала прекратить общение с этой девчонкой, которой поначалу даже обрадовалась: «Наконец-то забыл свою Анеч- ку!». Андрей и сам глубоко в душе понимал, что его жизнь сворачивает куда-то не туда, а компания Кристины ему по большей части надоедает. К счастью, та история закончилась

без драмы, а их с Аней отношения наглядно показывали, что мама была права: влюбленность учебе не помеха. В его случае даже наоборот.

6.

Декабрь неумолимо двигался к своему завершению и подведению итогов. Наконец все контрольные были написаны, оценки выставлены в дневники, и 11 «А» радостной толпой вырвался на каникулы. Андрей был доволен — ошибки молодости удалось исправить. Всего три тройки за полугодие: по русскому, английскому и химии. По сравнению с девятым классом просто идеально. У Ани, разумеется, в дневнике красовались одни пятерки, и Андрей искренне ей гордился. Провожая девушку, он строил планы на каникулы. У него в квартире царил хаос. На праздники приехала Светка, да еще и с мужем, чему родители были несказанно рады, а ему самому уже хотелось сбежать из этого дурдома. Андрей, конечно, по сестре соскучился, но из-за ее приезда его выселили на раскладушку на кухне, где, к тому же, непрестанно крутилась мама, желающая повкуснее накормить дорогих гостей. Ворох вещей на Светкиной кровати тоже пришлось разобрать, что для парня стало настоящей проблемой. Аня планировала на каникулах с головой погрузиться в водоворот семейных праздников. По всему выходило, что встретиться им выпадет только в новом году и уже на уроках. Это не радовало.

— Слушай, а приходи завтра ко мне, — Аню внезапно осенило. — Мама с утра все равно на работе будет.

— Боже, благослови учительский труд на каникулах! — возликовал Андрей.

Встав утром ни свет ни заря, что для него было нехарактерно, если не нужно на уроки, Андрей едва дождался, пока родители уйдут. Светка с мужем еще дрыхнут, и им всегда можно соврать, что ушел рубиться в приставку с Лешкой. Сестра поверит и даже не будет вдаваться в подробности. Парню казалось, что молодожены только и ждут, пока все свалят из дома, чтобы получить немного свободы. Он, во всяком случае, точно ждал бы.

Несмотря на желание как можно скорее рвануть к Ане, собирался парень тщательно. Мысль о том, что она, возможно, позвала его в гости не просто так, заставляла взять себя в руки и включить на полную самоконтроль, чтобы не облажаться. Он не до конца понимал, намек это или все-таки нет. Аня явно не такая девушка. Да ему и самому вопросы морали, как выяснилось еще два года назад, не чужды. И, вспоминая мамину воспитательную затрещину мокрым полотенцем (тогда он получил первый и пока что последний раз в своей жизни — и, собственно, за дело), Андрей признавал: торопиться некуда. Спешка хороша при ловле блох, а ухаживать за барышней нужно обстоятельно, говаривал Серега, — он был уже знаменитым ловеласом Архангельска, так что в вопросе разбирался. Ну и для того, чтобы ухаживать за Аней, у Андрея вся жизнь впереди. Для начала неплохо бы ей хоть цветы подарить. Правда, на цветы ему сегодня явно не хва-

тит, придется подкопить карманных денег.

До Аниного дома Андрей шел пешком через полгорода: прогулка бодрым шагом по крепкому морозцу весьма остужала пыл и ставила едущую от предательского волнения крышу на место. По пути парень все-таки зашел в магазин. Еще утром, пробираясь мимо комнаты молодоженов, он вдруг вспомнил, как Светка когда-то дразнилась и предлагала угостить Аню шоколадкой, и мстительно подумал — почему бы, собственно, и нет? Он все-таки добился взаимности от понравившейся девочки (наверное, мама была права, он действительно влюбился в Аню еще в первом классе, просто тогда это было очевидно для всех, кроме него самого).

В заднем кармане джинсов покоился презерватив, извлеченный из секретной Серегиной записки. «Стратегический запас» братец оставил ему перед собственным отъездом, прочитав при этом чуть ли не часовую лекцию о правильном использовании средств индивидуальной защиты. «Пусть лучше не пригодится, чем его не будет!» — увещевал Серега, требуя, чтобы мелкий брал с собой кондомы на каждое (каждое!) свидание, где он теоретически может остаться с девушкой наедине, даже если ничего такого заранее не планировал. «Потому что мозг у тебя отключится напрочь. Поверь мне», — убеждал брат. Вероятно, отголоски скандала, произошедшего в доме Андрея из-за Кристины, долетели и до Сереги. Иных объяснений этой трогательной заботе и невиданной щедрости Светленького-старшего Светлень-

кий-младший не находил.

— Привет! Ты не замерз? — улыбнулась Аня, увидев на своем пороге Андрея с мокрыми от растаявшего инея ресницами и еще румяными с мороза щеками. — Проходи!

— Я хотел купить цветы, но подумал, что это тебя скомпрометирует, — улыбнулся Андрей и протянул девушке шоколадку.

— Пожалуй, ты прав. Зато чаю попьем!

Пока Аня наливала чай, Андрей осматривался в ее жилище. Он уже был тут, но в прошлый раз совершенно не обратил внимания на обстановку. Небольшая однокомнатная квартира, на вкус парня, вполне уютная. Одна половина комнаты — с компьютерным столом, маленьким диваном, который сейчас был разложен и казался вполне удобным по сравнению с его раскладушкой на кухне, какими-то мягкими игрушками и стопкой книг на магнитофоне, примостившемся на тумбочке, — явно принадлежала Ане. Стена над столом была завешена плакатами любимых Аниных групп. Андрей усмехнулся и даже слегка позавидовал своей девушке: попробуй он прилепить у себя в комнате что-то подобное, мама бы его прибила. Прямо к той самой стенке с плакатами. Аккуратно, чтобы обои не повредить. И это при том, что в его комнату мама заходила довольно редко, а у Ани и комнаты-то не было! Но ее мама, видимо, смирилась с компанией парней со странными прическами, раскрашенными лицами и гитарами наперевес.

Осмотревшись, Андрей присел на диван и взял в руки одну из книжек. Ну конечно! «Мастер и Маргарита», привет от ЕГЭ по литературе — этот экзамен Аня тоже планировала сдавать.

— Пойдем, потом считаешь! — позвала девушка, умиляясь тому, как парень одной рукой держит книгу, а второй обнимает большого плюшевого зайца, которого ей подарили, кажется, на пятилетие. С тех пор ушастый по имени Чуня жил возле подушки и знал множество ее секретов. — Что там тебя так заинтересовало?

— Не поверишь. Булгаков!

— Да? И как тебе?

— Бегемот был прекрасен. Остальных не особо помню, если честно. Но я читал и даже сочинение написал. А ты что думаешь по этому поводу?

— Бегемот прекрасен. А Воланд так вообще душка. Да и в целом книжка интересная. Но у меня большая проблема: я не всегда согласна с официальными трактовками произведений, а на ЕГЭ нужны именно они.

— И с чем же ты не согласна?

— Ну, например, «Мастер и Маргарита» — это, конечно, великая история любви. Но при этом нежизнеспособная, — Аня суетилась на кухне, время от времени подходя к столу, чтобы отхлебнуть чаю из кружки или закинуть в рот кусок шоколадки, и продолжала болтать.

— Это как?

— Если бы не внешние факторы, Мастер бы до скончания веков сидел в психиатрической лечебнице. Он был целиком сосредоточен на своем творении, и, по сути, всю их историю движет Маргарита. Она доказывает ему, что его роман гениален, она ищет его и готова пойти хоть на сделку с дьяволом, лишь бы Мастер был рядом. Я знаю реальный пример, когда отношения тащит в одиночку девушка. И я бы не назвала ее счастливой. И булгаковская Маргарита, свались на нее необходимость жить впроголодь и пристраивать в издательства гениальный роман своего возлюбленного, тоже недолго была бы счастлива. Но на ЕГЭ мне лучше об этом не упоминать и придерживаться официальной версии: они так сильно любили друг друга, что умерли в один день. Конец.

— Да, об этом я как-то не задумывался...

— Что-то меня понесло, в общем, — улыбнулась Аня. — Еще чаю?

— Нет, спасибо. Есть идея получше! — Андрей поймал девушку и усадил к себе на колени. При этом Аня стукнулась локтем об стол и ойкнула.

— Так себе идея, если честно. Айда на диван, там места больше!

Проводив Андрея, Аня бдительно устранила все следы пребывания гостя в доме и сложила диван. До прихода мамы у нее было еще немного времени, чтобы собрать мысли в

кучу и перестать глупо улыбаться, вспоминая, кажется, свое лучшее свидание. Обниматься на диване действительно оказалось куда удобнее. В какой-то момент Чуня улетел на пол. «Нечего подглядывать!» — прокомментировал Андрей. Аня счастливо рассмеялась. Кажется, Чуня сегодня стал свидетелем еще одной большой тайны.

Рядом с Андреем Аня чувствовала себя чуть ли не хрустальной — так бережно он к ней относился. Словно она даже более хрупкая, чем вот та, еще бабушкина, балеринка на елке. Кстати, елку они наряжали вместе, весело обсуждая, куда какой шарик повесить. Одна бы девушка собралась выполнять возложенную на нее почетную обязанность ближе к вечеру и, вероятно, получила от мамы нагоняй за праздность и безделье. Действительно, какая может быть праздность, когда праздник на носу!

— А чего это у вас елка такая... минималистичная? — мимоходом поинтересовался Андрей.

— Мне лень, — честно призналась Аня. — Ее слишком часто приходится наряжать. Можно было просто не трогать с прошлого года, я считаю.

— Эх ты! Не понимаешь своего счастья. Меня в этом году вообще к елке не подпустили. Светка все завесила жуткими розовыми шариками и мишурой, аж больно смотреть!

— Бедненький. Любишь елки украшать? Ну так вон — ни в чем себе не отказывай! — хохотнула Аня.

И Андрей действительно ни в чем себе не отказывал, раз-

глядывая каждую игрушку и особенно восхищаясь теми, что достались от бабушки. «Раритет!», — заявил парень с уважением. У него дома таких ценностей не имелось. Семейные игрушки хранились в Архангельске, и новый год там Андрей еще ни разу не встречал. Парень с интересом слушал Анины истории и про ее семью, и про елочные украшения, и про Ирину Ивановну в роли бабы яги на детском утреннике (эта маленькая подробность о любимой классной заставила его хохотать до слез, и он искренне жалел, что нет фото)... А Аня, подавая Андрею очередной шарик из коробки, удивлялась своему энтузиазму. Она никогда особо не любила наряжать елку. Кто бы мог подумать, что это окажется так весело. К тому же, у девушки теперь имелось отличное оправдание, почему она опять не обедала. Увлечлась процессом, вот!

Аня бы и сама себе не призналась, что, пока они пили чай и создавали новогоднее настроение, ее с головой накрывала непонятная паника. Запоздало девушку догнала мысль, которую она не могла теперь не думать. Идея пригласить в гости парня пришла к Ане спонтанно, но размышлять о том, насколько это вообще уместно, она начала только сейчас. С одной стороны, это же ее Андрей! Он руку на отсечение даст, но ее не обидит! С другой... «Приходи ко мне, пока мамы нет дома», — звучало слишком двусмысленно. Точнее, наоборот: смысл этой фразы был очевиден. Но она вовсе не это имела в виду! И теперь отчаянно боялась: а вдруг Андрей решил, что она имела в виду именно это? И... что ей делать,

если он действительно так решил?

Андрей, кажется, читал ее мысли. Иного объяснения у Ани не было. Когда она в очередной раз начала нервничать из-за вороха сомнений и чуть не разбила трясущимися руками стеклянную снежинку, он просто прижал девушку к себе. И прошептал, поглаживая ее по спине:

— Чшшш... Моя девочка... Ну что такое, солнышко?

И как, блин, это вообще подействовало? Она всю жизнь считала, что эти глупые прозвища совсем не для нее. Зайчики, рыбки, котики... Она — Аня. И точка. Даже восклицательный знак, наверное. Но сейчас от этого воспоминания замирало сердце. Какая-то запредельная нежность, которую Аня даже не могла себе раньше представить. Она никогда не ощущала себя «чьей-то девочкой». Вот дать обидчику по лбу — это всегда пожалуйста. А такое с ней впервые. С Андреем ей было удивительно спокойно и как-то надежно. Ему хотелось доверять. Ей еще никогда и никому не хотелось доверять вот настолько!

- Все хорошо, Ань. Мы просто наряжаем елку.

- И все?

- Остальное - по взаимному согласию.

Братец вернулся домой слишком довольным, по мнению Светки. Но версия о том, что у Лешки есть новая игра, которую очень сложно достать, и Андрей победил, а приятель

теперь должен ему одно желание, сестру вполне устроила. «Мальчишки!» — буркнула девушка и скрылась во временно узурпированной комнате. Краем глаза Андрей заметил, что сестра с мужем сдвинули две находившиеся там кровати, чтобы получилось одно большое и удобное ложе. В принципе, Андрею было не жалко, но он бы тоже не отказался пожить в таком комфорте, однако вредная Светка, окончательно съехав из отчего дома, запретила брату приватизировать не то что свою кровать, а даже матрас — его собственный противно поскрипывал практически при каждом движении. Андрей отжал себе только вторую подушку, и то без спроса.

Больше всего парня печалило, что компьютер тоже остался в комнате, и сидеть за ним до трех часов ночи, как он обычно делал в каникулы, не было никакой возможности. Спать не хотелось, а заняться было совершенно нечем. Лежа на своей раскладушке, Андрей пытался читать книгу, которую взял у Ани. Какое-то современное фэнтези, которое девушка охарактеризовала ему как «сочетание увлекательного сюжета и неплохого юмора». Книга действительно была интересной, но сосредоточиться на тексте парень, наконец оставшийся наедине со своими мыслями, никак не мог. Его накрыли эмоции, которые Андрей весь день старался держать под контролем. Полдня он следил за тем, чтобы не потерять голову и не напугать Аню излишним напором (и, кажется, все-таки немного напугал), еще полдня — за тем, чтобы ничем не выдать, что он вот-вот лопнет от безгранично-

го счастья, которое его просто распирало изнутри и грозило отразиться на лице глупой довольной улыбкой. Но, помня прошлый печальный опыт, парень впервые в жизни решил не делиться с родителями и старшей сестрой тем, что творилось у него в душе. Все, о чем он мечтал на протяжении многих лет, наконец происходило с ним наяву. Любимая девушка отвечала ему взаимностью. А ему даже не с кем это обсудить!

Андрей отложил книжку, у которой сегодня не было ни малейшего шанса завоевать его внимание, и надел наушники. Ранее он все-таки пробился в комнату к компьютеру и загрузил в плеер папку, в которую Аня накидала ему своих любимых песен. Андрей был готов слушать тяжелые гитарные риффы и барабаны, раз уж они так нравятся его девушке, но с удивлением обнаружил достаточно много акустики и мягкой мелодичной лирики. С каждой песней парень открывал Аню с новой стороны: для нее тексты были явно важнее мелодии, но сразу становилось понятно, что все композиции в этой подборке о чем-то сокровенном. Постигая новый для него мир музыкальной поэзии, Андрей вспоминал обрывки сегодняшнего дня.

— Ты... боишься?

— Да.

— Меня?

— Нет.

— Ты мне веришь?

— Да.

Это тихое «да» с треском сломало его подростковую и оттого пока эгоцентричную картину мира. В жизни Андрея появился человек, чьи интересы важнее собственных. Девушка, которую нужно защищать, причем в данный момент — от себя же. Он ведь все-таки не железный... А от мысли, что Аня действительно ему *верит*, сносило крышу. Напрочь.

— Мое солнышко...

В третьем часу ночи парень наконец решил ложиться спать, хотя и понимал, что сегодня вряд ли вообще уснет. Он выключил плеер, снял наушники и попытался вытянуться в полный рост на короткой раскладушке, ощущая себя при этом дядей Степой, который, как известно, ноги клал на табурет: на кровати они не помещались. Кое-как устроившись, Андрей собрался засыпать под уютное тиканье часов в тишине, но вместо этого услышал совсем другой звук — равномерный скрип матраса. Разумеется, своего матраса — Светкин такую подлянку не устраивал. И больше того, Андрей догадывался, по какому случаю его матрас мог скрипеть именно так! Да черт бы побрал эти тонкие стенки и этих молодоженов!

Спать он улегся прямо в наушниках под Анину музыку, блаженно улыбаясь всю ночь. Утром высказал сестре — больше из вредности, чем от реального возмущения:

— Слушай, Светка. Я, конечно, очень рад за вас, но если вы заделаете мне племянника прямо на моей кровати, назо-

вете Андреем, имей в виду!

— Смотри сам мне племянников не наделай! — машинально огрызнулась пристыженная Светка и осеклась, вдруг заметив то, на что не обращала внимания раньше.

Ее младший братик вырос. Еще летом, на ее свадьбе, он был обычным подростком, которого, казалось, кроме игр, музыки и спорта вообще ничего не интересует. Сейчас на нее смотрел серьезный взрослый парень, практически мужчина. Довольно привлекательный, если говорить объективно. Еще совсем молодой, но уже уверенный в себе и какой-то... надежный? Андрей становился удивительно похожим на отца, каким она помнила его в своем глубоком детстве, и это шокировало. Да, определенно, надо будет поговорить с мамой, подумала Света. Кажется, в девятом классе братец выкинул какой-то фортель прямо перед экзаменами и едва не завалял учебу, а сейчас так и правда может «осчастливить» на всю жизнь какую-нибудь бедную дурочку и себя заодно! Тут осталось-то всего полгода, вот поступит в универ, тогда и будет любовь крутить. А пока нечего. Пусть мама проконтролирует.

7.

Вытащить Аню на каток на каникулах так и не получилось. Андрей всего на пять минут вышел из-за праздничного стола после боя курантов, чтобы позвонить девушке и поздравить ее с наступившим новым годом, и из этого его мама и сестра раздули огромную проблему. До самого отъезда Светки и ее мужа женская половина семейства одолевала парня вопросами насчет его личной жизни. Нравится ли ему кто, есть ли у него поклонницы, почему-то вспоминали Аньку Новикову, которая училась с ним в одном классе, но после девятого ушла в колледж. Она-то тут вообще при чем? Оценив напор, Андрей понял, что звать свою девушку на семейный выезд на коньках будет слишком рискованно: как минимум, достанут вопросами, а то и закатят скандал, как в прошлый раз, и бесполезно будет объяснять, что именно благодаря Ане он наконец исправил свои оценки и старательно готовился к экзаменам. А выйти из дома не под бдительным Светкиным оком пока не представлялось возможным. От скуки пришлось методично решать алгебру с физикой, все так же ютятся на раскладушке. Подозрительных скрипов за стенкой он больше не слышал, но и наушники по ночам на всякий случай старался не снимать.

Андрей еще никогда в жизни не мечтал, чтобы каникулы закончились побыстрее. Наконец, настал тот великий день,

когда Светка с мужем отбыла в свой Архангельск (пока родители отвозили их в аэропорт, Андрей решительно помещал матрасы, отжав наконец себе тот, бесшумный), мать с отцом вышли на работу, а сам парень рванул в школу, надеясь перехватить Аню до уроков. Увидеть ее было жизненно необходимо. Хотя бы просто увидеть. Он даже не знал, что можно настолько сильно скучать по человеку.

Аня радостно улыбнулась, заметив парня, и махнула ему рукой. Хотелось броситься ему на шею, но не при всех же! Две недели каникул она общалась с родней, готовилась к олимпиаде, пару раз ходила в гости к Рите и буквально каждую секунду ощущала, как ей не хватает Андрея. Он время от времени звонил и однажды, когда она шла от подруги, попался навстречу, тут же сменив маршрут, чтобы проводить ее до дома. В руках он при этом нес пакет с продуктами, и оставалось только надеяться, что семья без него не помрет с голоду. Как он объяснял родителям отсутствие в течение чуть ли не двух часов, когда вышел в ближайший магазин за хлебом и сметаной, Аня так и не узнала.

Андрей каким-то шестым чувством понимал, что кинуться на девушку с объятиями и изображать прямо под кабинетом Ирочки бледную копию Гринча и Кристины будет плохой идеей. Именно этого хотелось больше всего, но пришлось сдержаться и обойтись многозначительным шепотом: — После уроков идем ко мне!

После такого приглашения усидеть на занятиях было ре-

шительно невозможно. Под монотонные объяснения учителей Аня то мечтательно любовалась, как за окном пролетают снежинки, то краем глаза следила за Андреем. Его, сидящего на соседнем ряду, было отлично видно, если повернуться вполоборота, будто смотришь на учительский стол. Из приятных грез ее время от времени выдергивала Рита, толкая локтем в бок и пальцем показывая в своей тетради, что нужно было записать.

Андрей и вовсе не сводил глаз со своей девушки. В сентябре он был опечален тем, что Аня пересела с места прямо перед ним к Рите, когда Ирина Ивановна наконец-то сочла своих подопечных достаточно взрослыми, чтобы разрешить им самостоятельно выбирать парту. Теперь парень был несказанно рад тому, что их с Аней разделяет хотя бы проход между рядами. Удерживать над собой контроль на протяжении целых шести уроков и не касаться ее, когда вот она, рядом, аж видно застежку лифчика под блузкой, сейчас было бы пыткой. Он и так не мог отвести взгляд от девушки, а когда она ненароком поворачивалась и улыбалась ему, вообще переставал воспринимать окружающую действительность.

После уроков Аня и Андрей едва ли не сбежали из школы под ехидное Риткино: «Летите уже, голубки!». Сама Рита тоже спешила на свидание — под новый год они с Сереженькой все-таки помирились и теперь наверстывали упущенное время. Получив свою долю приятных эмоций, она была рада и за подругу, которая выглядела влюбленной и вполне счаст-

ливой. И хотя Рита с каждым днем все больше сомневалась в удачном исходе их с Сережей отношений, она почему-то была уверена: на свадьбе Ани и Светленького ей когда-нибудь доведется погулять.

Для Славки Кузнецова 2007 год явно не задался. Загадав в новогоднюю ночь вполне конкретное желание, уже в первый день учебы он понял, что оно не сбудется. Не принесет ему дед мороз под елочку пространное любовное письмо от Ани Васильевой, взаимности которой он мечтал добиться класса, кажется, с шестого. Да, точно, с шестого: в самом конце пятого класса Аня решительно заявила, что в жизни больше не будет сидеть с Максом Гринчуком за одной партой, хотя до недавних пор она была единственным человеком, у которого хватало на него терпения. Классный руководитель их тогда еще 5 «Е», Анна Николаевна, вняла мольбам девочки и в шестом пересадила ее к Славе. Ребята быстро нашли общий язык, а уж первая совместная контрольная по истории их окончательно сблизила.

С историей у Ани особой дружбы не было. Она категорически не запоминала даты, в которые происходили какие-нибудь важные события, хотя в целом могла рассказать любую тему довольно четко и понятно. Но вот цифры почему-то в голове никак не фиксировались! От этого Аня всегда нервничала на уроке истории, правда, внешне вида не подавала.

Вячеслав историю не запоминал вообще. Он неплохо разбирался в точных науках, обожал компьютеры и всякую современную технику, а берестяные грамоты и прочие древности его интересовали мало. В итоге на контрольной, где все вопросы были в основном на соотнесение дат и событий, они с Аней помнили примерно три даты на двоих. Остальное пришлось угадывать совместными усилиями. Интуиция подвела, и они получили по тройке. И если для Славки тройка была делом привычным, особенно по истории, то Аня восприняла свою отметку весьма тяжело. Не расплакалась, но была близка к этому. И то, что она все-таки сдержала эмоции и даже попыталась весело поблагодарить своего соседа за помощь: «Без тебя бы, наверное, вообще двойка была!» — окончательно тронуло сердце мальчика. Их идиллия длилась довольно долго, но в седьмом классе невысокую Аню пересадили за вторую парту к Оле Григорьевой, а он, Славка, так и остался за своей четвертой, теперь уже в компании доставучего Гринча. Сейчас, конечно, все эти подробности и самому Вячеславу казались какими-то детскими и незначительными, но именно тогда, слушая постоянное ворчание Макса, он впервые подрался, не вытерпев его какой-то слишком обидной шутки про Аню. Аня причины драки не знала, но на перемене показала Славке большой палец и заявила, что всегда хотела отлупасить Гринча, да ростом не вышла. Так Вячеслав Кузнецов назначил себя верным рыцарем Анны Васильевой и уже который год гордо нес это звание, еще

несколько раз подравшись с Гринчем из-за его тупых шуток, но уже хотя бы не на уроках.

Сейчас, наблюдая, как Светленький не сводит томного взгляда с девушки, Слава испытывал нестерпимое желание врезать пару раз и ему, хотя формально было не за что. Но тут Аня (его Аня!) с лукавой улыбкой повернулась к Андрею, стрельнула глазами и тут же отвернулась к Рите. Рыцарь Кузнецов понял, что еще чуть-чуть, и его прекрасную даму уведет бессовестный конкурент. Оставалось только надеяться, что он успеет этому помешать.

Вообще-то, у Славика был план. Он, не будь дураком, одержал победу на городской олимпиаде по математике, а это означало, что на региональный этап они с Аней поедут вместе. А учитывая, что само мероприятие назначено на 14 февраля, у него определенно будет шанс романтично выразить свои чувства. Только вот он еще не придумал, как. Над этим вопросом стоило поразмышлять. Ну и пока следить, чтобы никакой Светленький на его будущую девушку глаз не клал. А вот с последним как раз были проблемы. Глядя на то, как Аня после уроков уходит с Андреем, даже не потрудившись накинуть куртку, Слава начал подозревать, что его план нуждается в серьезной доработке.

Из-за стремительно приближающейся олимпиады времени у Ани не хватало вообще ни на что. Даже поспать иной раз

было некогда, не то что погулять или поваляться на диване с интересной книжкой. Андрей всерьез переживал за свою девушку, под глазами которой уже залегли тени, а цветом лица она все больше напоминала серое январское небо. Нет, даже такой она ему безумно нравилась, но очень хотелось затащить ее в гости и просто дать ей выспаться вдоволь. А увидев, как Аня на занятии в центре подготовки к ЕГЭ списывает у Риты биологию, историю и английский разом, пока та катает у подружки физику и химию, и вовсе забил тревогу:

— Хочешь сказать, что ты всю жизнь всех обманывала и половину предметов за тебя делает Рита?

Парень улыбался, и вопрос звучал довольно ласково. Аня уже привыкла к его такому юмору, который мог бы показаться даже слегка обидным, если бы не интонация.

— Я вообще не успеваю уже делать домашку по предметам, которые не буду сдавать. Вот на кой мне сейчас биология? А экология? Скажи? А Ритке зачем физика? Она ее всю жизнь у меня катает!

— Так это разделение труда, как на заводах Форда?

— Ага. Но мы это без его помощи придумали. Просто Ритка лучше в одних предметах, я в других. Я шила за нее на трудах, она рисовала за меня на ИЗО. Я решаю два варианта на контрольных по химии и физике, она быстро конспектирует текст, когда мы пишем изложение. И все довольны!

— Ну-ну, не бузи. Мы все переживем и будем через год со смехом вспоминать, как считали это самой большой своей

проблемой, — Андрей притянул к себе девушку, и несмотря на то, что через пуховик объятия едва ощущались, ей стало спокойнее от этого жеста.

— Наверное, ты прав. Через год, если повезет, мы будем сдавать сессию и бояться вылететь из института! Какое там ЕГЭ, — рассмеялась Аня.

— Точно! — улыбнулся Андрей. — Все познается в сравнении, как говорит Серега. Правда, он про бабушку и общагу, но идея похожа.

— А что там с бабушкой? — заинтересовалась Аня.

— Да Серега сначала рвался жить в общежитии, лишь бы не со Светкой в одной комнате. Говорил, хочет полностью ощутить вольный дух студенчества. Но как только сестра начала готовиться к свадьбе, он быстренько передумал и теперь отъедается на бабушкиных борщах.

— Вот это и называется «двойные стандарты», — со смехом подвела итог девушка. — А Серега — это кто?

— Брат мой двоюродный. Он сейчас на втором курсе. А раньше в нашей школе учился, Ирочку часто вспоминает. Она его, поди, тоже, вот и отыгрывается на мне периодически.

— Слушай, здорово, что вы так дружите и сестрой, и с братом!

Анина семья, сколько Аня себя помнила, всегда состояла только из нее и мамы. Отец ушел от них, когда дочь была еще совсем маленькой, она его толком и не знала. Их жизнью

он не интересовался, поэтому и Аня не считала нужным испытывать к нему какие-либо сантименты. У мамы было достаточно родственников, чтобы не чувствовать себя одиноко, и со своими двоюродными братьями и сестрами Аня, конечно, общалась при встрече, но у них были довольно разные интересы, чтобы не поддерживать это общение за пределами семейных посиделок. Хотя братья неизменно снабжали ее дисками и флешками с новинками, и, можно сказать, они и сформировали ее своеобразный музыкальный вкус. Но вот для постоянного взаимодействия у девочки всегда была только Рита. Ну, еще несколько подружек по играм во дворе, но эта компания давно уже распалась в силу возраста. Теперь вот для душевного общения у Ани появился еще и Андрей. И этого ей казалось вполне достаточно.

Какой бы катастрофической ни была ситуация со свободным временем, полтора часа между уроками и Аниным дополнительным по понедельникам и четвергам были только их. Зайдя в очередной раз в гости, девушка заметила на столе у парня продолжение книги, которую она давала ему перед каникулами.

— Ого! У тебя еще есть время просто почитать? Завидую по-черному.

— Ты же говорила, что уже читала это.

— Так и есть. Но сейчас бы с удовольствием прочла что угодно, только не из обязательного списка!

Рекомендованная Аней книга Андрея увлекла. Первый

том он осилил еще в каникулы и давно вернул. К сожалению, продолжения этой истории у девушки не было. Однако совершенно случайно выяснилось, что вся серия есть у Сереги. «Да зайди к моим родителям и возьми, господи! Что как неродной?» — заявил братец, едва услышав название. Раньше он жил через подъезд, этажом выше Гринча, и всю серию прочел в десятом классе, как раз когда восьмиклассника Андрея ничего кроме хоккея и компьютерных игр не интересовало. Серега же тогда был эстетствующим интеллектуалом и любил уткнуться в какую-нибудь книжку, лишь бы не в ту, что задали по литературе. Может, брат и рассказывал что-то про эти приключения мужика, которого то и дело заносило в разные эпохи, но кто ж там упомнит. В общем, теперь Андрей читал. Так, глядишь, и знание истории подтянуть можно!

— И что ты сейчас шуруешь на досуге?

— «Отцов и детей», чтоб их...

— И?

— Нет отцов — нет проблем, вот что я скажу, — хмыкнула Аня. Андрей опешил.

— А там разве проблема в отце? — осторожно уточнил он на всякий случай. Не то чтобы он в свое время уделил этому произведению должное внимание.

— Да нет, конечно. Я шучу.

— Я уж думал, что-то путаю. Меня изрядно Базаров раздражал. Все ему не то, все не так. Сам из себя особо ничего

не представляет, живет за счет родителей и их же и презирует.

— Тут согласна, мерзкий тип. Но вообще проблема противостояния отцов и детей весьма традиционна для литературы. Это в принципе для человека нормально — ставить под сомнение устои, которыми живут родители.

— Эmmm... Зачем?

— Чтобы в итоге жить лучше, чем они, — Аня пожалала плечами. — Так и движется история. Заявить протест — это вообще основная роль молодежи во все времена.

— Все равно не понимаю, зачем идти наперекор. Родители-то всяко побольше тебя знают.

— А тебе никогда не хотелось отстоять свое мнение?

— Скорее, у меня не было такой необходимости.

— Ну, тебе повезло, наверное.

— А ты у меня прям бунтарка? — Андрей улыбался. Ему дико нравилось вот так сидеть и слушать, о чем Аня думает на самом деле. Что она совсем не такая, какой представляется в школе, он уже давно понял. И каждый день с интересом открывал для себя ее настоящую.

— А ты мою маму видел? Их с Ирочкой в одной кузнице ковали.

— По тебе не скажешь.

— Просто я бунтую по-умному. Не делаю того, что в конечном счете выйдет боком мне самой. Вот уйти на танцы, а вместо этого просидеть весь вечер у Ритки — это та форма

протеста, которая мне никак не повредит. Меня в итоге вы-
перли из ансамбля за прогулы, но я этого и добивалась, —
объясняла Аня. — И спасибо Риткиной маме, что ни разу
меня не выгнала и не сдала. А что толку, если я пошлю на
уроке вредную историчку, как Гринч? Она нажалуется моей
матери — и все, прощайте, друзья, приятно было познако-
миться.

— Резонно. Погоди, ты ходила на танцы?

— Да. Плясала в самом дальнем ряду в костюме дерева,
чтобы не портить картинку. Но мама почему-то была увере-
на, что танцы девочке очень нужны для общего развития.

— А ты с этим не согласна?

— Они, может, и нужны, если в удовольствие. А мне все-
гда было интереснее книжку почитать.

— То есть, танцевать ты не любишь?

— Не умею!

— Иди сюда, будем учиться!

8.

Февраль приближался стремительно. С одной стороны, Аня даже была рада тому, что скоро у нее хотя бы уменьшится нагрузка — ведь останется только подготовка к экзаменам. С другой — все-таки не хотелось ударить в грязь лицом и подвести Анну Николаевну, любимого педагога, потратившего уйму времени и сил на обучение девочки. Они встречались на дополнительных занятиях уже каждый день, а объемы заданий только росли. И вот наконец настал тот самый момент, когда группу олимпиадников Первомайского повезли на региональный этап.

Пока автобус не тронулся, Аня сидела у окна в наушниках, надеясь, что будет ехать одна. Разговаривать ни с кем не хотелось. Они выезжали в десять утра, и Андрей, разумеется, был в это время в школе. Аня строго-настрого запретила ему прогуливать уроки, чтобы ее проводить, и они, конечно же, попрощались накануне, но сегодня казалось, что магия вчерашнего «поцелуя на удачу» уже выветрилась и можно было бы повторить. В общем, Аня хандрила. Ровно до тех пор, пока не заметила за окном Славика Кузнецова. С ужасом понимая, что свободных мест в автобусе уже не так много и он наверняка приземлится рядом с ней, она заозиралась и, заметив в проходе девушку в ярко-желтом пуховике, помахала ей и показала на кресло возле себя — мол, тут не за-

нято. Вроде бы, пронесло!

Девушку звали Леной, и она должна была участвовать в олимпиаде по литературе. А еще она оказалась не очень навязчивой собеседницей, и большую часть пути, обсудив основные вопросы, Аня и Лена дремали каждая под свою музыку. Удивительное совпадение интересов, благодаря которому они решили и заселиться в один номер по прибытии. Славик всю дорогу бросал мрачные взгляды на край желтого пуховика, который торчал в проходе и стал для него символом очередного поражения.

На вечерней экскурсии по городу Аня и Лена тоже держались вместе. Славик пытался проявить себя джентльменом и то и дело пробовал ухаживать за своей дамой сердца, в связи с чем Ане пришлось с преувеличенным энтузиазмом расспрашивать свою новую знакомую буквально обо всем, чтобы имитировать увлекательную беседу, из-за которой она не замечает одноклассника.

— Так, а что это за милый юноша весь вечер крутится возле нас? — Лена, кажется, начала что-то подозревать. — По твою душу?

— По мою, — не стала отпираться Аня и грустно вздохнула.

— И что с ним не так? Он явно на тебя глаз положил. А еще завтра день всех влюбленных! Каков романтик!

— Вот именно. Он давно уже в числе этих самых «всех».

— И?

— И вот не с ним бы я завтрашний праздник хотела отметить.

— Парень есть?

— Да.

— Та же петрушка. Кто олимпиады на 14 февраля назначает? Никакой личной жизни! Я бы тоже с удовольствием со своим Петькой завтра день провела, а не с Горьким и Некрасовым. Но увы... — тараторила Лена. — А твоего парня как зовут?

— Андрей.

— Давно вместе?

— Не очень.

— Любишь его?

Аня задумалась. Она никогда не пыталась определить свои чувства какими-то терминами. Но... Практически каждую минуту, когда Андрея не было рядом, ей не хватало его присутствия. Она ему доверяла больше, чем себе. Они, казалось, идеально дополняли друг друга. Его объятья были для нее самым уютным местом на земле. Любила ли она его? А он ее? Аня раньше считала, что любовь — это когда люди прожили вдвоем лет десять, притерлись характерами, знали друг друга от и до и все равно хотели оставаться вместе. А Андрей... Он просто был ей нужен. Как никто другой.

— Наверное, да.

Засыпая этим вечером, Аня жалела о том, что еще два года назад втихаря спланировала свой мобильник двоюродному

брату, обменяв это чудо техники на несколько коллекционных дисков любимой группы. Игорек учился в колледже и за «хвосты» периодически оставался без своего новомодного телефона с хорошей камерой и памятью, и ему позарез был нужен хотя бы такой «кирпич», как у Аньки, в качестве запасного средства связи. Девчонки, знаете ли, не будут ждать, пока Игорь уломает родителей вернуть ему мобильник! А вот Аня раньше отлично жила и без сотового: хоть какая-то свобода от маминого постоянного контроля, а с Ритой и даже с Андреем всегда можно поговорить и по домашнему. Но вот прямо сейчас Лена на сон грядущий ворковала со своим Петей, а ей самой оставалось довольствоваться лишь воспоминаниями. Хотя с фантазией у нее проблем никогда не было, и представить голос Андрея оказалось довольно просто. В ее голове словно наяву прозвучало: «Спокойной ночи, моя девочка!». Это показалось таким реальным, как будто Андрей был рядом и шептал на ухо. Видимо, это ей уже приснилось, как и поцелуй, который последовал дальше.

Что Славик не намерен сдаваться, Аня поняла на следующее утро. Он продолжил штурмовать неприступную крепость с упорством, достойным лучшего применения. Лена, увидев в глазах своей соседки неподдельное страдание, решила принять удар на себя.

— Вячеслав, а вас не затруднит принести нам приборы?

— подчеркнуто интеллигентно поинтересовалась девушка, когда парень уже практически приземлился на скамейку рядом с Аней. Завтракали участники олимпиады в столовой школы, где им предстояло мериться знаниями.

— Спасать тебя? — шепнула Лена, пока Славик отошел за ложками, и Аня кивнула.

Лена была человеком, которого не надо просить о помощи дважды. Натянув на лицо самую вежливую улыбку, девушка уселась рядом с Аней, отодвинув поднос Славика чуть в сторону, и весь завтрак беседовала с Кузнецовым о математике. Точнее, о том, как тяжело ей быть гуманитарием в современном мире, который целиком и полностью принадлежит тем, кому точные науки даются с легкостью. Славик при этом чувствовал себя максимально странно. С одной стороны, ему льстило такое внимание незнакомой девушки, с другой — Аня слушала эти дифирамбы приятельницы и практически не реагировала на них, лишь иногда включаясь в беседу и отпуская нейтральные шутки.

Сама олимпиада прошла в штатном режиме. Ане были даже не особо интересны результаты, ей просто хотелось домой. К Андрею. Но предстояло весь вечер ездить по экскурсиям в качестве развлекательной программы, а потом ждать, когда объявят итоги. Домой они попадут только послезавтра, так что увидеться с парнем ей не светит еще три дня. Это казалось пыткой, особенно на фоне поползновений Славика в ее сторону. Оставалось только вцепиться в новую подругу и

не отходить от нее ни на шаг. Так, птицей-тройкой, как охарактеризовала их странную компанию Лена, они посетили обед, музей и ужин, после чего наконец разошлись по своим комнатам в гостинице — отдыхать после тяжелого дня. Но буквально через полчаса в дверь номера девочек постучали.

— Быстро в кровать! — шепнула Лена.

Аня рухнула в постель прямо в джинсах и для верности нацепила наушники. Закрыла глаза и постаралась принять самый блаженный вид. Лена открыла дверь. На пороге, конечно же, стоял Славик. С розой.

— Это мне? — невинно уточнила Лена. Парень насупился.

— Аню позови, пожалуйста!

— Аня спит.

— В смысле — спит? Семь вечера.

— Из-за олимпиады перенервничала, видимо, голова разболелась. Ты не заметил, какая она уставшая была весь день? Ну вот я ей таблетку дала, она легла отдохнуть немного и уснула. Если у тебя ничего срочного, будить не стану, и не проси.

— Да я так, погулять хотел позвать.

— А, так цветы не мне? — притворно расстроилась Лена, отходя от дверного проема, чтобы Славик мог своими глазами увидеть, как Аня «спит». — Давай выйдем, чтоб не разбудить. Она, конечно, в наушниках, но мало ли.

Девушка и незванный гость вышли в коридор.

— Скажи, пожалуйста. Она тебе нравится? — поинтересовалась Лена, закрыв дверь.

— Ну... — неопределенно протянул Славик и замолк.

— Это «да»? Тогда у меня для тебя плохие новости. У нее на цветы аллергия. Ты же не хочешь ее убить ненароком?

— Так я ж не знал.

— Теперь знаешь. А шоколад она, кстати, не любит, если он у тебя тоже в списке идей был. Сначала узнай получше девушку, а потом уже пытайся ухаживать. Ты вообще в курсе, чем она живет, чем интересуется?

— Русским она интересуется, — буркнул Славик. И, кажется, Андреем Светленьким, добавил он про себя.

— Как банально! Иди подумай о своем поведении, а?

Лене эта история все больше напоминала комедию Шекспира. Не так она планировала отмечать 14 февраля, конечно.

— Он всегда такой упертый? — вернувшись в номер, поинтересовалась она у соседки, которая уже успела «проснуться».

— В общем, да, — пожала плечами Аня.

— Он не знает, что у тебя парень есть?

— Мы все в одном классе учимся. Знает, наверное.

— Какой у вас интересный класс, однако! Сплошные страсти. Учиться-то успеваете? А Андрей твой что по этому поводу думает?

— Да ничего. Славик вообще первый раз такую активность развил. Обычно смотрит тоскливо и молчит. Лет пять

уже. Я даже не ожидала от него.

— А ты у нас роковая дама, оказывается! Пять лет парень страдает, а ты с другим встречаешься. Может, у тебя еще поклонники есть? — засмеялась Лена.

— Не, хватит с меня. И так ничего не успеваю.

— Тут согласна. А с Андреем у вас какие планы?

— Экзамены сдать.

— Это понятно. А на жизнь? На будущее? Вот мы с Петькой будем поступать в Пермь. Только я в пед хочу, а он в политех. Но хотя бы в одном городе. Придумаем что-нибудь.

— Ты в педагогический поступать будешь? На филологию? Я тоже туда планирую.

— Договорились, держимся вместе! Не просто так нас свела судьба в том автобусе!

Аня ехала домой, рассматривая чахлые елочки в ранних зимних сумерках и размышляя о будущем. Сама перспектива того, что жизнь после школы вообще наступит, сейчас казалась такой призрачной и нереальной, что даже не верилось. Будущее туманно и не поддается прогнозированию. И тем не менее, какая-то картинка начала вырисовываться. Аня будет поступать в пермский пед вместе с Леной, которая сейчас ехала рядом, и с Ритой — она собиралась в этот же вуз на лингвистику. Подруга говорила, что в гробу видала работу в школе, но, если хорошо знать английский, можно переехать

в Великобританию, а там и принц Гарри — симпатичный и холостой (Уильям, на ее вкус, был скучноват). Компания подбиралась почти идеальная. Открытым оставался только один вопрос, самый важный: куда планирует поступать Андрей? Им как-то некогда было это обсудить. И Аня боялась спрашивать, ведь ответ ей может и не понравиться. Для себя она не видела других вариантов: мама ее с удовольствием вообще не выпускала бы из дома, а идти с золотой медалью и призовым местом региональной олимпиады в тот же колледж Первомайского, куда все троечники сбежали после девятого, было бы совсем уж смешно. На Пермь, до которой можно добраться всего за несколько часов, мама была согласна, хотя и пришлось ей пару раз напомнить, что Ане, вообще-то, уже скоро семнадцать. Москва и Питер даже не обсуждались — далеко, дорого, да и не настолько она умная, чтобы пробиться в ведущие вузы на бюджет, это девушка отлично понимала. Таких, как она, в столицах пруд пруди, си-ница в руках всяко лучше.

Призовое место, а именно, второе, Аню вполне устраивало. За него при поступлении начислят дополнительные баллы, но олимпиадная гонка наконец завершилась. Пусть к всероссийскому этапу готовится умненький мальчик Паша из Перми, а у нее другие планы. Может, хоть высыпаться начнет! Лена, кстати, тоже заняла второе место, чему была несказанно рада. Славик — третье. Он подошел поздравить девчонок, подозрительно покосившись на их букеты, кото-

рые вручали каждому призеру вместе с грамотой, и получил свою порцию ответных любезностей, но, к счастью, больше не пытался привлечь Анино внимание. Что уж ему там наговорила Лена, девушка не знала, но была ей благодарна от всей души.

Едва зайдя домой, Аня позвонила Андрею — услышать его голос казалось самым важным. Пока парень добирался до нее, она успела перекусить, переодеться и написать маме записку, что она уже приехала и убегает на подготовку к ЕГЭ по математике. До занятия оставалось еще больше часа, но это время можно провести и более приятным способом!

— Ну как успехи? — первым делом поинтересовался Андрей при встрече. Он уже три дня практически лез на стену от неизвестности. Ну почему у Ани нет мобильного?

— Второе место!

— Да ты моя умничка! — парень подхватил ее за талию, приподнял и покружился вместе с ней. Кажется, он был рад больше нее самой.

Аня счастливо рассмеялась. Как же ей его не хватало!

— Я скучал по тебе...

— Правда?

— Конечно. Но моя подушка теперь пахнет твоими духами, это немного скрашивало разлуку, — Андрей потерся носом об Анину щеку, улавливая тот самый горьковатый цитрусовый аромат, к которому сейчас примешивалась нотка морозного воздуха. — Ты завтра чем занята?

— Да как обычно. Общество и история. И Риткин день рождения. А что?

— Упс... У меня были грандиозные планы на 14 февраля. Хотел предложить официально перенести его на завтра. Но раз уж день рождения...

— Да Ритка и без меня справится. В школе поздравлю. На кой я ей, когда есть Сереженька? — рассмеялась Аня. — Так и что там у нас за планы?

— А вот увидишь.

— Так нечестно! Мне лыжи брать или вечернее платье надевать?

— Форма одежды — повседневная. Ты в любом наряде красивая. Но на вечернее платье я бы посмотрел.

— На выпускном посмотришь, — зарделась Аня от комплимента, который Андрей, казалось, даже не заметил. Она — красивая. И умничка. И от этих слов самооценка взлетала до небес.

9.

У Андрея было целых четыре дня на то, чтобы обдумать их с Аней отношения и прийти к неутешительному выводу. Ему надоело прятаться. Надоело делать вид при родителях, будто он не целовался полчаса с любимой девушкой у ее подъезда, а просто после занятия пошел пешком с друзьями. Надоело удерживать сосредоточенное выражение лица, когда хочется улыбаться и щурить глазки, словно довольный кот на солнышке. Надоело, наконец, слушать мамину шарманку: «Слава богу, забыл свою Анечку!». Так и подмывало похвастаться. В общем, дело было даже не в этом — просто хотелось иметь право на личную жизнь, которая в кои-то веки складывалась наилучшим образом. Хотелось однажды пригласить Аню в гости, сказать: «Мам, пап, это моя девушка!», — и чтобы родители за него порадовались. Сейчас все казалось Андрею каким-то неправильным, словно он стесняется заявить о своих чувствах в открытую, что, конечно, было совершенно не так. Но, в отличие от Кристины в свое время, Аня и не требовала никаких решительных жестов. Она и сама не раз говорила, что, узнай мама об Андрее, ее свободе передвижения придет конец как минимум до совершеннолетия.

Так и не найдя возможности «легализовать» их отношения, Андрей решил хотя бы пригласить наконец Аню на нор-

мальное свидание. Кино, кафе, прогулка — вообще, конечно, с этого надо было начинать, усмехнулся про себя парень, но лучше поздно, чем никогда. У него были серьезные подозрения, что, позови он Аню в кино ни с того ни с сего где-нибудь в прошлом году, их история закончилась бы, так и не начавшись. Сейчас, сидя в полупустом зале в обнимку и с одним ведерком попкорна на двоих, наблюдая за сюжетом какой-то очень кстати вышедшей романтической комедии, Андрей был практически доволен: он наконец ухаживал за Аней в соответствии со своими представлениями о прекрасном. И Аня эти ухаживания принимала, оговорив лишь одно условие — в школе они так делать не будут. Там слишком много желающих сообщить ее маме о поведении дочери.

Герои фильма, которые все никак не могли определиться, любят они друг друга или нет, наконец сыграли свадьбу, и Андрей позвал Аню в кафе. По официальной версии, девушка была на дне рождения у Риты и домой рано возвращаться не планировала. Спасибо подруге и ее Сереженьке за свободный вечер! Никуда не спешить и просто разговаривать было непривычно, но весьма приятно. Есть пиццу, запивая колой из одного стакана — их, конечно, было два, но пить из одного по очереди почему-то оказалось вкуснее. Держаться за руки. Смеяться с примитивности текстов песен, играющих в кафе, — какое счастье, что попсу Андрей не любил так же, как и она сама. Вспоминать какие-то забавные моменты из детства. Парень рассказывал, как лазил с Гринчем по сугро-

бам в школьном дворе и потерял под снегом валенок. Они раскопали сугроб практически до основания, но обувь так и не нашлась. Пришлось Андрею прыгать домой на одной ноге и признаваться в собственной дурости. А с утра — позор! — идти в школу в старых Светкиных сапожках с дурацкими зайчиками. Аня хохотала, представляя эту картинку. То, что парень в детстве дружил с Максом, ее не особо удивило, хотя этого факта его биографии она не знала. Но Гринч в те времена еще не был Гринчем, и она сама с ним неплохо ладила: во втором классе треснула его пеналом за излишнюю доставучесть, и с тех пор между ними воцарился мир на долгие годы.

— Подумать только, какая у тебя была бурная молодость! Но у меня все равно круче. Я однажды в луже искупалась так, что даже шапка намокла!

И Аня поведала историю о том, как ее кто-то толкнул в воду и как она, мокрая, словно мышь, потом заявила к маме на урок. Маме пришлось отпустить с занятия какую-то ученицу, которая предложила принести вещи младшей сестры, чтобы девочка не ехала через полгорода в насквозь сыром пуховике. Андрей почему-то бледнел с каждым словом.

— И ты не знаешь, кто тебя толкнул? — осторожно уточнил он.

Аня пожала плечами.

— Гринч, наверное. Кому еще такое в голову придет? Ритка тогда, кажется, видела, как он убегает.

— Не совсем.

Свою версию произошедшего Андрей рассказывал с таким обреченным лицом, будто признавался не в глупой мальчишеской выходке, а как минимум в избиении младенцев. Аня его никогда таким не видела. Ей стало смешно. Нет, конечно, сидеть в одних мокрых колготках у батареи в маминном классе было довольно унижительно, и ей потом настрого запретили гулять с Ритой после уроков, но все же в целом она это событие трагедией не считала. Было и было. Она бы и не вспомнила об этом, если бы разговор не зашел о детских приключениях.

— Ты сейчас серьезно из-за этого так переживаешь? — Аня все еще не могла понять реакцию Андрея.

— Ну да. Я же тогда совсем не подумал, что вода холодная, а потом боялся, что ты заболеешь. Успокаивал себя тем, что ты, наверное, сразу побежала домой и не успела замерзнуть. Если бы я знал, что ты так далеко от школы живешь, послал бы Гринча с его идеями!

— погоди. Тебе сколько лет было?

— Девять, вроде бы.

— Ну и когда девятилетние мальчишки вообще думали? — улыбнулась Аня. — Ты мне вот что скажи. У нас, оказывается, столько общих воспоминаний. Может, мою неваляшку тоже ты раскурочил? А я-то на брата злилась!

— Нет, неваляшку не трогал. Нашу тоже Серега расковырял, чтобы посмотреть, что там звенит.

Андрею до сих пор не верилось, что главная тайна его жизни раскрылась. Он столько лет стыдился своего проступка, боялся хоть кому-то о нем рассказать, пытался убедить себя в том, что ничего страшного не произошло: Аня не заболела, не кинулась на него с кулаками и даже, вроде бы, не собиралась гордо уйти из кафе прямо сейчас. Она его... простила?

— Так ты не сердишься?

— Нет. Какое значение сегодня имеет какая-то давняя детская шалость? — Аня накрыла его руку своей и переплела их пальцы. — Ты за потерянный валенок тоже восемь лет переживал?

— Ну так ты ж не валенок.

— Смотря в каком вопросе, — усмехнулась Аня.

По давно сложившейся традиции на физре Аня и Рита сидели на лавочке и разглядывали мальчишек. Спорт они обе не очень любили и максимально старались не участвовать в товарищеских матчах, заявляя, что болельщик — самая важная и почетная роль в любой игре. Аня, разумеется, весь урок любовалась Андреем — уже даже практически не стесняясь этого. Рита опять заглядывалась на Лешку Елисеева, все чаще подмечая его широкие плечи, богатырскую выправку и чарующий баритон. О своем Сереженьке она в последнее время упоминала крайне редко. Аня сказала бы, что у

подруги и ее парня что-то происходит, но проблема была в обратном: не происходило ровным счетом ничего. Никаких изменений. Он все так же то провоцировал ссоры, то прибегал мириться. И Рите это уже откровенно надоело. Она честно пыталась принимать его дурацкий характер, как делала два года до этого, но пример Ани и Андрея все более явно ей показывал — в жизни бывает и по-другому. И ей очень хотелось верить, что однажды и она найдет свое такое же уютное счастье. Приближался март, и душа ждала романтики.

Андрей, в отличие от своей девушки, никогда не отказывался от волейбола или баскетбола — все-таки он сильно скучал по командному спорту. Сегодня физрук решил, что одиннадцатиклассникам пора вспомнить детство, и предложил поиграть в перестрелку. Парни и несколько девчонок разбились на две группы: Гринч, как и всегда, отказался играть вместе со Светленьким и выбрал команду противника. Впрочем, ничего нового. Вот только к концу первого урока физры, а их в расписании было два подряд, стало ясно: ограничиваться обычным противостоянием команд Гринч сегодня не намерен. От одного мяча, который Макс запустил ему прямо в голову, Андрей еле увернулся, списав это на собственную невнимательность: он засмотрелся на Аню, которая грелась в лучах первого почти весеннего солнышка. Второй мяч, также летящий ему в лицо, Андрей поймал и бросил в другую сторону от Гринча. Но через пару минут Макс снова завладел мячом и запустил его в Андрея с дурной си-

лой.

— Эй, ты нормальный? — возмутился Вовка Яковлев, выбранный капитаном команды, в которой играл Гринч. — Сейчас на лавку сядешь!

— Я что? Я ничего! Оно само! — прикинулся дурачком Гринч.

Вскоре даже слепому стало ясно, что все мячи Макс сегодня будет запускать именно в Андрея, причем рассчитывая если не покалечить, то хотя бы поставить фингал под глазом.

— Да что он творит-то? — возмущалась Аня, наблюдая за парнями. — Совсем сдурел? Так и до сотрясения мозга недалеко.

— А что такое? — Ритка привычно не следила за ходом игры, погрузившись в свои мысли.

Аня бы тоже не обращала внимания на противостояние двух команд, но тут уже речь шла о посягательстве на здоровье ее парня. Разумеется, Гринч не был паинькой и раньше тоже цеплялся к Андрею, но сейчас он уже откровенно перегибал палку. И игроки обеих команд были с ней полностью согласны. Выглянувший из подсобки физрук разрешил конфликт в своей изящной манере: игра прекратилась, а нарушители дисциплины (весь класс, включая сидящих на лавочке) были отправлены на профилактическую пробежку по залу на весь второй урок физкультуры. Класс, разумеется, не обрадовался.

— Ну ты и скотина, Гринч! — мрачно резюмировал Во-

вка Яковлев. Он хоть и любил срывать уроки своим неумным весельем, все же имел какое-то представление о границах допустимого. Во всяком случае, его шутки никогда никому не вредили.

Гринч и сам где-то в глубине души признавал, что сорвался. Хотя повод у него, конечно, был. Во всяком случае, сам Макс считал его достаточно весомым для того, чтобы наконец свести счеты со своим давним приятелем. В субботу, прогуливая Кристину по центральной площади их небольшого городка, он снова увидел эту противную парочку — Светлячка и Аньку. Они сидели в кафе, держась за ручки, — это было отлично видно через большое окно, возле которого те и расположились. Гринч испытал неудержимое желание завалиться внутрь, брякнуться с Кристинкой за соседний столик и обломать этим двоим всю малину. Но вот незадача — денег в кармане сегодня хватило бы только на то, чтобы погулять, причем пешком и не заходя в магазины. Отец лишил финансовых поступлений вплоть до конца четверти, а грозился и дальше, если Гринч не исправит три двойки, собственная заначка уже похудела до отметки «на черный день». А заходить в кафе без денег глупо. Светлячок с Анькой поржут, а обломится в этой ситуации только он, Макс. И Гринчук уже практически решился гордо пройти мимо, сделав вид, что никого знакомого не заметил, но тут Кристинка весьма некстати выдала:

— О, это же Андрей. И Анька Васильева. Они что, встре-

чаются? Ну ни фиги себе...

И, немного помолчав, растерянно добавила:

— А меня он никогда в кафе не водил.

Этого Гринч уж никак не мог стерпеть!

Андрея, что называется, бомбило. Он нарезал круги по своей комнате, пока Аня сидела на его кровати и грызла яблоко.

— Ну почему Гринч ко всем цепляется?

— Это же Гринч! Он просто не выносит, когда кто-то рядом счастлив.

Если честно, девушке даже немного льстило, что она совершенно случайно дала когда-то Максу прозвище, точно отражающее саму его суть. И то, что ее идею подхватила вся школа, подтверждало: новое имя Гринчуку чрезвычайно идет.

— Думаешь?

— Знаю. Мы с ним давно знакомы. Хотя, полагаю, конкретно к тебе он цепляется из-за Кристины.

Андрей, к стыду своему, понял, что его первый роман, которым он вовсе не гордился, для Ани не остался тайной. Глупо, конечно, было надеяться, что она не видела, как они обжимались по всей школе. Обсуждать эту давнюю историю со своей девушкой казалось странным. Хотелось начать оправдываться, что у него к Кристине не было никаких серьезных

чувств, что все это не имело для него особого значения, что он всегда был влюблен только в Аню. Хотя так, наверное, выходит еще хуже: был влюблен в одну, но это не помешало встречаться с другой... Тем не менее, сейчас речь шла не совсем об этом, да и Аня сцен ревности, вроде бы, не устраивала.

— Зачем?! Мы встречались-то пару месяцев, а они вместе уже второй год.

— Вот именно. Ты встречался с ней раньше. Сначала она выбрала тебя, а не его. Улавливаешь мысль?

Глазастая Аня в свое время не раз обращала внимание на странную парочку девятиклассников, в которой девушка буквально липнет к своему кавалеру на каждой перемене, а парень при этом выглядит весьма недовольным и чуть ли не отползает от нее по стенке. Эта картинка каждый раз ее забавляла и отвлекала от меланхолических мыслей по поводу собственной безответной влюбленности. Но рассказывать Андрею, как ее веселил его сконфуженный вид, девушка не стала.

— Вот блин... Но ты же к Кристине не цепляешься!

— Так она давно уже не на тебе виснет. Нам, вроде, нечего делить. Не Гринча же!

— Точно. А вот ты на мне совсем не виснешь! — при-
творно обиделся Андрей, чтобы немного разрядить обстановку. Хотелось срочного подтверждения, что Аня не ревнует и этот странный разговор не станет поводом для их боль-

шой ссоры. — Ну-ка, повисни на мне!

— Да пожалуйста! — Аня встала с кровати, подошла к парню вплотную и чуть подпрыгнула, обнимая его за шею и все еще держа в руке недоеденное яблоко. Андрей с довольной улыбкой перехватил талию девушки, прижимая к себе. Постояв так минутку, он рассмеялся и слегка присел, чтобы Аня дотянулась ногами до пола. Без каблучков она была совсем невысокой.

— У меня остался один вопрос. С чего это ты так хорошо разбираешься в мотивах Гринча?

— Ну, вообще-то, мы с ним похожи. Характером.

— Вообще нет! — возмутился Андрей.

— Ладно, в детстве были похожи, — уточнила Аня. — Просто меня дома любят все-таки больше, чем его.

— Серьезные заявления...

— Макс же не совсем дурак. Но отец его лупил за каждую двойку, Гринч на уроках боялся снова схватить пару и уже не мог соображать. Жил в вечном страхе и начал на всех бросаться, чтоб никто не заметил, как он сам боится.

Андрей, знавший Макса чуть ли не с пеленок, почему-то ни разу не слышал от него жалоб на отца. Жаловался друг в основном на «зануду-Аньку». А вот Аня, просидев с Гринчем за одной партой со второго по пятый класс, действительно начала его понимать лучше, чем многие другие. Но то, что он творил сейчас, не поддавалось никакому пониманию!

— Думаешь, его до сих пор лупят?

— Думаю, Гринч уже не дается. Он отца перерос и ввысь, и вширь. Теперь он просто провоцирует родню на скандалы, зная, что они ему ничем не ответят.

10.

Весна в Первомайский как обычно не спешила, но все-таки, кажется, начала приходить. Точнее, робко заглядывать, озираясь, чтобы потом попятиться назад, снова уступив очередь заморозкам и снегопаду. Но все равно находиться на улице было уже намного приятнее, чем в январе, и Аня и Андрей, возвращаясь с подготовки к ЕГЭ по математике, совершенно забыли о времени, как, в общем, и положено влюбленным.

— Ой! Уже десять почти! Я ж давно дома должна быть.

— Серьезно? Блин. Уже даже я дома должен быть. Ругать будут?

— Ну, скажу, что автобуса долго не было, — отмахнулась Аня.

— Может, все-таки подняться с тобой?

— Зачем?

— Ну, чтобы мама твоя не беспокоилась, что ты одна так поздно ходила. И вообще, это я тебя гулять потащил, пусть меня ругает! — совершенно серьезно объяснил Андрей.

Аня улыбнулась. Какой заботливый молодой человек ей попался! Готов взять всю вину на себя, хотя погулять немного было исключительно ее идеей. И он наивно думает, что может спасти ее от маминых нотаций. Да на отчитывании подростков за неподобающее поведение Наталья Кириллов-

на, можно сказать, собаку съела! Ей только повод дай...

— Ага, сначала тебя, а потом меня, причем полночи. Нет уж, давай в другой раз поднимешься.

Аня оказалась права. Версия с долгим ожиданием автобуса маму вполне устроила. Надо было просто сделать вид, что она голодна, зла и замерзла. И следить, чтобы на лицо не пролезла довольная глупая улыбка, потому что вообще-то они с Андреем целовались в парке и планировали, как проведут каникулы и сколько раз смогут увидеться, не привлекая ненужного внимания. Выходило неплохо: родители будут на работе, а значит, весь день принадлежит только им. И так целую неделю. Мечта!

Андрей поспешил на остановку сразу после того, как попрощался с Аней, но автобус ехать никак не хотел. Сглазили, блин! Домой парень вернулся слишком поздно даже для него. Родители никогда особо не паниковали, если он задерживался, но, видимо, не в этот раз.

— Сын, ты где был? Начало одиннадцатого!

— Автобус долго ждали, мам. Лучше бы пешком пошли, честное слово!

— А позвонить? Телефон тебе зачем?

— Мам, ну я же с Лешкой и Вовкой был. Мы разговаривали. Ну что я буду за каждый шаг отзваниваться? Маленький, что ли?

— Большой слишком!

— Мам, ну извини. Не подумал, что ты волнуешься. И ты

тоже могла мне позвонить, раз переживаешь, — миролюбиво сказал Андрей. — Но вообще, я же не девица на выданье, чего так беспокоиться?

— С девицами проще, знаешь ли. Замуж сплавил — и дальше уже проблемы мужа. А тебя женить еще рановато.

— Да? А кто свадьбу сыграл сразу, как восемнадцать исполнилось?

Эту семейную историю Андрей знал неплохо, но только сейчас вдруг понял, что его родители на момент заключения брака были лишь немногим старше, чем он теперь. Мать с отцом познакомились на первом курсе, а ко второму уже поженились. И с тех пор вроде бы жили душа в душу больше двадцати лет. Дед, папин отец, очень хотел, чтобы сын вернулся в родное село под Архангельском, но папа упросил университетское начальство распределить его с женой куда-нибудь, где хоть немного потеплее. Так его семья, в которой уже была маленькая Светка, оказалась в Первомайском, где несколькими годами ранее обосновался папин брат — отец Сереги. Сам Андрей родился уже здесь, но каждое лето все трое внуков исправно ездили к деду и бабушке, которые изо всех сил старались привить детям любовь к белым ночам и прочей романтике сурового севера и мечтали, что однажды их семья все-таки воссоединится на исторической родине.

— Так то мы. Мы ответственнее были, чем вы, балбесы. А тебя жени, и что? Как учиться будешь? Жить где будете? А ребенок если? — Татьяна Сергеевна, кажется, высказала

все, что беспокоило ее уже несколько месяцев с тех пор, когда дочь поделилась своими подозрениями по поводу личной жизни Андрея. — А девчонка детей вытянет, пока ты семью пытаешься обеспечивать? То-то же. Это вам не игрушки. И что это за подозрительные разговоры такие? Опять собрался любовь крутить и завалить все экзамены?

— Да нет, мам. Я просто подумал. Вы с папой прям с семнадцати лет понимали, что вы вместе на всю жизнь?

— Ну нет, конечно. Но тогда так принято было: если мальчик приглашает на свидание, у него серьезные намерения. Это сейчас вон все со всеми перевстречаются, по пять раз разведутся и так и не знают, чего хотят.

— А к восемнадцати, значит, вы разобрались уже, раз пожениться решили?

— Сын, что за допросы, а?

— Ну, мам.

— Поженились, чтобы комнату семейную в общежитии получить. И чтобы по распределению нас потом точно в один город отправили. И то нам комнату далеко не сразу дали. Совсем не романтично, как видишь.

— Получилось-то неплохо, вроде?

— Не жалуюсь. Повезло мне, это правда. Но к выпуску у нас на курсе было пять семей, и четыре из них потом распались. Не развелись только мы с отцом. И вот что я тебе еще скажу: ребенок в студенчестве — это очень сложно. Даже не знаю, как сейчас Света крутиться будет...

— Это что за новости?

— Так ребенка они ждут. Она тебе не говорила разве?

— Мам, мы с ней о таком не разговариваем!

— Ну вот, знай теперь. Дядькой скоро станешь. Вот и выросли детки...

Андрей припомнил разговор с сестрой под новый год и усмехнулся. А не так уж он был не прав тогда. Но мечты о том, чтобы в открытую пригласить Аню в гости, пока придется оставить. Как будто он сам не понимал, что заводить семью и детей ему еще рано! Можно же просто встречаться. Хотя общий смысл маминых нотаций уловил и был с ним вполне согласен: любишь девушку — будь готов нести ответственность.

— А свое платье ее чем не устроило? — прокомментировала Аня, наблюдая, как на экране главная героиня вылезает из постели и надевает рубашку любимого.

Около часа назад они пришли из школы после сложной контрольной по истории, которая им обоим, в общем-то, была не нужна для дальнейшего поступления, но учить ее все-таки приходилось. Мозг отказывался воспринимать любую информацию и требовал чего-нибудь легкого и незамысловатого. Андрей включил кино, которое, по его мнению, соответствовало этим требованиям, и рухнул на кровать в обнимку с Аней.

Парень недоверчиво покосился на девушку. Она действительно не понимает? Или все-таки шутит?

— Тебе бы тоже очень подошла моя рубашка, — заговорщицки прошептал он.

Аня уже хорошо знала этот тон. Он обозначал «я кое-что придумал — тебе понравится!». И самое странное, что ей действительно нравилось, хотя в целом девушка не очень любила эксперименты.

— Думаешь? — с притворным сомнением уточнила она.

— Давай проверим!

— И какая же рубашка мне будет к лицу? — поинтересовалась Аня. — Вот эта?

Она дотянулась до спинки компьютерного кресла, куда парень небрежно бросил школьные вещи, ухватила его бежевую сорочку, в которой он сегодня был на уроках, и накинула ее себе на плечи поверх одежды:

— Так?

Ощущения ей понравились. Рубашка пахла Андреем. Его одеколоном, от запаха которого Аня буквально теряла голову. И немного котлетами из столовой, что, в общем, не так уж важно.

— Не твой оттенок. К тому же, эту мать сегодня в стирку отберет, — покачал головой парень и достал из шкафа свежую, в мелкую голубую полоску. Как раз под цвет Аниных глаз. — Давай такую попробуем.

Чистая рубашка, конечно, пахла всего лишь кондиционе-

ром. Но в глазах Андрея промелькнуло что-то такое, что с лихвой компенсировало эту досадную неприятность и заставило Аню кокетничать напропалую. Она даже не знала, что умеет флиртовать! Запахнувшись в поданную сорочку, которая почти полностью скрывала ее школьную водолазку вместе с юбкой, девушка выставила одну ногу вперед, приспустила ворот с плеча, как девчонка на экране, и сделала самый невинный вид:

— Ну как?

— Восхитительно!

— По-моему, она мне великовата.

— В этом и смысл.

Его рубашка делала Аню какой-то слишком хрупкой и беззащитной. И вместе с тем — потрясающей. Он бы сошел с ума от ревности, если бы кто-то еще мог любоваться ей в таком виде!

На следующее утро Андрей, собираясь в школу, одевался с трепетом. Его рубашка пахла Аниными духами. Как ему теперь целый день сидеть на уроках и думать не об этом?

Рита стояла у окна и наблюдала за двумя голубями, дерущимися за один большущий кусок хлеба, который им скинула с балкона бабулька-соседка. Птичек можно было понять — они голодные. Но девушке казалось, что их возня является отличной иллюстрацией ее отношений с Сережей. Беско-

нечное выяснение, кто кому должен был первым позвонить, кто кого должен был первым поцеловать при встрече, кто кому недодал внимания... Раньше Рите казалось, что у всех так. Она особо ни с кем не дружила, кроме Ани, и не имела возможности (да и желания) обсуждать свои отношения в широком девчачьем кругу, но все журналы пестрели советами о том, как понять, чего хочет молодой человек, и как добиться от него того, что хочешь ты. Варианта «сказать прямо» нигде не значилось. «Не бегай за ним — сделай так, чтобы он бежал за тобой!», «15 советов, как свести своего парня с ума!», «Он потеряет голову от такого сюрприза!»... И Рита считала себя вполне разбирающейся в подобных вопросах, ловко лавировала между Сережиными претензиями и обидами, пока не оказалось, что у Ани все по-другому. Они с Андреем встречались уже почти полгода и ни разу не поругались, а Рита с Сережей начали грызться уже в первый месяц. Андрей провожал Аню после школы через весь город, а Сережа мог сбежать со свидания, потому что ему отсюда до дома будет ближе. Сережа был начитанным мальчиком, много знал и с удовольствием демонстрировал свою эрудицию, а Рита слушала его, раскрыв рот. Но Андрей порой выдавал такие глубокомысленные вещи, что Рите хотелось спросить: «Эй, тебе точно семнадцать?». Как в тот раз, когда он сказал, что Сережа просто завидует своей девушке. Как Рита позже убедилась, именно так оно и было. И признавать свою неправоту в том вопросе ее парень до сих пор не собирался.

Нет, Риту никогда не интересовал Светленький, она не считала его даже симпатичным, не говоря уже о чем-то большем. Думала, что он обычный парень, каких полкласса. Да и его фамилия ее забавляла. Не настолько, чтобы дразниться, естественно (она же не Гринч, в конце концов), но был у девушки такой пунктик. Когда ты сама просто Егорова, на интересные фамилии внимание поневоле обращаешь. Поначалу Рита вообще не понимала, что Аня в нем нашла. Ну совершенно обычный! Вон Лешка Елисеев и то поинтереснее будет, таким красавцем вымахал. Высокий, широкоплечий, голос такой чарующий... Но Лешку Рита помнила еще пухловатым мальчиком, который в детском саду вытирал нос краем футболки и на тихом часе рассуждал, на ком из их группы он бы женился, когда вырастет. На ком он там собрался в итоге жениться, Рита уже забыла, конечно. Было бы весело, если на ней. Но прямо сейчас Лешка к ней никакого интереса не проявлял, а значит, и думать о нем нечего.

Когда Аня рассказывала что-нибудь о них с Андреем, Ритка искренне радовалась за подругу. Светленький действительно оказался джентльменом. Во всех смыслах. Сереженька до этого уровня не мог дотянуться даже в прыжке. Он, конечно, был умным юношей. Рита, которая изначально пошла на курсы английского просто для того, чтобы подучить язык и подготовиться к экзаменам, постепенно увлеклась предметом — не без Сережиной помощи. Ее парень английским горел, мечтая однажды переехать в США. В его

радужных мыслях о далеком будущем они с Ритой не жили на пляже где-то в Калифорнии. Сама девушка больше интересовалась Англией и без раздумий выбрала бы жизнь в величественном Лондоне. Но пока выбирать не приходилось, и Рита просто слушала своего парня, который, казалось, мог болтать часами. Вот только эти заумные разговоры совершенно не давали уверенности в том, что она интересна Сереже сама по себе, а не как благодарный слушатель. К тому же, парень искренне считал, что Рита и так со всем справится, будь то тройка по химии или сломанный во время свидания каблук. В принципе, она и справлялась. Но вот сейчас, глядя на Андрея и Аню, она бы не отказалась, чтобы за ней хотя бы немного ухаживали, а Сережу, кажется, устраивало, что Рита сама все решит и сама во всем разберется. Нет, он, конечно, мог быть романтичным и внимательным к своей девушке, но только в хорошем настроении. А в хорошем настроении он бывал не так уж часто, и то если соблюдены все условия, которые Рита давно выучила назубок и уже устала их выполнять: не перебивать, не перечить, не смотреть по сторонам, когда он что-то говорит, не носить эту юбку... Сплошное «не». Рита отвечала тем же, отстаивая свои права и озвучивая встречный список требований. Из этого обычно и разгоралась ссора.

Буквально вчера, когда они с Аней шли домой после уроков, Рита рассказывала, из-за какой глупости на нее опять обиделся Сережа. Рассказывала и сама не верила в то, что

это с ней происходило. Настолько абсурдной казалась ситуация.

— Так, давай еще раз. Он был возмущен тем, что ты посмотрела фильм, который он тебе сказал не смотреть, потому что он его уже смотрел и ему не понравилось? Я правильно поняла? — Аня глядела на подругу с недоверием. Казалось, Рита что-то преувеличивает: ну не может семнадцатилетний парень так себя вести.

— Ну да. Представляешь? И, что еще более ужасно с его точки зрения, мне фильм понравился.

— Вот ты предательница, конечно, — это уже Андрей догнал их за поворотом и вставил свои пять копеек.

Теперь они домой ходили именно так — втроем. Пока девчонки выстаивали очередь в гардероб и одевались, Андрей бежал к себе, чтобы бросить рюкзак, утеплиться и быстренько что-нибудь пожевать — его растущий организм к концу уроков успевал изрядно проголодаться. Накинув куртку, парень догонял подруг, забирал Анину сумку с учебниками и провожал девушку до дома, по пути, конечно, проводив и Риту до ее подъезда. Нужно чаще бывать на свежем воздухе, пока крыша не поехала, говорил он. Рита даже вполне привыкла к его компании и уже свободно при нем обсуждала свои отношения. Хотя, если бы об этом узнал Сережа, он бы непременно обиделся!

— Ты сейчас серьезно? — к юмору Андрея Рита все-таки еще не приспособилась и не всегда могла понять, сарказм

это или нет.

— Да шутит он, Рит, — ответила Аня и повернулась к парню. — Слушай, а как ты относишься к тому, что я хоккей не люблю?

— Меня люби, хоккей не обязательно, — улыбнулся парень, легонько щелкнув ее по носу. — А матчи я с отцом посмотрю. Зачем тебя мучить?

— Вот, — Аня повернулась обратно к Рите, которая была слегка удивлена их манерой общения друг с другом. Скажи она Сереженьке что-то подобное, проблем не оберешься. — Вы же самостоятельные люди, каждый со своими интересами. Ну невозможно во всем соглашаться. Смысл спорить раз за разом?

— А он всегда такой был? — вдруг заинтересовался Андрей. — Или это ему сейчас твоего внимания не хватает? Ну там, экзамены на носу, времени свободного нет.

— Всегда, — хмуро отозвалась Рита.

Следующий вопрос, который напрашивался сам собой, Светленький решил не задавать. Но девушка и так догадалась.

— Да я и сама не знаю, на кой черт все еще встречаюсь с ним. Жалко почти три года своей жизни, — сказала она и грустно вздохнула.

— Ну и зачем тебе парень, который ведет себя как девчонка? — все же спросил Андрей.

— Эй! — одернула его Аня. — Девчонки здесь, вооб-

ще-то.

— Я говорю, как глупая малолетняя девчонка. А вы умные, красивые и замечательные. А ты у меня вообще лучше всех!

— Ладно, принято.

И где-то здесь Рита наконец осознала разницу между Светленьким и ее Сереженькой. Андрей в каждый момент времени заботился об Ане и не стеснялся лишний раз подтвердить, насколько она ему дорога. Он ее берег, и это выглядело как-то по-мужски. А Сережа обычно ждал, пока о нем позаботится его девушка, весьма бурно реагируя, если та не угадала его желания. Он напоминал умненького, но капризного ребенка, и становиться мамочкой парню, который вообще-то на три месяца старше нее, Рите не хотелось.

— Кажется, я в жизни так не уставал, как сегодня! — произнес Андрей таким тоном, словно в одиночку разгрузил три вагона с углем.

Одиннадцатые классы только что сдали пробный ЕГЭ по русскому, и для Светленького реальность оказалась гораздо хуже самых мрачных прогнозов. Андрей тяжело вздохнул в такт своим безрадостным мыслям. Он как-то рассчитывал, что уж на тройку русский все-таки наскребет, и сосредоточился на подготовке к математике и физике, которые ему нужны были для поступления. Но сегодняшний день по-

казал, что уделить время и внимание синтаксису и пунктуации все-таки придется, если он не хочет завалить экзамен.

— Это же только пробник. Он покажет масштабы проблемы, чтобы мы успели ее решить, — Аня не видела смысла паниковать раньше времени. Она устала несколько часов подряд выполнять задания, но такие нагрузки для нее были не в новинку.

— Мы? — переспросил Андрей. Она-то какую проблему решать собралась?

— Мы!

Аня подошла ближе и обняла парня. За свою оценку она не беспокоилась, но волновался он, и она могла помочь. Кажется, так и поступают люди, которые любят друг друга? Она ощущала поддержку Андрея каждый раз, когда ей это было нужно, так чему он удивляется?

В приливе какой-то необъяснимой нежности Аня расстегнула несколько пуговиц на рубашке Андрея, открыв обзор на родинку в углублении его правой ключицы. Это красноватое пятнышко неизменно приковывало ее взгляд. Ей каждый раз хотелось его поцеловать, но почему-то раньше она этого не делала. Приподнявшись на носочки, девушка прикоснулась к родинке губами.

Парень резко вдохнул, не ожидая от нее подобной инициативы:

— Продолжай...

Аня снова поцеловала его, теперь уже рядом с пятныш-

ком. И еще раз. И еще. Ему явно нравилось, и ей захотелось подразнить Андрея. Он не возражал, лишь обнял ее сильнее. Несколько долгих мгновений спустя девушка спохватилась:

— Может, хватит? Синяк останется!

— Да и пусть, под рубашкой не видно, — прошептал парень.

Небольшое пятнышко все-таки появилось — аккурат возле родинки. К вечеру оно расцвело всеми красками, не оставляя сомнений по поводу его происхождения. Пришедший с работы отец усмехнулся и посоветовал сменить домашнюю майку на что-то более закрытое и не нервировать мать, которая сегодня крайне удачно решила прогуляться по магазинам, а потому компрометирующих изменений во внешности сына еще не видела. Перед сном Андрей заметил в ящике своего стола две новые пачки презервативов. Намек понял.

На следующий день была физкультура. Переодеваясь перед третьим уроком, Андрей очень старался отвернуться «пострадавшей» стороной к стенке, хотя где-то в глубине души он был не прочь похвастаться перед парнями. Мужская раздевалка, в общем-то, видала и не такое.

— О, Андрюха! ЭКГ делал? — глазастый Лешка Елисеев все-таки заметил.

— Ага, — с довольной улыбкой Андрей натянул футболку, всем своим видом демонстрируя, что продолжения истории не будет.

Но продолжение не заставило себя ждать. Хотя физкультура в расписании занимала два урока подряд, на перемене полагалось освободить спортзал для проветривания и сохранности школьного имущества. Ученики в это время расхаживали по раздевалкам. Весь первый урок Андрей вместе с другими парнями сдавал нормативы и изрядно взмок. Зайдя в раздевалку, он по привычке стянул с себя футболку, чтобы охладиться.

— Ого! Светлячок стал мужчиной! — заржал Гринч и показательно похлопал. — Как ощущения?

— Иди ты!

— А чего так грубо? Не понравилось? Или девушка осталась недовольна? Кстати, кто она? Мы ее знаем? Мы за тебя беспокоимся! Все-таки не чужой человек. Парни, мы же за него беспокоимся?

— Гринч, тебе какое дело? — попытался осадить его Лешка. — Остынь!

Гринч остывать, конечно же, не собирался. Ему такие призывы были как слону дробина. Андрей молча натянул футболку и вышел из раздевалки в коридор, слыша, что Макс крикнул ему вслед: «Как поплачешь — приходи! Расскажу, как надо с девушками...». Постучав в дверь раздевалки девчонок, парень подождал, пока ему откроют. Замка там, конечно, не было, но он все-таки не Гринч, чтобы вламываться без приглашения!

— Чего тебе? — на стук выглянула Рита. Она вообще не

любила, когда ее кто-то беспокоит, и сейчас не выглядела довольной.

— Рит, Аню позови, пожалуйста.

— Уже соскучился?

— Дело есть.

— Ну ладно. А-а-а-нь!

Аня вышла в коридор.

— Ты чего?

— Можно тебя на минутку?

— Случилось что-то? — девушка заметила, что Андрей начинал нервничать. — Все нормально?

И, плюнув на то, что они планировали не демонстрировать свои отношения в школе, слегка приобняла его. Все равно в коридорчике кроме них никого нет.

— Гринч, — мрачно произнес Андрей и невольно потерял место, где под футболкой расплывался многозначительный синяк. Аня, кажется, догадалась, что на этот раз стало поводом для придирок Макса. — Ты меня потом прибьешь, но можно ты мне сейчас подыграешь?

Аня кивнула. Гринч уже откровенно путал берега! И у нее определенно был талант ставить его на место. Взяв девушку за руку, Андрей потащил ее в мужскую раздевалку и, едва войдя внутрь, развернулся и решительно поцеловал. Аня привычно положила руки ему на плечи и привстала на носочки, стараясь не думать о том, что вот прямо сейчас на них смотрят десять парней. Поцелуй вышел долгим и demonstra-

тивным — в лучших традициях Гринча и Кристины. Когда Андрей отстранился, Аня улыбнулась и потянулась, чтобы снова его поцеловать. В раздевалке повисла небывалая тишина.

— И что, даже комментариев не будет? — поинтересовалась Аня, все еще обнимая парня. — Гринч, ты меня разочаровываешь!

Макс молчал, сжав зубы и сердито глядя на нее. Краем глаза Аня заметила еще один пристальный взгляд — уже не сердитый, а скорее шокированный. Славик был похож на взъерошенного двухметрового воробья на низенькой школьной скамеечке. Он честно пытался не смотреть на эту неприятную для него картину, но не смог.

— Ну тогда еще разок на бис, и я пошла. Звонок скоро! — с этими словами Аня снова потянулась, чтобы поцеловать Андрея.

И тут наконец к Гринчу вернулся дар речи. Он решил взять на себя роль тамады и начал отсчитывать длительность поцелуя как на свадьбе:

— Один... Два...

На счет «три» прозвенел звонок.

За пробный ЕГЭ по русскому Андрей все же получил тройку, кое-как набрав минимальное количество баллов для положительной оценки. Физика и математика порадовали

твердыми четверками, даря надежду на успешную сдачу этих экзаменов, но вот грамотность у парня хромала. Аня получила заслуженные пятерки по всем предметам, но все равно находила недочеты в своих работах и составляла списки того, что еще ей нужно повторить за оставшиеся два месяца. Больше всего она переживала за общество и литературу: русский и математика решались уже на автопилоте.

— Возьмешь меня на буксир? — уточнил Андрей, когда девушка снова завела разговор о том, что может помочь ему с русским.

— Ну так я и сама повторять буду. Либо ты закопаешься в учебники, начнешь бегать к репетитору, и тогда мы вообще не будем успевать видеться. Выбирай.

— Эх... и почему знания не передаются как вирусы? Через поцелуй там...

— Мне начинать ревновать к Ирочке? — ехидно поинтересовалась Аня, что-то вытаскивая из шкафа с книгами.

— Ой, нет! — содрогнулся Андрей.

— Ну тогда придется по старинке учить, — улыбнулась девушка. — Вот, держи, мне этот справочник Анна Николаевна подарила за олимпиаду. Там все правила схематично приведены, это гораздо удобнее, чем бесконечные параграфы в учебнике.

Андрей пролистал увесистую книжку. Выглядела она солидно, словно действительно заключала в себе все необходимые для экзамена знания. На некоторых страницах красо-

вались карандашные пометки неровным Аниным почерком, а раздел о двоеточиях и тире был заложен листочком ее переписки с Ритой.

— Тебе же самой он нужен.

— Ну поэтому я и предлагаю готовиться вместе. Сочетать приятное с полезным.

— И я так понимаю, сейчас будет очередь полезного?

— Ага. Приятного понемножку.

Это было резонно. Андрей и так пришел к Ане с самого утра, едва ее мама отправилась на работу. И до ее возвращения оставалась еще уйма времени, которое лично он бы с удовольствием провел за просмотром какого-нибудь фильма в обнимку со своей девушкой. Но в этот план придется втиснуть еще и справочник. Терпимо. Потом можно будет устроить перерыв.

— Ты борщ будешь? Или гречку с мясом? — примерно час спустя Аня решила, что русского на сегодня хватит. Андрей точно уже проголодался, да и ей самой не хотелось весь день тратить на учебу.

— А ты?

— Я потом скажу, что поела. Так что погреть?

— Борщ.

— Со сметанкой?

— Конечно!

Привычки обедать у Ани не было. Совсем. Вместо этого она выслушивала ежедневные мамины лекции о правильном

питании и о том, как она вообще будет жить в студенчестве, если ей лень даже обед себе погреть. Хотя дело было вовсе не в лени. Ну не лезет в нее столько еды! Завтракала и ужинала она всегда, а вот обед обычно пропускала. Впрочем, сегодня можно и соврать. Это будет ложь во спасение. Во спасение голодного Андрея и ее собственной нервной системы — от надоевших нотаций.

Обеденный перерыв плавно перетек в разговоры: словно у них самые обычные каникулы, на горизонте не маячат экзамены и нет никаких проблем, кроме самой важной — что бы посмотреть и послушать.

— Кстати! В той подборке, что ты мне скинула, я панка практически не нашел. Хотя песни классные, мне понравилось. Получается, ты меня обманула? — шутливо поинтересовался Андрей.

— Так я решила тебя не шокировать сразу, — в голосе девушки послышались нотки коварства.

— Да?

— Ага. Панк тебе, говоришь? Ну на, — Аня включила «тяжелаяк» и на автомате начала подпевать, слегка пританцовывая. Она всегда так делала, когда была одна дома. Но и присутствие Андрея, как оказалось, ее ни капельки не стесняет.

Андрей улыбался. Такую Аню он еще не видел. И хотя парень раньше и не представлял себе, что под эту музыку вообще можно танцевать, у них это вполне получилось. Какие-то

песни он даже знал и подпевал вместе с девушкой.

Некоторое время спустя набесившиеся и подуставшие подростки рухнули на диван. Андрей запоздало опомнился, что можно было вести себя и потише:

— А соседи-то не против?

— За стенкой Русик живет. Потерпит. Я же его рэп терплю. А других соседей сейчас и дома-то нет. Во всяком случае, еще никто не жаловался.

— А ты часто такие концерты устраиваешь?

— Мне же надо как-то бороться со стрессом, — рассмеялась Аня. — Знаешь, как сложно все время притворяться приличным человеком?

— Ань, ты? — голос в телефонной трубке казался смутно знакомым. Женский. Но это точно не Рита.

— Да. А кто это?

— Лена. Ну, Соколова, помнишь? С олимпиады.

— А, привет! Помню, просто не узнала. Богатой будешь.

— О, я не против. Как отдыхается? У вас тоже каникулы же?

— Да, последние деньки отдыха перед финальным забегом.

— Готовишься?

— Ага. А еще начала педагогическую практику задолго до института. Андрея по русскому подтягиваю. Как думаешь,

мне это при поступлении зачтется?

— Конечно. Ты, главное, не забудь у него рекомендации взять, — развеселилась Лена. — А как там мой друг Вячеслав поживает? Не достает тебя больше?

Аня со смехом описала знакомой реакцию Славика на то, что они с Андреем отчебучили в мужской раздевалке за пару дней до каникул. Кузнецова было немного жалко. Если бы речь шла о том, чтобы прекратить его посягательства на ее сердце, Аня бы никогда не опустила до такого, но в данном случае дело было в Гринче, а он, как известно, вообще непрошибаемый. И все эти разборки по касательной задели и Славика, который, в общем-то, и не заслуживал такой участи. Но не извиняться же перед ним теперь, правда? Особенно когда шоу предназначалось вообще не ему. Надо, кстати, и Рите рассказать, запоздало подумала Аня. Ее тоже порадует информация о том, что Гринча, как выяснилось, можно заткнуть. Было удивительно, что за пределы раздевалки история так и не вышла. Хотя, как сказал тогда Андрей, эта каморка видала сцены и похлеще. Но уточнять, что именно там происходило порой, он наотрез отказался. Аня сильно подозревала, что не последнюю роль в тех «сценах похлеще», играла линейка. Во всяком случае, мальчишки их тогда еще 7 «Е» таким точно промышляли.

— Бедняга, конечно, — в голосе Лены, тем не менее, жалости слышно не было. — Думаю, после такого он должен наконец понять, что ему тут ловить нечего.

— Надеюсь. Это было весьма доходчивое объяснение.

— А Андрей-то твой как? Куда он поступает, кстати?

Аню как током дернуло. Она до сих пор не поднимала эту тему. Казалось, впереди еще так много времени, успеется. А ведь уже месяц прошел! Даже полтора.

— На строительство хочет. Он сейчас вообще боится никуда не поступить. Пробник по русскому едва не завалил. Хотя физику и математику написал на четверки. По-моему, зря паникует. Просто не верит в себя.

Вот, вроде и не соврала. Но и правды толком не сказала. Не признавать же, что она дура и даже не вспомнила о самом важном? Да и как тут вспомнить, когда самое важное — просто не вылезать из его объятий каждую свободную минуту? Но, говоря об успехах Андрея в учебе, Аня внутренне сжималась в ожидании, что Лена сейчас спросит: «Ну и зачем тебе этот троечник?». Рита вот спрашивала поначалу, это потом вроде бы привыкла и даже начала уважать за, как она говорила, личностные качества. И мама, узнай об их отношениях, обязательно бы спросила. И показательно пила бы валерьянку, мол, могла хоть медалиста себе найти. Но Лена удивила:

— Значит, ему можно доверять. Он здраво оценивает свои силы и не дает пустых обещаний. Надежный. Хорошее качество для мужчины.

Аня и сама прекрасно это знала.

11.

В последний будний день каникул Андрей, как и всю неделю до этого, снова пришел к Ане. Тратить время на повторение правил ему сегодня отчаянно не хотелось. Парень уже по традиции принес жесткий диск (он скачал новый сезон их с Аней любимого сериала, нельзя пропустить это из-за какого-то ЕГЭ!) и объявил киномарафон, уютно устроившись в обнимку с девушкой на диване. Они почти досмотрели вторую серию, когда зазвонил мобильник. Андрей, отвечая, аж подобрался и сделал серьезное лицо, как будто звонивший мог его увидеть. Но Аню из объятий все-таки не выпустил. Девушка лишь переместила голову с плеча на грудь парня, чтобы ему было удобнее держать телефон.

— Да, дядь Дим, здравствуйте!

— Привет, племянш. Я с новостями. Не знаю, обрадуешься или нет, но как есть.

— Что такое?

— Там список для поступления поменяли. В том году физику и математику требовали, а теперь еще и русский добавили. Хотя зачем строителю его сдавать? Тому русскому, который реально нужен, тебя быстренько на стройке научат. Шучу. Ты как, сдаешь его?

— Ну да. Он же обязательный.

— Вот и хорошо. Ну и помнишь, да, все минимум на чет-

верки. Я все-таки не господь бог, мне высшее начальство кандидатуру на целевое с тройками не подпишет.

— Я постараюсь. Спасибо, что сообщили.

— Бывай, племяш!

— Ну, вот теперь я официально в жо... — объявил парень, нажав на кнопку завершения разговора. Опомнившись, что Аня рядом, на ходу переформулировал свою мысль: — В жутко неприятной ситуации.

— Что случилось?

— Дядя звонил. Русский придется как-то сдать на четверку, иначе целевое он мне пробить не сможет.

— Значит, сдашь на четверку, куда деваться, — пожала плечом Аня. За каникулы они успели повторить солидный объем информации, и она не видела причин сдаваться раньше времени.

— И чего ты возишься с таким балбесом, как я, — самокритично, но при этом шутливо произнес Андрей, целуя в макушку девушку, которая все еще обнимала его.

— Если ты в чем-то не разбираешься, это еще не значит, что ты балбес. Просто тебе никто нормально не объяснил, — и, понимая, что дальше откладывать этот разговор бессмысленно, она все-таки спросила: — А куда это тебя так «поступают»?

— В Архангельск.

— Неочевидный выбор, — бесцветным голосом произнесла Аня и замолчала.

В повисшей тишине, казалось, можно услышать, как извилины Андрея шевелятся в попытках понять, что пошло не так. Для него возвращение на историческую родину было вполне очевидным. Светка уже проторила эту дорожку, следом за ней отправился Серега, и он, Андрей, должен был быть замыкающим. Можно сказать, это было решено заранее: с тех пор, как его отец вслед за братом вместо родного села на севере выбрал пусть и маленький, но все-таки город, дед развернул нехилую деятельность — в начале 90-х занялся каким-то бизнесом, накопил денег и со словами «Хотите город? Будет вам город!» перевез бабушку в Архангельск. Отец с матерью, как и родители Сереги, со временем тоже стали задумываться о возвращении в родные края. Мамин брат, дядя Дима, будучи серьезным начальником в крупной строительной фирме все в том же Архангельске, еще на своих детях обкатал схему целевого поступления в местный вуз, позже распространив ее и на племянников. В общем, все выстраивалось в логичную схему. Все, кроме одного важного момента.

— А ты?

— В Пермь.

И снова невыносимая тишина. Первой ее нарушила Аня — задавать прямые вопросы было все-таки ее привычкой:

— И... что? Все на этом?

— Я не знаю, Ань.

Андрей обнял ее крепче, словно девушку могут отобрать

у него прямо сейчас, и снова поцеловал ее в макушку. Говорить не хотелось. Да и что тут скажешь? Аня, лежа на его груди, слышала, как взволнованно колотится сердце парня. Ей самой казалось, что она расплачется, начни они обсуждать будущее прямо сейчас. К счастью, у них есть еще одна важная тема для разговоров. Что там сегодня по плану? Сложносочиненные предложения? Отличное завершение каникул.

Андрей, кажется, никогда столько не думал, как сегодня. Взрослая жизнь резко догнала его и выбила почву из-под ног одним движением. Еще утром он спешил к Ане с четким ощущением, что это именно та девушка, с которой он мог бы провести всю жизнь. Он все больше понимал родителей, которые поженились в восемнадцать. Ему столько исполнится уже через полгода. Ане — через год с небольшим. И сам перед собой Андрей признавал: мысль о том, чтобы года через два жениться на Ане, его не пугала. Даже наоборот. Этого безумно хотелось. Да, пришлось бы решать жилищный вопрос, да, пришлось бы как-то совмещать работу и учебу, потому что, если ты готов жениться, ты готов и обеспечивать свою семью — во всяком случае, его и Серегу родители учили именно так. Но все это не выглядело чем-то невыполнимым, когда в запасе есть еще пара лет.

Трудностей Андрей, в общем-то, никогда не боялся. Их тренер называл это «спортивным характером»: если тебе

что-то действительно нужно, ты будешь пахать как проклятый, но добьешься цели. Собственно, так он обычно и поступал. Выкладывался на тренировках, зная, что наутро каждая мышца будет нещадно болеть, — но как иначе выиграть матч? В последний момент впрягся в учебу в девятом классе, не спал перед экзаменами недели две, но все-таки сдал их (хотя, объективно, мог и лучше, если бы раньше занялся делом, а не тем, чем он занимался, хватая двойки раз за разом). В десятом вдруг заинтересовался архитектурой — невозможно съездить в Питер и не вдохновиться — и начал искать пути к своей новой цели. Путь вырисовывался тернистый. Если математику с физикой еще можно было как-то подтянуть, то художественного образования, которое приветствовалось при поступлении, у него не было. Кто ж знал, что в детстве надо было не шайбу гонять, а сидеть за мольбертом! Обдумав варианты, Андрей решил последовать примеру старшего брата и поступать на строительный — Серега тогда как раз осваивался на первом курсе и, кажется, был всем вполне доволен. Да, выпустится он инженером, но при сильном желании можно и в архитектуру со временем податься: давайте честно, кто сейчас от руки это все рисует, компьютерный век на дворе! А уж с компьютером Андрей дружил. В общем, дальнейшая жизнь приобретала все более явные очертания, пока в четкий план не закралась одна переменная. Очень важная переменная. Даже не так. Переменная, без которой он больше не представлял своей жизни.

Аня.

Начиная ухаживать за девушкой, он не сильно рассчитывал на успех. Просто не хотел через год кусать локти от того, что даже не попытался. Андрей всерьез полагал, что Аня не воодушевится перспективой познакомиться поближе, и будут они со Славиком вместе сидеть на скамейке отвергнутых поклонников. Но в этом были бы и плюсы: можно окончить школу и жить дальше со свободным, хотя и разбитым, сердцем. Закрывать историю своей первой любви, которая так и не получила взаимности. Грустно, но с кем не бывает. А вот отказываться от нее теперь он не был готов. И вместе с тем не мог придумать ни одного приемлемого варианта совместного будущего в условиях, которые прямо сейчас ставила им жизнь.

Самый очевидный — отношения на расстоянии — его не устраивал категорически. И дело даже не в том, что Серега обязательно поржет: дескать, из всех поз камасутры самая неудобная — в разных городах. И не в том, что брат уже настроен таскать его на парные свидания. В конце концов, девушки Архангельска переживут, что Андрей не настолько открыт для знакомств, как старший Светленький, да и Серега их, если что, утешит. В себе Андрей ни капли не сомневался — за десять лет можно было успеть свыкнуться с мыслью, что он, видимо, однолюб. Но требовать того же от Ани он не имел права. Не в ситуации, когда он чисто физически не может быть рядом. Да, есть звонки — уж перед отъездом

в другой город она точно купит мобильник. Но этого и сейчас кажется катастрофически мало. Звонком не обнимешь. У Ани будет какая-то другая свободная жизнь, которую она пока даже не вполне представляет, вокруг нее будет куча новых людей, и кто знает, насколько они будут ей интересны. Он честно признавал, что в своих собственных глазах никогда не дотягивал до того идеала, который она заслуживает. Был и остается тем мальчишкой, что однажды променял ее на Гринча и хоккей; что столкнул ее в лужу и трусливо сбежал; что встречался с девушкой, которая даже ему не нравилась, ведь отчаянно боялся подойти к той, которая снилась ему в самых восхитительных и стыдных снах. Аня обо всем этом знала (кроме снов, конечно) и, вроде бы, принимала все его минусы сейчас, но сравнение с кем-нибудь из ее новых знакомых (а они непременно появятся) он может и не выдержать. И что? Изводить ее ревностью? А она будет — он и сейчас еле выносит влюбленный взгляд Кузнецова в сторону своей девушки. Спасает только мысль, что после уроков она все равно уйдет с ним, Андреем, а не со Славиком. И даже если Аня, живущая в другом городе без возможности встретиться чаще чем раз в полгода на каникулах, будет изображать из себя морковку: сидит девица в темнице, а коса на улице, — он все равно будет ревновать. Невыносимо. И самое противное — Аня действительно будет сидеть дома по собственной воле, чтобы его не расстраивать. Она такая. А он все-таки не совсем скотина, чтобы ограничивать ее сво-

боду.

И тем не менее, полагаясь лишь на собственные силы, он мог предложить только отношения на расстоянии, потому что два других варианта были ему неподвластны. Ни в Пермь, ни куда либо еще он на бюджет не поступит — разве что в тот колледж, куда полкласса ушли после девятого. А родители все-таки не рокфеллеры, чтобы учить его платно. Целевое было лучшим вариантом. Он просто попадет в рабство к дяде Диме на несколько лет, но при этом ему оплатят учебу, а бонусом — после выпуска у него будет гарантированная работа. Нет, можно бросить все и таки податься в Пермь вместе с Аней, но... Кем? Грузчиком, дворником, продавцом? Работать, чтобы оплатить какое-то жилье и еду, и по ночам продолжать штурмовать школьную программу, чтобы через пару лет пересдать ЕГЭ на балл выше и все-таки куда-нибудь поступить. Звучало как бред. Долго ли они протянут в таком режиме? И, цитируя маму, — а если ребенок? Хотя много он все равно не наработает. Его совершеннолетие аккуратно совпадает с началом осеннего призыва. Если он сразу после школы не поступит на вышку, товарищ военком будет рад поздравить его лично. И, как ни крути, они с Аней все равно расстанутся. Сколько там сейчас служат? Полтора года? Или с осени уже год? А вот потом, после армии, придется начинать с нуля — грузчиком или дворником.

Звать за собой Аню в Архангельск казалось таким же бредом. Она и в Первомайском-то мерзла и страдала от слиш-

ком долгой зимы. Но погода, в общем, не самая большая проблема — к этому привыкаешь. Были и другие. Масштаб скандала, который разразится дома, если он объявит о своих планах на переезд в Архангельск с девушкой, он себе прекрасно представлял. Ему не раз уже было сказано — никаких романов до выпуска. Сам дурак. Анина мама и вовсе не отпустит дочь с непонятно каким парнем к черту на куличики. И имеет полное на это право — его девушке всего семнадцать. Будет. В августе. И даже если эту бурю они переживут, встает еще один вопрос. Жить у его бабушки вместе с Серегой Андрей предложить Ане точно не мог. Жить в общежитии, пока он отъедается на бабулином борще? Так себе вариант. Как-то нечестно. Снимать квартиру? Своих денег у него пока нет, а родительский кошелек не резиновый. Работу придется еще найти, а жить где-то надо будет сразу. Да и кто им сейчас разрешит поселиться в одной квартире? Ей, блин, шестнадцать! По всему выходило, что такая роскошь, как звать с собой на край света любимую девушку, чтобы жить там сильно лучше, чем она, — настоящее свинство. О местных общежитиях он был наслышан. Серега и тот в итоге выбрал соседство со Светкой, а это то еще удовольствие, уж Андрей знал по себе. В общем, все сводилось к тому, о чем и говорила Аня когда-то про Мастера и Маргариту. Будет ли его девушка счастлива от возможности быть рядом с ним, если ее жизнь при этом сильно ухудшится? А она определенно ухудшится в городе, где кроме Андрея у нее и знакомых-то

нет. Будет ли он сам счастлив в общаге с кучей соседей, мышами и тараканами, но при этом рядом с любимой? С милым рай и в шалаше, но это только в теории. На практике все хотят жить хорошо. Хотя вариант с общагой все же стоило рассмотреть как наиболее реальный. Если они, конечно, переживут скандал с родителями.

И оставался еще один вариант. Самый элементарный с практической точки зрения, но при этом самый сложный. Просто не мешать ей жить. От мысли, что они с Аней расстанутся и покатаются как два колобка каждый по своей дорожке, хотелось волком выть на луну, которая висела сейчас прямо над школой, ехидно заглядывая в его окно. Еще никогда собственное бессилие перед обстоятельствами не ощущалось столь явно.

Своему личному эксперту по архангельскому студенчеству Андрей решил все же позвонить — вдруг подаст идею. Обсудив последний хоккейный матч, новую пассию Сереги, бабушкино здоровье и, весьма кстати, жалобы на ее излишнюю опеку, парень наконец задал волнующий его вопрос:

— А что, в общаге совсем не вариант жить?

— Жить-то можно. Но, во-первых, ты общагу не факт что получишь. Я полгода ждал, если ты не забыл. А кто-то и годами по съемным хатам перебивается. А во-вторых, поверь, оно тебе не надо.

— Почему?

— Я тебе не рассказывал, из-за чего съехал оттуда? — Се-

рега понизил голос и, кажется, даже закрыл дверь в комнату — послышался характерный щелчок.

— Вроде, жаловался на крыс и тараканов...

— А, ну да, почти. Только эти тараканы еще и крайне незаконными вещами занимались.

— Серьезно? — Андрей аж сел от удивления. Нет, он, конечно, слышал про такое, но в своей благополучной жизни с криминалом еще не сталкивался. Да и не хотелось.

— Ну. Их однажды менты пришли брать прям среди ночи. Спецоперация, понимаешь. И под одну гребенку замели все крыло общаги без разбора. Прикинь? — в голосе Сереги не было слышно привычного веселья. Кажется, эта ситуация его сильно впечатлила. — Я ночь посидел в кутузке до выяснения обстоятельств и решил, что лучше все-таки со Светкой поживу. А то в следующий раз еще и в сообщники запишут. Родители на адвокатах разорятся. Но сначала меня прибудут для профилактики: мертвый сын всяко лучше сына-зэка.

— Офигеть!

— Именно. Родителям только не говори, они тоже офигеют.

— А ты своим не рассказывал?

— Еще чего! И имей в виду, что они были не единственные даже в нашем крыле. Так что, мил друг, тебе оно точно не надо. Особенно если в одну комнату с такими заселят. Поэтому жду в гости с чемоданами, бабуля уже пирожки печет всюю.

— И где, скажи на милость, мне прятаться, пока ты там очередную барышню охмуряешь? С бабушкой сериалы про любовь смотреть в соседней комнате?

— Ты там в своем уме, или уже крыша едет от подготовки к экзаменам? Если я сюда начну девок водить, бабулю инфаркт хватит. Я и так еле убедил ее ложиться спать и не ждать меня по полночи с гулянок. Я ж не Светка, мою честь блюсти не надо. Сам в морду дать могу, если потребуется. Так что не дрейфь. Приедешь — и тебя в свет выведем. Но только в октябре, не обессудь. В местах, куда я хожу, строгий паспортный контроль, несовершеннолетних не пускают.

Проводив Андрея, Аня все-таки разревелась. Она с детства терпеть не могла это бесполезное занятие, предпочитая решать проблему, а не лить слезы попусту, но сейчас сдержаться не получалось. Чуня изрядно вымок, особенно его уши, которыми Аня вытирала себе глаза, хотя это и не особо помогало. Было стыдно перед Русиком — таких истерик за стенкой он точно еще не слышал. Но, может, его и дома нет? В соседней квартире подозрительно тихо, а на улице наконец весна в разгаре.

Весть о том, что у ее внезапного, но такого желанного счастья нет будущего, больно треснула по розовым очкам, в которых Аня жила последние полгода. В сентябре она, помнится, собиралась посвятить весь год учебе и подготовке к

экзаменам. Вот и надо было заниматься именно этим! Где-то в глубине души зарождалась злость на Андрея: он же прекрасно знал, что после школы уезжает аж в Архангельск, зачем он вообще начал их историю? Половина одноклассников планировала поступать в Пермь, Екатеринбург или Челябинск — они хотя бы рядом! Те, чьи родители могли себе позволить оплачивать учебу в вузе покруче, хотели попытать счастья в Москве или Питере, но Архангельск как место проведения студенческих лет ни у кого не значился даже в первой десятке рейтинга! Не все в Первомайском вообще знали, где он, этот Архангельск: где-то на севере, и ладно.

Немного успокоившись (или это просто лишняя жидкость в организме закончилась, вот слезы и высохли?), Аня пришла к выводу, что злится, в общем-то, не на Андрея, а на вселенскую несправедливость, с которой им пришлось столкнуться вот так неожиданно. Для него действительно лучший вариант — поступить в вуз по целевому набору. Аня бы и сама не отказалась иметь такие гарантии будущего, но их не было. Оставалось уповать только на собственные силы на экзаменах и на то, что медаль и олимпиада «в багаже» дадут ей достаточную фору. В ее случае поступать можно только на бюджет, это не обсуждалось. И желательно жить в одной комнате с Леной и Ритой — мысль о соседстве с абсолютно незнакомыми людьми как-то пугала. И да, она тоже могла подумать о том, что их с Андреем пути после школы разойдутся в разные стороны, и просто не ввязываться в это. В

конце концов, в начале учебного года у нее еще имелась способность рационально мыслить. Но как? Как можно было во все это не ввязываться, когда Андрей ей просто нужен?

В отношении на расстоянии Аня не верила. Не в семнадцатом веке живем, чтобы годами ждать встречи с любимым! Ясно же, что сейчас у них с Андреем всегда есть темы для разговора только потому, что они и так целыми днями вместе. Столь же подробно обсуждать каждый свой день по телефону (или в аське, которую Андрей установил ей на комп, чтобы слать пожелания спокойной ночи и смайлики с поцелуйчиками), но без возможности встретиться ну никак не выйдет. Они будут жить совершенно разными жизнями, где нет даже общих знакомых, и постепенно станут разными людьми. Разными настолько, что при встрече им будет уже просто не о чем говорить.

Тащить Андрея за собой в Пермь Аня и вовсе не видела смысла. Да, по слухам, в пед мальчишек готовы были принять с распростертыми объятиями, так что шансы поступить туда у ее парня, наверное, были. Но! Андрей мечтал стать архитектором и готов был для этого пахать, сначала освоив инженерную специальность. И стоять у него на пути Аня не имела права. Никто не должен выбирать между мечтой и любовью. А в том, что Андрей ее любит, она не сомневалась. Как и в том, что, поставь Аня его перед выбором, парень останется с ней и согласится на сомнительную перспективу быть, например, физруком в школе. Наступив на гор-

ло собственному «я». Ужасно. Как говорится, если любишь — отпусти, не мучай. И, будучи все-таки девушкой рациональной, Аня прекрасно понимала, что инженер имеет куда больше шансов устроиться в этой жизни — на хлеб с маслом Андрей заработает, даже если с архитектурой все-таки не выгорит. И все, что в ее силах, — помочь ему с русским и не требовать от него невозможного.

12.

Первый понедельник после каникул показал Ане неутешительную реальность. Из их общения разом исчезла вся легкость. Там, где раньше Андрей бы ее обнял, теперь он неловко останавливался на середине движения. Их привычные шутки больше не звучали. Между ними впервые повисло напряжение, и что с ним делать, было непонятно. Парень почему-то удивился ее готовности продолжать с ним заниматься. Как будто они уже расстались! Он же не думал, что перспектива разъехаться по разным городам что-то изменит прямо сейчас? Или думал?

Андрей скептически наблюдал, как Аня вытаскивает из сумки свой толстенный справочник, - девушка прихватила его, намереваясь оставить здесь, чтобы парень мог в свободное время и сам что-нибудь повторить. В конце концов, она все это уже знала и к русскому готовилась либо с ним, либо с Анной Николаевной, а дома уделяла больше внимания обществу, которое откровенно боялась сдать хуже, чем остальные предметы.

— Ты... серьезно? — недоверчиво спросил Андрей.

Она что, полдня таскала этот талмуд? Он один весит как все остальные учебники разом! Можно же было в его рюкзак закинуть, ему не привыкать.

— А почему нет? — удивилась Аня.

— Ну... Я думал, ты злишься на меня.

— Не на тебя. Но злюсь, да. И это ничего не меняет. Тебе по-прежнему нужна помощь с русским, а я по-прежнему могу помочь.

— А дальше? — ему бы очень хотелось услышать, что дальше все-таки что-то будет. Что жизнь не разведет их по разным уголкам огромной страны.

— А дальше — знаки препинания в сложноподчиненных предложениях. Остальные проблемы будем решать по мере возникновения. У нас в запасе еще пара месяцев, в которые ты от меня никуда не денешься.

— Но...

— Никаких «но», — и Аня все-таки поцеловала его. Потому что невыносимо находиться с ним рядом, когда они одни, и даже не целоваться! И не терпящим возражений тоном заинтересовалась: — Предлагаешь расстаться прямо сейчас?

— Нет. Точно нет. Давай не сегодня.

Расписание их свиданий пришлось пересмотреть в связи с увеличением нагрузки. Теперь Аня заходила к Андрею после уроков каждый день, чтобы хоть час уделить подготовке к русскому. Остальные занятия в их плотном графике тоже никуда не делись, к тому же, добавились обязательные консультации для всего класса. По понедельникам и четвергам Аня так же возвращалась от Андрея в школу к Анне Николаевне, на занятиях с которой они теперь готовились к ЕГЭ по литературе. По вторникам и пятницам девушка задержи-

валась у Андрея на пару часов после уроков, чтобы потом успеть съездить домой, переодеться, показаться на глаза маме, которая к этому времени обычно возвращалась с работы, и убежать на математику. Среда по традиции была свободна, и можно было позаниматься подольше, но именно в среду то и дело ставили консультации, и в результате Аня и Андрей шли на них вместе. Казалось, все вернулось на круги своя — если не думать, сколько времени у них осталось в запасе. Андрей делал успехи в изучении русского, подтверждая Анину теорию: он просто раньше не сильно старался вникать во все эти бесконечные правила и исключения. Ему было интереснее бегать с клюшкой, это она зануда и книжный червь. И как они вообще нашли друг друга?

В одну из таких относительно свободных сред, когда им все-таки надо было вернуться в школу к половине пятого, мама Андрея внезапно пришла домой раньше обычного. Услышав щелчок замка, ребята напряглись и попытались принять максимально невинный вид. Они просто одноклассники. Они просто повторяют русский. Они даже не целовались последние минут пятнадцать, а действительно штурмовали экзаменационные задания. Как будто знали, что именно сегодня мама решит сбежать с работы пораньше.

Едва зайдя в квартиру, Татьяна Сергеевна сразу почувствовала неладное. На вешалке незнакомое девичье пальто, у порога стоят сапоги на каблучке. Хотелось начать возмущаться. Опять он шашни крутит вместо учебы! Но, если у

сына свидание, возможно, правильное будет не мешать прямо сейчас? Вдруг они... И тут ее слух уловил пространное объяснение: «Если она просто жареная, то Н одна. А с зависимым словом — две. То есть, «жареная картошка», но «жаренная в масле картошка». А вот если она с грибами, она все равно «жареная картошка с грибами» с одной Н, потому что грибы относятся к слову «картошка»». Татьяна Сергеевна с облегчением выдохнула — на свидании такое точно не обсуждают. Возможно, они даже одеты. На всякий случай женщина погремела дверцей шкафа и громко объявила:

— Сын, я дома! У нас гости?

— Привет, мам! — Андрей выглянул из комнаты. — Это Аня, она согласилась подтянуть меня по русскому. Мы немного позанимаемся.

Услышав имя, мама Андрея напряглась. Что бы ей тут делать-то? Женщина прошла в детскую (хотя какая это теперь детская, когда дочь уже замужем, а сын через несколько месяцев покинет отчий дом?), чтобы посмотреть на гостью. Серьезная девчушка в школьной форме, на вид вполне интеллигентная. Слава богу, не Новикова!

— Здравствуйте!

— Здравствуй, Аня, я Татьяна Сергеевна, мама этого оболтуса. Вы что, прямо после уроков засели за книжки? Андрей, ты девушке хоть чаю предложил?

— Спасибо, не надо, я скоро пойду, — ответила вместо него Аня.

— Куда? Занимайтесь спокойно, я не буду мешать.

— Нет, мне правда уже скоро идти надо.

— Так вместе и пойдем, — вклинился Андрей.

— Это куда? — сразу насторожилась женщина.

— Мам, на консультацию по математике. Для всего класса.

— Ну тогда тем более. Живо есть! Жареную картошку с грибами не успею, но макароны с котлетами в холодильнике, — усмехнулась Татьяна Сергеевна.

— Да неудобно как-то... — протянула Аня. Есть ей не хотелось. Они уже напились чая с печеньками, и этого ей было более чем достаточно.

— Неудобно будет, если ты от голода помрешь к вечеру. Кто тогда моему оболтусу русский подтянет? — эти слова прозвучали так же, как и типичные шутки Андрея — мягко и безобидно, даже с заботой.

Чувство юмора у него явно от мамы, подумала Аня.

Татьяна Сергеевна радушно усадила подростков за стол, быстренько порезав к ужину еще и салатик. Интуиция кричала, что что-то тут не так, но придаться было не к чему. Сын обычно гостей домой не водил. Да и не сказать, чтобы он сильно с кем-то дружил, кроме Максима в детстве — уже несколько лет они практически не разговаривали, хотя и учились теперь в одном классе — и двоюродного брата. Последней, кого Андрей приглашал к себе, была та девушка, Кристина. Выпроваживать ее пришлось, конечно, с боем. Но

эта Аня, вроде бы, девочка приличная. И тут Татьяну Сергеевну осенило. Конечно! Это же их отличница, медалистка и гордость школы! Ну, сын. Нашел себе репетитора, ты посмотри! И ведь они никогда не общались толком, Татьяна Сергеевна и видела-то ее один раз, в девятом классе, когда та давала последний звонок на пару с Елисеевым - главным спортсменом их параллели. А так бы даже и не знала, кто это.

— Мам, а ничего, если Аня к нам в субботу или воскресенье придет позаниматься? — задал вопрос Андрей, доедая третью котлету. Они как раз незадолго до прихода мамы обсуждали, что неплохо было бы видаться еще и по выходным — тут уже без вариантов, только для повторения русского, до которого в другие дни очередь порой не доходила.

— А у тебя времени свободного слишком много? — весело поинтересовалась Татьяна Сергеевна у Ани.

— Не очень, если честно. Но по выходным его действительно больше, — улыбнулась девушка. — В будни каждый день какие-нибудь дополнительные есть, а еще уроки делать надо.

— Ну тогда занимайтесь, конечно.

Пока Андрей ушел в комнату, чтобы перед возвращением в школу сменить домашнюю майку и шорты на что-то более приличное, а Аня допивала чай, Татьяна Сергеевна доверительным тоном поинтересовалась:

— Скажи, пожалуйста. Тебе-то это зачем — Андрюху на буксире тянуть? Он-то, конечно, удобно устроился. А ты?

— Так я же тоже к экзаменам готовлюсь. А пока объяснишь другому, сама два раза поймешь, — улыbnулась девушка.

Аня как-то незаметно подкупала своей открытостью и юмором, и мама Андрея, глядя на нее, не могла избавиться от мысли, что сын балбес. Встречался бы он с такой девушкой, глядишь, за ум бы раньше взялся. Что ж его так тянет на всяких новиковых с кристинами?

Когда Аня пришла в воскресенье и три часа кряду объясняла Андрею правила, решала с ним варианты ЕГЭ и даже устроила диктант, а после сбежала, отказавшись попить чай, Татьяна Сергеевна убедилась в своих подозрениях. Кажется, девушка равнодушна к ее сыну. Вели они себя вполне прилично, но, скажите на милость, зачем еще отличница будет тратить свое время на подтягивание отстающих, когда самой к экзаменам готовиться надо? Вряд ли у нее просто такое хобби и она подрабатывает репетитором у половины класса! Хотя Татьяна Сергеевна скорее бы подумала, что такая умница и не посмотрит на ее оболтуса, но поди ж ты. Интересно, он-то к ней как относится? Сын держался стойко и не позволял себе ничего лишнего по отношению к Ане. То ли наконец осознал, что не до шашней сейчас, — а то, ишь ты, женитьбой он интересуется! — то ли просто не замечает ее чувств. И в этом случае он уже не балбес, а идиот!

— Не морочил бы ты девчонке голову, сын, — строго сказала Татьяна Сергеевна, едва закрыв за гостьей дверь.

Андрей подивился маминой проницательности. Как она догадалась-то? Они, вроде бы, держали себя в рамках приличий, помня, что кто-то из родителей может зайти в любую минуту. Он не обнимал Аню и не поцеловал ее на прощание, как делал обычно. Он просто разговаривал с ней так, как с любой другой одноклассницей — хотя с другими одноклассницами он, если честно, практически не общался. Где они могли проколоться? Нет, точно не могли. Наверное, мама так напоминает, чтобы он и не думал ни о каких отношениях с Аней, раз обещал. И даже не знает, что он не только думал, но и уже... Тем не менее, решение принято. Они расстанутся. Осталось совсем немного.

— Все под контролем, мам.

Прохладным апрельским вечером Андрей возвращался с подготовки по физике и увидел у соседнего подъезда Гринча. Заметив Светленького, Макс махнул рукой, встал и двинулся навстречу. Андрей напрягся. Ввиду последних событий встреча не предвещала ничего хорошего. Особенно в пустом и полутемном дворе, освещаемом только светом из окон, потому что фонарь над дверью подъезда мелкие хулиганы опять разбили вдребезги. Кто его знает, что еще может взбрести Максу в голову? В конце концов, в детстве они хоть и дружили, но все же неоднократно дрались до кровавых соплей, а однажды даже до выбитого зуба. Повезло, что

зуб был молочный и все равно шатался.

— Здорово, Светлячок! — Гринч был на удивление вежлив.

— Ну привет. Чего хотел?

Андрей старался не показывать виду, но все-таки внутренне собрался и настроился на любой из возможных негативных исходов этой встречи. Но Гринч удивил:

— Да я это... Извиниться за тот случай.

— Это за который из? — Андрей все-таки улыбнулся. Случаев, за которые Макс мог бы извиниться, за всю историю их знакомства было слишком много, все и не упомнишь. И не то чтобы Гринч в чем-то из этого хоть раз раскаялся.

— Да за физру. Перегнул палку, признаю.

Виноватым Макс, конечно, не выглядел. Но все же для него и это было огромным прогрессом. Андрей, расслабляясь, произнес:

— Ладно, проехали.

— Слушай. Спросить хочу. Вы с Анькой правда встречаетесь?

— Да.

— Все серьезно?

— Я люблю ее, — почему-то рассказать об этом Макс было несложно. А вот Ане он этих слов до сих пор не говорил. И, наверное, уже и не стоит. — И твои тупые шутки о ней слушать не стану.

Небритое лицо Гринча озарила искренняя улыбка. Ан-

дрей его таким не видел уже очень давно. Последние несколько лет Макс смотрел на бывшего приятеля со смесью презрения, собственного превосходства, непонятной злобы и какой-то неуловимой тоски, в которой Гринч и сам себе бы никогда не признался.

— Да ты не думай, — начал Гринчук. — Мы с Анькой по старой дружбе собачимся, не всерьез. Если б ее мои тупые шутки обижали, она бы меня уже давно сумкой с учебниками отходила. Мне ж от нее не раз прилетало.

— Серьезно?

— А то! Каблуком в глаз получал когда-нибудь? А я вот получал, когда она мне сменкой по башке зарядила в девятом классе.

— За что?

— А я помню? Подкатить, может, пытался... Да и фиг с ним.

Андрей рассмеялся, испытывая неимоверную гордость за свою девушку.

— Так а чего ты к ней лезешь-то?

— Да всегда так общались. Думаешь, ей сильно сложно дать списать? Нет, просто... «Ты бы своими мозгами думать начал, так и из двоек бы вылез. А там, глядишь, и остальные проблемы уйдут», — передразнил Гринч. Эту отповедь он, кажется, слышал миллион раз, и в последние пару лет, когда Ане надоело пилить его за лень, даже скучал. В конце концов, о нем мало кто в этой жизни заботился, и где-то глубоко

внутри Макс эту заботу очень ценил.

Немного помолчав, Гринчук будничным тоном произнес:
— Ладно, бывай. Увидимся завтра, — и протянул Андрею ладонь.

Чувствуя, что он уже ничего не понимает в этой жизни, тот пожал Гринчу руку.

— До завтра.

Что, скажите на милость, это было? И что это было два года подряд вплоть до сегодняшнего вечера?

Чего Андрей не мог знать, так это того, что, пока они с Аней перекидывались в аське не очень информативными, но крайне важными сердечками, поцелуйчиками и милыми картинками, еще не подозревая, что их беззаветному счастью скоро придет конец, Гринч проводил каждый вечер ка-никул на лавке возле своего подъезда в компании банки ко-лы и Вовки Яковлева. Тот решил вмешаться, глядя на обост-ряющуюся конфронтацию двух некогда близких друзей, од-ному из которых, кажется, уже не хватало терпения избегать ссор, что второй провоцировал раз за разом. Выведя Гринча на откровенный разговор, Вовка случайно запустил лавину, которая могла бы раздавить и его самого, если бы он был хоть чуточку более впечатлительным. Яковлеву всегда казалось, что Макс такой же балагур, как он, только со знаком «ми-нус». Но последние ситуации демонстрировали, что Гринч

вообще без тормозов!

— Слушай. Ну ты чего пристал ко мне? Ты сам уроки через день срываешь!

— Так я-то с юмором. Я хоть одну контрольную сорвал? На мое поведение хоть раз учителя жаловались? Они вместе со всеми хохочут. А мне не жалко. Пока смеются, двоек никому не наставят! Да и класс есть кому помыть, Ирочка рада.

Они действительно чаще всего на пару генералили кабинет Ирины Ивановны в порядке наказания. Уже два года — с тех пор, как Гринч оказался в их классе. До этого Яковлев если и попадался, то отдувался с кем-нибудь из дежурных. Это с десятого класса Вовкино неумное чувство юмора начало приобретать грандиозные масштабы. И на то была причина. Ритка. Ритка Егорова тоже смеялась вместе со всеми и смотрела на него так, что хочется жить. Ей нравился балаган, который он устраивает. Да что там. Время от времени он все это затевал только для того, чтобы спасти Риту от плохой оценки. Благородный клоун, блин. И ничего не мог с собой поделать. Но секретничать об этом с Гринчем он не был готов, а мерзнут они тут все-таки по его, Макса, душу. И душа Макса однозначно просила исповеди. Хоть перед кем-нибудь.

Во-первых, Гринч боялся. Гринч панически боялся, что однажды Кристина сочтет его недостаточно крутым и уйдет. Уж если для нее Светлячок, который на его памяти нравился абсолютно всем, оказался недостаточно хорош, то он, Макс,

и подавно не дотягивает до ее планки. Сейчас его спасала врожденная наглость, недаром она второе счастье, но Гринч прекрасно понимал всю Анькину правоту: его куча двоек, которая пока восхищает Кристинку, потому что он, по ее мнению, не боится учителей и не лебезит перед ними, уже летом превратится в отсутствие перспектив для дальнейшей жизни. Дай бог сдать экзамены на тройки и втиснуться хоть куда-нибудь на вышку или в колледж. Но вообще Макс морально готовился к армии, от которой ничего хорошего не ожидал. И вот тогда на контрасте с ним тот же Светлячок, которого Кристина сейчас презрительно называет «маменькиным сынком», не такой уж и невыгодный вариант: он получит образование, устроится на нормальную работу и сможет обеспечить свою женщину — да хоть бы и ту же Аньку, блин! А Гринчу надо будет через голову прыгнуть, чтобы чего-то достичь. И пока он будет год драить плац, а потом еще и демонстрировать миру чудеса акробатики, Кристинка точно найдет себе мужика, у которого деньги уже есть.

Во-вторых, Гринч ненавидел. Ненавидел отца, который еще пару лет назад измывался над ним как хотел. Сейчас, конечно, на физическую силу у Макса было чем ответить, поэтому отец все-таки немного держал себя в руках и даже мать не трогал, видя, что за нее есть кому заступиться. Но все-таки адекватным батей, какой, например, был у того же Андрюхи, его папаша не стал. Таким надо просто родиться, наверное. Вот Гринч явно таким не родился, поэтому в свои

семнадцать уже твердо решил, что детей у него не будет. Нет, он их, наверное, хотел бы — когда-нибудь в светлом и самостоятельном будущем. Но он не хочет стать им таким же поганым отцом! Его собственный продолжал измываться над семьей, но наказания уже выбирал более изощренные. Бил не кулаком, а словом. Или отсутствием денег на что-то нужное. И ладно, когда папенька лишает его карманных (в общем-то, за дело, чего уж тут) и Гринчу на сигареты не хватает, это можно пережить. Но когда им с мамкой не хватает на картошку с луком, потому что отец уехал на вахту, забрав с собой карточку и всю наличку и не озаботившись, чем семья будет питаться без него, было печально. Но он хотя бы у Кристины мог пожрать, а мать туда столоваться не приведешь. В десятом классе он подвизался по ночам разгружать товары в магазине возле дома — неофициально, конечно, — и с тех пор появились хоть какие-то деньги. Бонусом — торс, будто он сутками торчал в тренажерке, и ощущение собственной крутости, когда Кристина говорит: «Мой парень работает!». Минусом — все остальное. Ни времени на сон и уроки, ни шанса на нормальную жизнь. Замкнутый круг.

И еще — Гринч тосковал. Он страшно жалел о собственной импульсивности, которая постоянно выходила ему боком, и уже дважды привела к тому, что близкие люди просто не хотели больше с ним общаться. Первой не выдержала Аня, и он стремительно покатился вниз в плане успеваемости. Причем даже не сказать, чтобы он у нее активно

списывал, ведь честно сам пытался скрипеть мозгами. Просто знал, что на нее можно положиться, и от этого появлялась какая-то уверенность и в собственных силах. Давно он не испытывал этого чувства, конечно. Светлячок терпел его намного дольше, но и тот в девятом классе слился и нашел себе более интересную компанию. А вот Гринч остался один. Плюс девушка, которая может бросить его в любой момент, когда найдет себе кого-нибудь покруче. Минус два друга, один из которых, без сомнения, был лучшим, а вторая спасала его каждый раз, когда он тонул. А теперь эти два его друга начали встречаться, и Гринч им обоим уже точно совершенно не нужен.

— Просто, понимаешь... Безрадостно все. До тошноты.

— Ну, жизнь — она вообще как зебра.

— Это у тебя как зебра. Моя скорее как бегемот: серая, склизкая и тяжелая, зараза.

Вечер за вечером они обсуждали все подряд, пугая своим мрачным видом редких прохожих, которые с опаской косились на двух крепких подростков на скамейке у подъезда. Выглядели Гринч и Яковлев как хрестоматийные гопники, хотя оба, в общем-то, при всем буйстве своих характеров оставались почти законопослушными гражданами, а один из них даже был хорошистом! Но в сумерках рослые небритые парни, недобро зыркающие на людей из-под козырьков бейсболок, доверия никому не внушают.

— Вот ты куда после школы?

— В Омск. В дорожный.

— Ого, ближний свет, конечно.

— Да у меня бабка там. Мать говорит, что она хоть при-
смотрит за мной. Только это я, походу, буду за ней присмат-
ривать, ей уж под восемьдесят.

— Ну, все равно хотя бы что-то. А я вот в армию, скорее
всего. А потом охранником вон в магазине. Как думаешь,
Кристинка меня дождется?

— Тебе честно, или надежду дать?

— Честно, конечно. Наврать я себе и сам могу.

— Тогда не такая она девушка, чтобы кого-то ждать. Это
тебе не Васильева, вот та своего Светленького хоть с Антарк-
тиды дождется.

— Ну вот и я о том же. А что, Светлячок с Анькой и прав-
да встречаются? Давно?

— Да давненько уже. С полгода, наверное. Осень еще бы-
ла. Ты не замечал, что ли?

— Как-то видел их вместе пару раз. Но кто ж знает, се-
рьезно у них или так, погуляли и разошлись.

— Я не специалист, конечно. Но, по-моему, серьезно.

— Я рад за них. Правда.

Аня ехала в автобусе, раздумывая, стоило ли разводить
такую конспирацию и не лучше ли было сразу признаться,
что у нее есть парень, они любят друг друга и мамино мнение

по этому вопросу учитываться не будет. Поводом для размышлений стала ситуация, которая произошла минут пятнадцать назад.

Они повторяли правописание частиц «не» и «ни», когда у Андрея зазвонил мобильник. Вспомнив о том, какие вести им принес такой же звонок в самом конце каникул, Аня уже не ждала ничего хорошего. И так оно и было. Звонила Рита.

— Привет! Аня у тебя?

— Да. А что такое? — Андрей включил громкую связь.

— Ее мама потеряла. Звонила мне только что. Я сказала, что она ушла буквально минут пять назад. Пусть дует на остановку.

— Понял. Спасибо!

— Бегу! — крикнула Аня в трубку.

Собираться пришлось стремительно. Она чуть не забыла у него пиджак — вот был бы номер, конечно. Тут бы точно спалилась по полной. И вот теперь, сидя у окна в полупустом салоне автобуса, она размышляла, стоило ли все так усложнять. Ну вот что бы мама сделала? Демонстративно пила валерьянку? Однозначно. Заводила разговоры о том, что какой-нибудь Славик как жених намного лучше, потому что лучше учиться? Возможно. Заперла дома до самого выпуска? Разумеется, нет. А остальное было не так уж и страшно. Андрей бы ее покорила своей галантностью и джентльменскими замашками — это совершенно точно. У него был талант нравиться абсолютно всем учителям даже без особых успехов в

плане оценок. Девушка сильно подозревала, что Андрей бы пришел с цветами и попросил у ее мамы официального разрешения ухаживать за Аней, будь у него такая возможность. И маме бы и в голову не пришло ему отказать. И чего она так боялась?

Вот только проблема, которая стояла перед ними теперь, была гораздо серьезнее всех глупых детских страхов, что мама наругает. Им осталось всего полтора месяца вместе. И какой смысл уже кому-то о чем-то рассказывать? Чтобы потом бесконечно слушать мамины сожаления о том, какой был хороший мальчик? Вот уж увольте! Это она и так знает.

Может, Анна Николаевна была в чем-то права? На днях у них состоялся интересный диалог, и Аня чувствовала, что в нем прозвучало нечто важное для нее, но мысль постоянно ускользала, ее никак не удавалось поймать за хвост и додумать.

— Какое произведение из школьной программы тебе больше всего нравится? — вдруг решила поинтересоваться на их дополнительном занятии учительница, отложив ненадолго разбор пьесы Горького «На дне».

Аня начала перебирать варианты. Сложно было ответить вот так сразу, когда ты весь год читаешь книги не для души, а для подготовки к экзаменам. И все же, ответ пришел в голову сам:

— «Герой нашего времени», наверное.

Анна Николаевна улыбнулась:

— Значит, в тебе еще силен дух максимализма.

— Это плохо?

— Нет, конечно. Но это проходит.

Девушка тогда подумала, что, если это пройдет, то в таком случае это будет уже какая-то другая Аня. Интересно на нее посмотреть. Вроде бы логично, что все растут и меняются, но в отношении себя самой этот факт почему-то удивлял. Странно было представлять, что и она тоже когда-то изменится и больше не будет такой, как теперь. В свои неполные семнадцать Аня казалась себе самой что ни на есть истинной. Такой, какой она и должна быть. Словно более настоящей Ани уже не будет.

За месяц до последнего звонка одиннадцатые классы «обрадовали» распоряжением: выпускники должны танцевать школьный вальс на торжественной линейке. Идея директрисы, желающей ввести в школе новую традицию, не обсуждалась. Все должно быть красиво, и репетиции прогуливать не рекомендуется. И если кого-то (ту же Риту, например) перспектива потанцевать в толпе народу даже обрадовала, то Аня по этому поводу никакого восторга не испытывала.

— А можно от этого как-то откосить? — проворчала она, когда Андрей в своей джентльменской манере официально пригласил ее на танец. Все классы собрали на репетицию сразу после уроков, и это означало, что сегодня у них не бу-

дет полутора часов до ее занятия с Анной Николаевной.

— Тебе-то можно. Девочек у нас на параллели больше. Но тогда меня заставят танцевать с кем-нибудь еще, а я хочу с тобой.

— Я и танцевать-то не умею.

— Все ты умеешь, я видел. И от нас не будут требовать невозможного.

— Точно?

— Это просто школьный вальс. Не балет. И к тому же, нам ведь надо как-то красиво попрощаться, — грустно улыбнулся Андрей.

Аргумент подействовал. Аня встала в пару и героически пыталась запомнить шаги, изредка путая правую и левую ногу. Она смущалась, и Андрей это видел.

— Мы успеем все отрепетировать. Расслабься, — шепнул он так тихо, чтобы услышала только она.

— Как?

— Ты мне доверяешь?

— Да.

Он сжал ее ладонь чуть крепче, держа вторую руку немного выше ее талии. Максимально прилично. Рядом Рита вальсировала с Лешкой Елисеевым и улыбалась ему так, что Сереженька бы непременно обиделся. Впрочем, ее это уже практически не интересовало. Где-то в другом конце зала Гринч кружился с Кристиной — их сразу отправили в самый дальний ряд, потому что культорг заранее не ожидала от них

ничего хорошего. Но запретить им участвовать в массовом танце все-таки было неправильно. Это и их праздник тоже. Оставалось только уповать на чудо и верить, что они не отмочат ничего предосудительного, — или что за другими танцующими парами их будет не особенно видно. Вовка Яковлев вел в танце Таню Ященко из 11 «Б», то и дело посматривая на довольную Риту. Он не успел ее пригласить и ощущал себя полнейшим лузером. Славик топтался на месте с высокой полноватой девочкой, имени которой даже не знал, — их просто поставили в пару, потому что другие парни на фоне такой партнерши выглядели тщедушными цыплятами, а еще более подходящего ей по комплекции Елисеева уже увела Ритка.

После часа мучений культорг наконец отпустила всех с миром, пригрозив чуть ли не ежедневными репетициями после майских праздников. Аня и Андрей скрылись в нише под лестницей, где в далеком детстве прятались и играли в шпионов. Идти куда-то на двадцать минут не имело смысла. Сидя на учебнике алгебры, который она кинула на пол, чтобы не испачкать брюки, девушка слушала, как Андрей, устроившийся просто на корточках, пересказывает ей параграф по физике. Тему задали на дом для самостоятельного изучения, но тратить время еще и на этот предмет в последний месяц учебы у Ани не было ни малейшего желания.

— Сын, вы сильно заняты? — Татьяна Сергеевна заглянула в комнату, где Аня и Андрей, сидя за письменным столом плечом к плечу, штурмовали беспощадную пунктуацию.

— Смотря что нужно, — откликнулся Андрей. Он был не прочь сделать перерыв, потому что мозг уже не воспринимал поступающие в него знания.

— В магазин сходишь? А то сейчас вареников наварю вам, а сметаны нет.

— Схожу.

И только он собрался предложить Ане немного прогуляться за компанию (они сидели рядом уже два часа, и он до сих пор ни разу ее не поцеловал!), как мама его опередила:

— Анечка, пойдем на кухню, отвлечешься немного.

Облом, подумал Андрей, ругая про себя собственную медлительность и мамину излишнюю инициативность. Вот дались ей эти вареники!

Сбежав в магазин максимально быстро, парень вернулся домой уже минут через пятнадцать и застал на кухне удивительную картину: его девушка ловко лепила вареники на пару с его мамой, при этом обе они смеялись и обсуждали, какая начинка вкуснее. Аня любила с вишней, но наковырять косточки из полведра ягод — то еще развлечение. Поэтому вареники с вишней они с мамой лепили от силы раз в году. Татьяна Сергеевна предпочитала с творогом, которые сегодня и были в меню, — собственно, потому, что они не требуют долгой возни, а у нее после отъезда Светы и так нет

помощников на кухне.

— Как у тебя хорошо получается. Аккуратные такие. Видно, что готовить умеешь, — похвалила Татьяна Сергеевна труд гостыи.

— Я? Нет, я не умею. Так, яичницу пожарить могу, салат порезать. Макароны сварить. Суп — только в теории. Мама считает, что я в общаге с голоду помру в первую же неделю, — засмеялась Аня.

— Да ладно. Еще ни одна хозяйка с голоду не померла, так и запомни! Все рано или поздно осваивают кулинарные премудрости. Тем более, в общежитии. Там и соседки научат, вместе всегда веселее. Мы борщ вскладчину всем этажом варили. Большую десятилитровую кастрюлю — каждому по тарелке. О, Андрюшка! Садись с нами лепить! — больше для виду позвала Татьяна Сергеевна, зная, что сын готовкой не интересуется в принципе: он предпочитает есть.

Но Андрей покорно уселся на свободную табуретку и заявил:

— Ну показывайте, как, — и действительно стал старательно лепить немного кривоватые вареники, чем еще больше удивил мать.

Уютная семейная атмосфера совместной лепки плавно перетекла в обед, и заниматься учебой уже совершенно не хотелось.

— Давай, что ли, вальс порепетируем? — предложил Андрей, всячески пытаясь избежать дальнейшего мозгового

штурма. — От русского уже голова пухнет.

— Ага. На полный желудок только вальсировать. Моя грациозность помахала ручкой еще пять вареников назад, — рассмеялась Аня.

— Ты просто ждешь, когда я начну тебя уверять, что ты отлично танцуешь, — притворно обличительным тоном произнес Андрей.

— Ну вот. Ты меня раскусил. Теперь хвали. Я жду! — задрала нос Аня, сложив при этом руки на груди.

Глядя на то, как дети в шутку пререкаются друг с другом, Татьяна Сергеевна поймала себя на мысли, что они очень гармонично смотрятся вместе, а сын так и вовсе выглядит непривычно счастливым. Женщина искренне не понимала, почему они с Аней до сих пор не встречаются. Вот Андрюха дурак! Но спрашивать об этом Татьяна Сергеевна не рискнула: до экзаменов меньше месяца, и, если он сейчас от любви потеряет голову, как в девятом классе, будет весьма печально. Пусть пока так общаются, после ЕГЭ разберутся. Аня ему точно нравится (когда бы он еще сел вареники лепить), но, наверное, он все-таки помнит, что обещал продержаться до окончания школы, и слово свое нарушать не намерен. Не может же быть так, чтобы ее балбес действительно упустил девушку, которая ему настолько подходит!

И, слушая, как из детской доносится терпеливое: «Левая, правая, поворот. Правая... Нет, Аня, правая — другая», — Татьяна Сергеевна только убеждалась в своих подозрениях.

Кажется, у Светленьких на роду написано — встретить свою любовь в семнадцать. Папин сын, что тут скажешь.

Сереженька, конечно, переплюнул сам себя! Это ж надо было додуматься — ставить условия, куда ей поступать. Как они вообще перескочили на эту тему с герундия? Рита даже не знала. Просто в какой-то момент посреди разбора английской грамматики оказалась обязанной поступать вместе с ним в РУДН. Хотя в жизни туда не собиралась: это Сережа грезил перспективой стать переводчиком, учиться в одном из лучших вузов страны. Он вообще знал себе цену. Еще бы, Трубецкой — это вам не фунт изюму! Имел ли Сережа отношение к тем самым Трубецким, Рита не знала, но замашки у ее парня были барские, в этом она уже не раз убедилась.

— Слушай, ну, допустим, я туда даже поступлю. Но платить-то кто будет?

— Родители, естественно.

— Ты ценник видел? У меня мама столько примерно за год зарабатывает.

— Ну и что ты предлагаешь?

— Тебе? Ничего.

Про себя Рита прекрасно понимала, что РУДН ей не светит. Ей вообще многое в жизни не светило, причем с самого рождения. Нормальная семья, например. В ее свидетельстве о рождении в графе «отец» стоял прочерк. Фамилия была

мамина. Отчество — в честь деда, не дожившего до рождения внучки. Как звали ее отца, Рита не знала. Как он выглядел — тоже. Рита была точной копией матери, которая, по ее словам, родила дочку исключительно для себя. Впрочем, Рите она настоятельно советовала так не делать хотя бы до тех пор, пока не встанет на ноги. Девочка подозревала, какого рода история могла скрываться в семейном шкафу со скелетами, и, в общем-то, лишних вопросов не задавала.

Мама же учила Риту рассчитывать в жизни только на свои силы, потому что больше им рассчитывать было не на кого. Даже у Ани, которая тоже росла без отца, все-таки была большая дружная семья с кучей двоюродных, троюродных братьев и сестер, теток, дядек и племянников. И Аня всегда знала, что эта толпа подхватит ее, если она будет падать. Рита же всю жизнь ощущала себя канатоходцем без права на ошибку. Ее ловить некому, она просто разобьется. Штурмовать РУДН при таком раскладе выглядело со всех сторон идеей бессмысленной. Она, конечно, не отказалась бы сделать головокружительную карьеру переводчика, сопровождать каких-нибудь высокопоставленных политиков в их заграничных поездках и так далее, но здраво оценивала свои силы и таланты. Пед недалеко от дома — и желательно на бюджет. Очень желательно. Потому что не баре. Потому что лишних денег нет, хотя на жизнь, в принципе, хватает. На девчачьих штучках экономить не приходилось, но пять лет обучения на платном как-то дороже помады и новых сапо-

жек.

Сережу в этом самом педи Рита не представляла. Она и сама о карьере преподавателя английского не мечтала, просто понимала, что знание иностранного языка вполне себе ценный навык. А уж ее парень в роли школьного учителя был за гранью фантастики! Пусть себе летит штурмовать столицу, если сможет. Удачи ему. Она и так уже полгода планирует заканчивать эту трагикомедию. Сережа — не ее человек. Но сообщать ему об этом сейчас, когда на носу ЕГЭ, все же не стоит. Рита решила не трепать себе нервы лишний раз и сосредоточиться на учебе. Расстанутся после экзаменов.

13.

Ирина Ивановна смотрела на свой 11 «А» с умилением, чего практически не бывало ранее. Очередной ее самый худший класс выпускается, и от торжественного вида этих оборотов опять щиплет глаза. Даже Гринч — прости господи, Гринчук, — выглядит каким-то взрослым и серьезным, кружа в вальсе свою Кристину, которую Стеценко на дух не переносила. Та еще вертихвостка и заноза, однако, поди ж ты, нашли друг друга и, кажется, вполне довольны. Ирина Ивановна оглядела зал в поисках еще одной интересной ей парочки. Каждый год старшеклассники тратят драгоценное время для подготовки к экзаменам на страсти в духе Ромео и Джульетты, и обычно все эти влюбленности заканчиваются сразу же за школьным порогом. Но за этих ребят она и правда болела. Невозможно уже было со спокойной душой смотреть, как Светленький, ее любимчик, что уж тут скрывать, чуть ли не шею сворачивает в сторону Васильевой. Она была готова ставить их в пару на дежурство сколько потребуется, чтобы Андрюха, который вообще-то за словом в карман не лез, наконец перестал стесняться этой безобидной и вполне дружелюбно к нему настроенной девочки! А если и это не поможет, Ирина Ивановна планировала прямо попросить Аню позаниматься с одноклассником, раз уж Светленький сам не в состоянии. Но расчет сработал, и Андрюха не

подвел. Более того, за компанию он еще и начал учиться, показывая неплохие результаты, которых Ирина Ивановна от него уже и не ожидала. Да где же они? А, вот, конечно, на максимальном расстоянии от Гринча. Смотрят друг другу в глаза со счастливыми улыбками на лицах. Андрей бережно обнимает Аню и аккуратно ведет в танце, не давая девушке занервничать и сбиться. Пусть у них все сложится...

Аня действительно не видела ничего вокруг, кроме успокаивающего взгляда Андрея. Она в жизни не могла себе представить, что будет вот так кружиться в вальсе перед кучей народу. Да и не согласилась бы она на такую авантюру, если бы не Андрей. Но с ним было ничего не страшно. Страшно было лишь думать, как она будет без него. Сегодня они еще вместе, а завтра — уже нет. Не думать, не думать. И улыбаться. Раз-два-три, раз-два-три...

Андрей любовался своей Аней. Два хвоста с бантиками и ямочки на щеках — все как тогда, в первом классе. Он бы даже не удивился, если бы это действительно были те же самые бантики. И хотя его одноклассницы за всю школьную жизнь ни разу не надевали эти коричневые платица с белыми фартуками — форму отменили за несколько лет до того, как они начали учиться, а вот Светка, кажется, в первый класс шла еще в таком наряде, — Андрей не мог не признать, что идея директрисы и культорга была неплоха. Смотрелось эффектно. Может, именно у одиннадцатиклассниц эти фартуки и не вызывали чувства ностальгии, но вот мамы и учителя риско-

вали расстаться со своим праздничным макияжем. И, кажется, даже Ирина Ивановна сейчас уже не считала их 11 «А» самым худшим классом в своей педагогической карьере.

Стараясь не прижимать к себе девушку слишком сильно, чтобы это не выглядело чем-то неприличным, Андрей не мог избавиться от мысли, что жизнь могла бы быть к ним более справедливой. Такое окончание их истории его не устраивало, но других вариантов ни он, ни Аня так и не придумали. Пожалуй, стоило вообще не начинать всю эту авантюру и ограничиться только своим разбитым сердцем, так и не узнав, что любовь всей его более-менее сознательной жизни готова ответить ему взаимностью. Так и не узнав, насколько им хорошо вместе. И насколько сильно на самом деле она нужна ему. Андрей с какой-то грустной уверенностью осознавал, что такого чувства у него — а он, если повезет, проживет еще не один десяток лет — больше не будет. И вместе с тем, он искренне желал, чтобы у Ани такое чувство все-таки было. Чтобы она была счастлива.

Последний школьный звонок, который, конечно же, давала Аня на пару с Лешкой Елисеевым, призером каких-то серьезных соревнований по тяжелой атлетике, прозвучал звонко и оптимистично. Сдай экзамены — и вся жизнь впереди! Любительская фотосессия в классе и коридорах, небольшая прогулка по центру города, куда традиционно в день последнего звонка стекались выпускники всех школ, и поцелуй на прощание, когда Андрей проводит Аню до дома, — вот и

все, что у них осталось. И этого крайне мало в масштабах вселенной, где дальше они будут как-то барахтаться поодиночке.

После обязательной программы 11 «А» отправился гулять по городу полным составом, словно они были самым дружным классом за всю историю школы. Мальчишки не пререкались, не спорили, какая игра лучше, не пытались друг друга поддеть, чтобы казаться более крутыми. Девчонки не сбивались в кучки по интересам, не шушукались по углам и не строили глазки парням, раз уж меньше чем через месяц жизнь их раскидает по разным городам. Чувство единства для 11 «А», собранного из остатков двух совершенно разных классов, было чем-то новым. Казалось, они два года так и держались привычными с детства компаниями. Но — нет. Теперь у них было много общего, и это как-то отличало их группку от других выпускников на главной городской площади. Как минимум, каждый из них получил с десятков нагоняев от Ирины Ивановны, а общий враг, как известно, сплотит любой коллектив.

Андрею, привыкшему бегать в школу в одной рубашке в любую погоду, было невыносимо жарко в классическом костюме. А вот Аня в тоненьком платье и кружевном фартуке мерзла: наряды шили на заказ из какой-то современной синтетики, и, в отличие от советских шерстяных, они совсем

не грели. Глядя на девушку, Андрей наконец понял, зачем ему пиджак. Конечно же, чтобы укутать в него Аню, которая уже мелко подрагивала на ветру! Они сидели в обнимку. Такое редкое счастье — совершенно ни от кого не скрываться! Вокруг было полно таких же парочек, и они не сильно выделялись на общем фоне. Ритка грелась в пиджаке Вовки Яковлева. Отбившись от своей партнерши по вальсу, он все-таки предпринял очередную попытку завоевать внимание одноклассницы. Рита смеялась над его шутками и была вполне благосклонна. Аня знала, что та не верит в серьезность Вовкиных намерений, но, видимо, подруга замерзла и была не против его компании. Убедившись, что Рита в надежных руках, Аня предложила Андрею сбежать. Просто погулять, слившись с толпой белых бантов и красных ленточек. В конце концов, это их последний день вместе, и неплохо бы провести его только вдвоем.

Обойдя весь город, посидев на набережной, походив по парку, где они пропадали часами с самой зимы, и переговорив, кажется, обо всем на свете, Аня и Андрей повернули в сторону ее дома. Они долго целовались прямо у подъезда, совершенно не думая о том, что мимо может пройти Ирина Ивановна, а то и Анина мама решит спуститься, например, за хлебом. Но, к счастью, двор был абсолютно пуст, даже детвора вместе со своими раздражающими велосипедами и мячиками сегодня умотала куда-то в другое место. Наконец Аня сняла пиджак, в котором гуляла весь вечер, и про-

тянула его Андрею.

— Ну... вот и все?

— Нет, погоди, — Аня порылась в сумке и выудила оттуда ручку. Простую черную гелевую ручку, какая нужна на ЕГЭ. Татьяна Сергеевна на днях закупила точно такие же на весь класс, чтобы никто не забыл на экзамен орудие труда. — Это тебе. Самая счастливая ручка на свете. Она пишет все экзамены исключительно на высокий балл.

— Спасибо! — Андрей прижал девушку крепче и уткнулся лицом в ее бантики. Он бы с удовольствием простоял так всю жизнь и даже согласился окаменеть, чтобы потом, столетия спустя, археологи нашли необычную статую обнимающихся подростков и сильно удивились.

— А это — на удачу, — Аня немного отстранилась, потянулась и поцеловала его. В последний раз провела пальцами по его щеке (уже слегка колючей, и это было невыносимо приятно), в последний раз посмотрела в космос в его глазах и в последний раз махнула рукой на прощание, заходя в подъезд.

— Я люблю тебя, — прошептал Андрей, когда за девушкой закрылась дверь. Он любил ее всю жизнь и так и не сказал ей этого. И теперь уже не скажет. Развернувшись, парень пошагал в сторону своего дома. Окаменеть под дверью ее подъезда в одиночку и с разбитым сердцем было бы как-то глупо.

На ЕГЭ по русскому Андрею попался текст о любви. Предлагалось порассуждать, действительно ли возвышенные чувства могут изменить человека до неузнаваемости, заставить стать лучше. О, ему было что рассказать на эту тему! И, спасибо Ане, соображения свои он стал излагать намного грамотнее, чем год назад. Заметив однажды, как он начинает обдумывать каждую орфограмму и сбивается с мысли, она посоветовала сначала записать все, что в голову приходит, а уже потом искать и исправлять ошибки. И это, на удивление, действовало.

Когда Андрей переписал сочинение в бланк и готов был сдавать работу, до конца экзамена оставалось еще минут двадцать. Аня, как он знал, всегда сидела до последнего. Она предпочитала не торопиться и лишний раз подумать над сложными заданиями — глядишь, еще какая-нибудь умная мысль в голову придет, а за нее дополнительный балл накинут. Решение подождать девушку пришло само. Надо же поделиться впечатлениями от экзамена! Она столько сил вложила в его подготовку, ей наверняка интересно, как все прошло. Да, они официально больше не вместе. Но разговаривать-то им никто не запрещал? Они уже несколько дней не перекидывались сердечками в аське, но по пути в пункт проведения ЕГЭ сегодня утром общались, как обычно на людях. Аня напоследок проверила, как он вызубрил правила, которые давались ему сложнее всего. Вот ведь будущая учитель-

ница!

Когда Аня вышла из школы, Андрей уже ждал ее на крыльце. Он выглядел более воодушевленным, чем весной после пробного экзамена, который чуть не завалил, и девушка сделала вывод, что все не так уж плохо.

— Ну как?

— Определенно лучше, чем было. Я хотя бы понимал, что делаю.

— Молодец! Я же говорила, все получится! - просияла девушка.

Он просто не верит в себя так, как она в него. Аня давно уже это поняла.

— Ну, без тебя не получилось бы точно. И надо еще результатов дожидаться.

— Все будет хорошо.

— Надеюсь, — вздохнул Андрей. — Кстати, ты забыла у меня свой справочник.

— Не забыла, а оставила, чтобы ты мог повторить что-то в любой момент.

— Пойдем, отдам. Он ведь тебе еще нужен.

Они шли и разговаривали об экзамене. Андрей рассказывал, в каких заданиях все-таки сомневался, Аня говорила, как нужно было ответить правильно. Вспоминали какие-то смешные моменты с уроков, обсуждали следующий экзамен — математику. Было легко поверить в то, что их никогда ничего не связывало, кроме совместной учебы. Они просто од-

ноклассники. И, наверное, друзья детства.

— Да проходи, не стесняйся! — стаскивая неудобные классические туфли, произнес Андрей. Он предпочитал кроссовки, но на экзамен пришлось идти в приличном виде.

Ане не хотелось мучиться с ремешками на бывших школьных босоножках, в которых она сегодня ходила на ЕГЭ. В конце концов, как сменка они ей больше не нужны. Хотя, если честно, эти шпильки не предназначены для прогулок по щербатым тротуарам Первомайского, и, если бы не Андрей, она бы пару раз по пути сюда подвернула ногу. Домой она точно поедет на автобусе.

— Да нет, я тут подожду. Разуваться долго.

Андрей вдруг подумал, что на этих каблуках Аня намного выше обычного, и целоваться так будет гораздо удобнее. А они даже и не пробовали, сразу решив не следовать примеру Гринча и Кристины. Но ведь можно было найти в школе какой-нибудь укромный уголок! Да, он совершенно точно врал, когда пытался убедить себя, что они просто одноклассники. На просто одноклассниц он не обращал внимания — было без разницы, во что они одеты и как выглядят. А вот от Ани он никогда глаз отвести не мог. Никому бы не признался, но помнил каждый ее наряд чуть ли не до мельчайших подробностей. Особенно эту юбку — она всегда ему нравилась. И эту блузку, которая так выгодно подчеркивает Анину фигуру и будоражит его фантазию. Будь что будет, решил Андрей, прижимая девушку к себе. В конце концов,

надо же проверить, насколько эти каблукки меняют ощущения при поцелуе! Исключительно в порядке эксперимента.

Аня не возражала. Невозможно вот так просто в одночасье расстаться с человеком, который тебе дорог. Это все было слишком привычным, чтобы вспомнить, что они вообще-то несколько дней как не встречаются.

Пальцы Андрея скользили все выше по тонкому капрону — юбка на любимой девушке для этого и существует, не так ли? — и внезапно нащупали край кружева. *Чулки? Серьезно?* Вот теперь он точно попал. Потому что он должен это увидеть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.